

ISSN 2542-2197

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2021 10 (852)

МГЛУ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

1930

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2021

10
ВЫПУСК 852

MSLU

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY**

1930

HUMANITIES

Moscow
FSBEI HE MSLU
2021

10

Issue 852

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор филологических наук, профессор *Г. Г. Бондарчук*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Беляков Д. А., канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Бондарев А. П., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Бубнова Г. И., д-р филол. наук, проф. (МГУ им. М. В. Ломоносова)
Воробьев В. В., д-р филол. наук, проф. (РУДН)
Ганин В. Н., д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
Глушак В. М., д-р филол. наук, проф. (МГИМО)
Голубина К. В., канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Голубкова Е. Е., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гусейнова И. А., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Евтушенко О. В., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Егорова О. Г., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Захары Михайлов Захарьев, д-р ист. наук, проф.
(Федерации дружбы с народами России и СНГ, Болгария)
Захарова Н. В., канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник (ИМЛИ РАН)
Зусман В. Г., д-р филол. наук, проф. (НИУ «Высшая Школа Экономики» в Н. Новгороде)
Ирисханова О. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Косиченко Е. Ф., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Космарская И. В., канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Краева И. А., канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Кузнецов В. Г., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Малыгина И. В., д-р философ. наук, проф. (МГЛУ)
Осьминина Е. А., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Порохницкая Л. В., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Потапова Р. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Семина И. А., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Силантьев Р. А., д-р истор. наук (МГЛУ)
Сомова Е. В., д-р филол. наук, доц. (МПГУ)
Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Толкачев С. П., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Травников С. Н., д-р филол. наук, проф. (Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина)
Трыков В. П., д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
Харитончик Э. А., д-р филол. наук, проф. (Минский гос. линг. ун-т, Беларусь)
Хитина М. В., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Ченки А. Дж., д-р наук по славянским языкам
(Свободный университет, Амстердам, Нидерланды; МГЛУ)
Черноземова Е. Н., д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
Янулевичене В., д-р филол. наук, проф. (Университет им. М. Ромериса, Вильнюс, Литва)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

МЕНТАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В ПАРЕМИОЛОГИИ КРЫМСКО-ТАТАРСКОГО, АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ <i>Джелилов А. А.</i>	9
СВОЙСТВА ДЕЕПРИЧАСТИЙ В РУССКОМ И ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ В СРАВНИТЕЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ <i>Дубровина М. Е.</i>	23
ФОРМИРОВАНИЕ МЕДИАОБРАЗА БОЛЕЗНИ КАК СПОСОБ БОРЬБЫ С ЭПИДЕМИЕЙ (на материале китайских СМИ) <i>Калинин О. И.</i>	32
ТИПОЛОГИЯ И МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ (на материале китайского языка) <i>Колпачкова Е. Н.</i>	47
СТРАТЕГИИ ВЕЖЛИВОСТИ В РЕЧЕВОМ АКТЕ ОБРАЩЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ И ШВЕДСКОМ ЯЗЫКАХ <i>Линевиц Н. Ю.</i>	61
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА С КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ТЕКСТОВ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ <i>Варина Е. Р.</i>	77
ТИП ОРИЕНТАЦИИ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРСОНАЛЬНОГО ДЕЙКСИСА (на материале японских диалогических текстов) <i>Медюлянова В. А.</i>	87
ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА КОЛЛОКАЦИЙ С КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ <i>Мозоль Т. С.</i>	102
РАССОГЛАСОВАННОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И МЕСТОИМЕННЫХ ЛЕКСЕМ ПО РОДУ И ЧИСЛУ В ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ <i>Немцева А. А.</i>	112
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АКАДЕМИИ ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКА ПО СОЗДАНИЮ НОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В УСЛОВИЯХ КОРОНАВИРУСА <i>Полищук А. И., Кокликов В. О.</i>	126

ЭКСПРЕССИВНАЯ ФУНКЦИЯ ЯПОНСКИХ ОНОМАТОПОЭТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РАССКАЗАХ ЭДОГАВЫ РАМПО <i>Румак Н. Г.</i>	138
СЕМАНТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ВОЕННЫХ ТЕРМИНОВ (на материале современного вьетнамского языка) <i>Сербин В. А.</i>	150
СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ НЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ АРАБСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ <i>Тюрева Л. С.</i>	163
ВТОРИЧНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ ПЕРЕНОСНЫХ ЗНАЧЕНИЙ <i>Юлдашев А. Г.</i>	182

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ВКЛАД ПУБЛИЦИСТА Ч. АЙТМАТОВА В ФОРМИРОВАНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ИМИДЖА КИРГИЗСТАНА <i>Асанова А. А.</i>	195
НОВЫЙ ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В КОРЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ НА РОДНОМ ЯЗЫКЕ XVIII–XIX ВЕКОВ КАК ЭЛЕМЕНТ ПЕРЕХОДНОГО ЭТАПА К СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ <i>Гурьева А. А.</i>	206
ВОСПРИЯТИЕ ТВОРЧЕСТВА И. С. ТУРГЕНЕВА В КОРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ <i>Ро Чжи Юн</i>	224

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

РОМАН В. М. ДОРОШЕВИЧА «МУ-СЯН» КАК ШИНУАЗРИ <i>Осьминина Е. А.</i>	236
ВОСТОЧНЫЕ ЯЗЫКИ В МГЛУ: 30 ЛЕТ <i>Рахимбекова Л. Ш.</i>	244

CONTENTS

LINGUISTICS

MENTAL CULTURE IN PAREMIOLOGY OF THE CRIMEAN TATAR, ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES <i>Dzhelilov A. A.</i>	9
THE MAIN FEATURES OF CONVERBS IN RUSSIAN AND TURKISH LANGUAGES IN A COMPARATIVE PERSPECTIVE <i>Dubrovina M. E.</i>	23
FORMATION OF THE DISEASE MEDIA IMAGE AS A WAY TO COMBAT PANDEMIC (on the material of the Chinese media) <i>Kalinin O. I.</i>	32
TYOLOGY AND GOVERNMENT PATTERNS OF ADJECTIVES: THE CASE OF CHINESE <i>Kolpachkova E. N.</i>	47
POLITENESS STRATEGIES IN THE SPEECH ACT OF ADDRESS IN ENGLISH AND SWEDISH <i>Linevich N. Y.</i>	61
SOME ASPECTS OF CHINESE TO RUSSIAN TRANSLATION OF TEXTS ON SOCIAL AND POLITICAL TOPICS <i>Varina E. R.</i>	77
TYPE OF ORIENTATION AS A FEATURE OF PERSON DEIXIS (on the material of Japanese dialogical texts) <i>Mej Julianava V. A.</i>	87
THE TRANSLATION OF KOREAN COLLOCATIONS INTO RUSSIAN <i>Mozol T. S.</i>	102
THE PHENOMENON OF GENDER AND NUMBER NON-AGREEMENT IN THE USE OF NOMINAL AND PRONOMINAL LEXEMES IN THE DANISH LANGUAGE <i>Nemtseva A. A.</i>	112
ACTIVITIES OF THE PERSIAN LANGUAGE ACADEMY TO CREATE A NEW TERMINOLOGY IN THE CONTEXT OF CORONAVIRUS <i>Polishchuk A. I., Koklikov V. O.</i>	126

EXPRESSIVE FUNCTION OF JAPANESE ONOMATOPOETIC WORDS IN SHORT STORIES BY EDOGAWA RANPO <i>Rumak N. G.</i>	138
SEMANTIC WAYS OF MILITARY TERMINOLOGY FORMATION (based on modern Vietnamese) <i>Serbin V.A.</i>	150
MEANS OF FORMATION OF NEOLOGISMS IN MODERN ARABIC LITERARY LANGUAGE <i>Tyureva L. S.</i>	163
SECONDARY INTERPRETATION AS A FACTOR IN THE FORMATION OF THE SEMANTIC NATURE OF FIGURATIVE MEANING <i>Yuldashev A. G.</i>	181

LITERARY STUDIES

THE CONTRIBUTION OF PUBLICIST CH. AITMATOV TO THE FORMATION OF THE DEMOCRATIC IMAGE OF KYRGYZSTAN <i>Asanova A. A.</i>	195
NEW FEMALE IMAGES IN KOREAN VERNACULAR POETRY OF THE 18 TH – 19 TH CENTURIES AS AN ELEMENT OF TRANSITION TO MODERN LITERATURE <i>Guryeva A. A.</i>	206
RECEPTION OF I. S. TURGENEV IN MODERN KOREAN LITERATURE <i>Rho Ji Yun</i>	224

CULTUROLOGY

THE NOVEL «MU-SYAN» OF V. M. DOROSHEVICH AS A CHINOISERIE <i>Osmirina E. A.</i>	236
ORIENTAL LANGUAGES IN MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY: 30 YEARS <i>Rakhimbekova L. Sh.</i>	244

Научная статья

УДК 81'246.3'373.7

DOI 10.52070/2542-2197_2021_10_852_9

МЕНТАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В ПАРЕМИОЛОГИИ КРЫМСКО-ТАТАРСКОГО, АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

А. А. Джелилов

«Финансово-экономический колледж», АНО «ООВО» «Университет экономики и управления», Симферополь, Республика Крым, ahtemenglish@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена этнолингвистическому исследованию паремиологии крымско-татарского, английского и русского языков. В работе представлены два семантических поля паремий, характеризующих этнокультурное мировидение в крымско-татарском, английском и русском языках: «Верования, обряды и духовность» и «Нравственные воззрения и житейская мудрость». Определяется понятие «мышление этноса» как базовый компонент (совокупность ментальных универсалий, общих для всех народов) и национально-специфический компонент. Выделяется национально-специфический компонент сознания, который формируется при определяющей роли совокупности факторов среды бытования этноса.

Ключевые слова: ментальная культура, антропоцентрическая парадигма, языковая картина мира, этническая идентичность, этнолингвистика, паремиология, фразеология, лингвоконцептология

Для цитирования: Джелилов А. А. Ментальная культура в паремиологии крымско-татарского, английского и русского языков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 10 (852). С. 9–22. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_10_852_9

Original article

MENTAL CULTURE IN PAREMIOLOGY OF THE CRIMEAN TATAR, ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

A. A. Dzhelilov

АНО «РЕО», «Financial and Economical College», АНО «ЕОHE» «University of Economics and Management», Simferopol, Republic of Crimea, ahtemenglish@mail.ru

Abstract. The article deals with the ethnolinguistic research of the proverbs in the Crimean Tatar, English and Russian languages. The work presents two semantic fields of proverbs and sayings that characterize the ethnocultural worldview in the Crimean Tatar, English and Russian languages: "Beliefs, rituals and spirituality" and "Moral views and worldly wisdom". The "people's mental thinking" concept is defined as a basic component (a set of mental universals common to all peoples) and a national-specific component. The national-specific component of consciousness is highlighted. It was formed with the decisive role of a set of environmental factors through the ethnic group existence.

Key words: mental culture, anthropocentric paradigm, linguistic picture of the world, ethnic identity, ethnicity and linguistics, paremiology, phraseology, linguistic aspects of concept studies

For citation: Dzhelilov, A. A. (2021). Mental culture in paremiology of the Crimean Tatar, English and Russian languages // Vestnik of Moscow State University. Humanities, 10 (852), 9–22. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_10_852_9

Введение

Мировоззрение во многом определяет метод познания. Картина мира является его результатом. Наличие эквивалентности в картине мира отражает оппозицию общего и специфического познавательной деятельности человека разных уровней абстракции. Каждый этнос имеет собственное представление о мире, общих проявлениях материальной, духовной, организационной и поведенческой культур [Корнилов, 2003]. В то же время в одной этнической культуре могут отсутствовать компоненты, имеющиеся в другой. Концепты, присущие общечеловеческой культуре, находят свое отражение в каждом этносе. Однако объекты действительности могут вызывать всевозможные ассоциации и по-разному сопоставляться с культурно-историческим опытом народа. К примеру, средневековую ментальность необходимо воспринимать как аналогичный тип «высокой» культуры.

Менталитет определяется как особый культурно-исторический феномен, отражающий универсальные концепты культурного пласта жизни человека.

Исследование лингвистических процессов происходит в тесной связи с потребностями в речевой деятельности и опирается на антропоцентрическую парадигму, когда субъект речи – человек, включается в описание языковых механизмов.

В современных гуманитарных науках всё чаще превалирует антропоцентрический фактор [Башиева, 2019; Подюков, 2019; Эмирова,

2019]. В нем язык предстает в широком экзистенциальном и понятийном контексте бытия человека, в тесной связи с его сознанием, мышлением и духовным миром. В связи с этим адекватное исследование языка возможно исключительно при обращении к человеку – творцу языка. В своем широком значении фразеология как этнокультурная парадигма предстает своеобразным и специфичным явлением, результатом когнитивной деятельности человека, передавшего опыт народа сквозь века и поколения в форме устойчивых языковых речений. Состав устойчивых сочетаний языка часто включает лингвокультуремы, или этнокультурные реалии, которые отражают повседневную жизнь каждого народа [Эмирова, 2019].

Анализ источников по проблематике исследования

Высокая культура является продуктом деятельности многовекового развития ментальной деятельности человека. Исследователи долго изучали готовые цивилизационные и культурные конструкции, а подготовительный этап недооценивали или рассматривали его в рамках иных систем [Пословицы и поговорки крымских татар, 2007; Куркчи, 2011; Пословицы, поговорки и приметы крымских татар, 1915].

Каждое этническое самосознание развивает свою стратегию выживания общества на основе адаптации к природной среде с целью трансляции во времени. Результатом такого процесса является «строительство» культуры как «дома», «надстройки», которая решает определенную социальную задачу и, преодолев свой жизненный путь до конца, уходит, перерождается или вовсе отмирает.

Структура когнитивного сознания проецируется на индивидуум и социум. Она состоит из когнитивного, коммуникативного и языкового сознаний.

Отражением когнитивного сознания является менталитет. Национальный менталитет – это способ восприятия и понимания нацией действительности, включающий набор когнитивных стереотипов.

Менталитет конкретной личности обусловлен национальным и групповым менталитетом. Последний также обусловлен факторами личностного развития человека – его индивидуальным образованием, культурой и когнитивным опытом.

Модель мира у крымских татар, как и у многих других народов, проживающих на Евразийском континенте, представляется трехмерной: Кок – Heaven – Небо – верхний мир; Ер – Earth – Земля – средний

мир; Ерасты дюнъясы – Underworld – Подземелье – нижний мир. Верхний мир – это Кок, Ава – Sky, Heaven – Небо; Кунеш – Sun – Солнце, Ай – Moon – Луна; Ыылдызлар – Stars – Звезды; Аллах, Худой, Танры – God – the Lord – Almighty – Бог, Всевышний. Средний мир – это Ер – Earth – Земля, Сув – Water – Вода, т. е. место, где живут люди, животные и растения. Нижний мир полон загадочных явлений и таинств. Это, как правило, мир мертвых, место захоронения животных, место обитания злых духов. В то же время в нем сосредоточены подземные богатства и т. д.

Язык полностью формирует функцию мировоззрения его носителей. Осмысление мира человека, зависит от языка, на котором говорят люди, и в широком понимании опирается на мировоззрение человека, а также его когнитивную деятельность – речевую коммуникацию, мышление, ощущение, воображение и восприятие. Согласно общепринятой в научном мире концепции лингвистической относительности Вильгельма фон Гумбольдта, Эдварда Сепира и Бенджамина Уорфа, язык определяет тип мышления его носителей, способ познания окружающего мира зависит от языка, на котором осуществляется мышление.

Согласно О. А. Корнилову, всеобщий человеческий мыслительный код, обеспечивает функцию коммуникации между людьми, которые принадлежат разным культурам и языковым сообществам [Корнилов, 2003]. Мыслительная деятельность носителей языка схожа лишь в своей основе. Всё, что выходит за рамки универсального предметно-логического кода, носит национальную обусловленность и специфичность [Башиева, 2019; Корнилов, 2003; Эмирова, 2019]. Отдельно следует сделать акцент на первичности и вторичности родного языка и особенностях национального менталитета.

Объектом данного исследования является фразеология в широком смысле слова и паремиология крымско-татарского, английского и русского языков. Предметом исследования является типология национально-культурных ассоциаций в лексико-фразеологической системе германских, славянских и тюркских языков.

Методы исследования

В соответствии с объектом и предметом исследования, в работе были использованы следующие методы: сопоставительный анализ, сравнительно-типологический метод, описательный метод и др.

Мыслительная деятельность нации определяется двумя компонентами: совокупностью ментальных универсалий, общих для всех народов и национально-специфическим конструктором.

Национально-специфический компонент сознания основывается на совокупности факторов среды бытования этноса. На раннем этапе своего существования, под воздействием природных и климатических условий, у этноса формируются антропологические параметры, типичные рациональные черты, которые находят в дальнейшем свое отражение в языке и культуре.

В процессе эволюции общества национальное мышление тоже подвергается различным изменениям под воздействием внешних факторов. В то же время сформированный в единую систему лингвоментальный комплекс нации находится все время в стадии самоверификации под воздействием родного языка «помнящего» действие изменившихся, исчезнувших или потерявших свою значимость реалий внешней среды обитания народа.

В содержательной части паремий раскрывается картина мира народа, его представления о небе, солнце, луне, звездах, мире, земле, подземелье, труде, семье, человеке и его окружении, любви, ненависти, доброте, зле, успехе и т. д. Неисчерпаемым источником для устойчивых единиц – результата когнитивной деятельности и накопленного культурного опыта народа, является фольклор, литература, диалекты, наречия, этнолекты и др. [Эмирова, 2019].

Паремиология крымско-татарского языка, как отдельное научное направление, в отличие от английского и русского, требует системного и структурного исследования, опираясь на труды отечественных и зарубежных ученых с использованием инструментария современной теоретической и прикладной лингвистики. Фразеологии крымско-татарского языка, в широком смысле этого слова посвятил свою деятельность У. Куркчи. Пословицы и поговорки крымских татар стали предметом исследования кандидатской диссертации фольклориста Рефика Музафарова. Научные основы фразеологии крымско-татарского языка были заложены доктором филологических наук, профессором А. М. Эмировой [Пословицы и поговорки крымских татар, 2007; Эмирова, 2004].

В 1959 г. в Казани издана монография Р. Музафарова о пословицах крымских татар – «Татарские народные пословицы». В 1971 г. в Ташкенте был издан сборник крымскотатарских пословиц «Къайда бирлик, анда тирилик». В 1970 г. в Турции вышло в свет Собрание

пословиц и фразеологических единиц крымско-татарского языка диалекта Добруджи (Румыния) под редакцией Мюстеджипа Улькусала «Dobruca'daki Kırım Türklerinde Atasözleri ve Deyimler Sözlüğü» [Ülküsal, 1970].

Тем не менее существуют некоторые раритетные издания, посвященные устойчивым сочетаниям крымско-татарского языка, которые необходимо подвергнуть научному анализу и систематизации.

Одним из ранних сборников пословиц и поговорок крымско-татарского языка является Словарь «Пословицы, поговорки и приметы крымских татар, собранные А. А. Боданинским, Э. Л. Мартино и О. Мурасовым», насчитывающий около 900 устойчивых единиц крымско-татарского языка – пословиц, поговорок и примет с переводами на русский язык. В основу издания положены три сборника пословиц – Сборник пословиц А. А. Боданинского, включающий 521 пословицу, сборник пословиц, составленный Османом Мурасовым, насчитывающий 305 пословиц и сборник пословиц, составленный г. Мартино, состоящий из 54 пословиц. Сохранена орфография пословиц и поговорок того времени. В такой форме были зафиксированы вербальные конструкты – результаты когнитивной деятельности целого народа [Пословицы, поговорки и приметы крымских татар, 1915].

Все паремии характеризуют и оценивают поведение человека как члена общества. Каждая пословица и поговорка имеет свою историю и «переплетена» тысячью невидимых нитей со всем ментальным комплексом идей, эмоций и чувств целого народа.

Словарь как лексикографический источник – это ценнейший материал, результат познания действительности, зафиксированный на определенном историческом этапе социокультурный код нации. Собранный в нем лексико-фразеологический материал может стать объектом сравнительно-исторических исследований крымско-татарского языка в рамках последних двух столетий. Кроме того, в содержании включенных в него устойчивых единиц отражена крымско-татарская картина мира в ее историческом развитии, свод норм и правил поведения и жизни членов общества, основанного на вероучении ислама. Особого внимания заслуживают лексикографические издания английского и русского языков, в которых отражается паремиологический фонд.

Для работы в качестве источников были выбраны толковые и переводные словари английского и русского языков. Среди них:

Большой словарь пословиц и поговорок русского языка под редакцией В. М. Мокиенко, трехтомное издание Г. В. Губанова «Золотые россыпи: Русские изречения: пословицы, поговорки и афоризмы», Русско-английский фразеологический словарь под редакцией С. Лубенской, Англо-русский фразеологический словарь под редакцией А. В. Кунина, NTC's American English Idioms Dictionary, third edition by Richard Spears, The Oxford Dictionary of Idioms by Judith Siefring и др. [Губанов, 2016; Мокиенко, Никитина, 2007; Кунин, 2005; Лубенская, 2004; Spears, 2000; The Oxford Dictionary of Idioms, 2004].

Существуют различные методы классификации пословиц: алфавитный, алфавитно-тематический, тематический. В данной работе анализируемый материал представлен по алфавитно-тематическому принципу, который позволяет в широком спектре рассмотреть особенности материальной и духовной жизни народа, глубже раскрыть сущность и природу пословиц. Необходимо учитывать не только прямое и переносное значение каждой пословицы, но и обстоятельства их появления и идейно-художественное значение.

Пословицы и поговорки являются продуктом ментальной культуры народа и формируют его картину мира. Для реконструкции пословичной картины мира, паремии крымско-татарского, английского и русского языков разделены на семантические поля. Семантическое поле паремий – множество паремических единиц, объединенных одной семьей. Паремии, характеризующие этнокультурное мировидение в крымскотатарском, английском и русском языках, представлены следующими семантическими полями:

- семантическое поле паремий, характеризующих верования, обряды и духовность;
- семантическое поле паремий, характеризующих нравственные воззрения и житейскую мудрость;
- семантическое поле паремий, характеризующих человека, его свойства и межличностные отношения;
- семантическое поле паремий, характеризующих семью и родственные отношения в крымско-татарском, английском и русском языках;
- семантическое поле паремий, характеризующих человека, его деятельность, орудие и результаты;
- семантическое поле паремий, характеризующих этнографические и исторические реалии;

- семантическое поле паремий, характеризующих топографические реалии;
- семантическое поле паремий, характеризующих здоровье и здоровый образ жизни;
- семантическое поле паремий, характеризующих животных;
- семантическое поле паремий, характеризующих растения и неорганическую природу;
- семантическое поле паремий, характеризующих приметы о человеке и временах года.

Семантическое поле паремий

Урф-адетлеримиз – динимиз / *customs – traditions – spirituality / верования – обряды – духовность:*

Алла бир къапунъы къапарса, бинъ капунъы ачар. – If God closes one door, he would open thousands. – Если Бог закроет одну дверь, то откроет тысячу других.

Алланынъ вергисине къарар олмай. – One can't measure God's gifts. – Определить дары Божьи невозможно.

Алланынъ казнеси болдыр. – God's treasury is always full. – Божья казна обильна.

Алла эр кеснинъ гонълюне коре верир. – God gives to everyone according to the heart. – Бог воздает всякому по его сердцу.

Алла эр кезни чифт яратыр. – God creates everyone by pairs. – Бог всех создал парами.

Алланынъ дюнъясы буюк. – God's world is enormous. – Мир Божий велик.

Алланынъ нишанлы къулундан къоркъ. – Always fear God's labeled slave. – Бойся меченого раба Божьего.

Арагъан белясын да булур, Мевлясын да. – One who searches for the trouble finds his Lord too. – Ищущий находит и беду свою и своего Бога.

Дилине шайтан тюкюрген. – Devil spat on his tongue. – Ему на язык черт плюнул.

Ашыгъыш ишке шайтан къарышыр. – Devil always interferes into quick work. – В торопливую работу вмешивается дьявол. *Ср.* Кто не спешит, тот меньше грешит, а кто торопится, за тем бес охотится.

Дертлерге дерман худая имандыр. – The treatment of all deceases is the trust in God. – Лекарство от болезней – это вера в Бога.

Къысметинъ олса келир Индден Йеменден, къысмет дегиль исе не келир эльден. – If there is fate, it will come from India and Yemen, and if there is no fate, then what can you do? – Если судьба будет, то придет из Индии и Йемена, а если судьбы не будет, то что поделаешь?

Къодалакъ араба джол бозар, азачыкъ молла дин бозар. – The rattletrap hits the road, the bad priest spoils the faith in God. – Колымага портит дорогу, скверный мулла – веру, ср. Колымага бьет дорогу, плохой священник портит веру в Бога.

Феликни чемберинден кечкен. – One has been gone through fire and water. – Пройти огонь, воду и медные трубы.

Янгъызлыкъ тек Аллаха ярашкъан. – Loneliness is a thing that suits only to God. – Единство приличествует лишь Богу и др.

**Акъялякъ ве аят икмети – moral views and worldly wisdom –
нравственные воззрения и житейская мудрость:**

Азгъа къанаат этмеген копни тапмаз / Азгъа къанаат этмеген, чокъындан къуры къалыр. – Whoever can be trusted with very little can also be trusted with much, and whoever is dishonest with very little will also be dishonest with much (Luke 16:10 Holy Bible). – Не довольствующийся малым не найдет многого / Кто не довольствуется малым, тот лишится большего.

Акышам исе ят, сабах исе тур. – If it's evening – go to bed, if it's morning – get up. – Если вечер – ложись, если утро – вставай.

Акырын джурген коп ёл булур. – More hurry, less speed. – Тихо подвигающийся много пройдет, ср. Тише едешь – дальше будешь.

Арамдан кельген борангъа кетер. – The ill-gotten wealth will go to waste. – Несправедливо пришедшее уйдет на ветер.

Денъыздеки балыгъы сатма. – Don't sell fish in the sea. – Не продавай рыбу, находящуюся в море.

Дерьягъа далма: туюбю дериндир. – Don't dive into the sea: its bottom is deep. – Не погружайся в море: его дно глубоко.

Тили узун олмагъанынъ яшы узун олыр. – Whoever has a short tongue has the long life. – У кого язык недлинный, у того долга жизнь.

Догрулыкъ сув къапагъы кибидир – батмаз. – It stings because it's true. – Правда, что корабль не тонет.

Эдеби эдепсизден огрен. – Learn good breeding from the ill-bred. – Учись воспитанности у невоспитанного.

Эки ольче бир кес. – Measure twice and cut once. – Два раза отмерь, один раз отрежь.

Эль малынъа козь атма. – Do not stare at someone else's good. – На чужое добро не засматривайся.

Эманетке хиянетлик болмаз. – Treachery against a hostage is impermissible. – Против заложника непозволительно вероломство.

Энъ хайырлы мирас эдептир. – The best inheritance is good breeding. – Самое лучшее наследство – воспитанность.

Эв алма, къомшу ал. – Don't buy a house, get a neighbor. – Не приобретай дом, приобретай соседа.

Заман санъа уймаса сен замангъа уй. – If time doesn't adjust to you, then you adjust to time. – Если время не приспособляется к тебе, то ты приспособляйся ко времени.

Иш этме, иш башындан кетме. – Do not do business, and do not leave business. – Дела не делай, а от дела не уходи.

Козюни джумгъан таш джутар. – Screwing up his eyes swallows stones. – Зажмуривающий глаза глотает камни.

Сабырнынъ тьюбю сары алтындыр. – Little strokes fell great oaks. – Основание терпения – червонное золото.

Сонъки пешман – башкъа душман. – Late repentance is another enemy. – Позднее раскаяние – беда на свою голову.

Сувгъа таянма мынапыкъкъа инанма. – Don't ground on the water; don't trust the hypocrite. – Не опирайся на воду, не верь лицемеру.

Сув кормеден папуч чыкъарма. – To rush ahead. – Не видя воды, не снимай туфель. Ср. Не видя броду, не суйся в воду.

Хыянет олма, недамет булурсын. – Do not act treacherously – you will repent. – Не поступай вероломно – расквешься.

Чокъ сёйлеген чокъ янъылыр. – One who speaks a lot, always makes mistakes. – Говорящий много часто ошибается.

Ярынки тавукътан бугунъки йымырта хайырлы. – Better today's egg, than tomorrow's hank. – Сегодняшнее яйцо лучше завтрашней курицы и др.

Сопоставительное исследование паремий в типологическом плане разных по структуре языков дает возможность выявить национально-специфический, этнокультурный компонент языковых значений, ментальный образ действительности народа, отраженный в содержательной части единиц, а также рассмотреть когнитивные механизмы формирования культурных стереотипов народа.

Характерными знаками, показателями этнокультурного компонента в составе паремий выступают лексемы, обозначающие этнокультурные реалии, топонимы, имена собственные, предметы быта, представителей животного мира и флоры, специфические явления природы и др. Так, исследуемые в работе паремии двух семантических полей содержат компоненты: в крымскотатарском языке: *Алла* «Аллах», *Тенгри* «Бог», *шайтан* «дьявол», *дин* «религия, вера», *дженнет* «рай», *сабр* «духовное смирение, терпение», *молла* «мулла», *эджел* «судьба», *Киямет* «Конец света», *Шерифе* «женское имя», *душман* «враг», *иш* «работа, труд, дело», *мынапыкъ* «лицемер», *Шам елу* «дорога паломника в Мекку через Сирию», *Йемен*, *Индия*, *Стамбул*, *Багдад*, *чот* «маленький топорик», *пычкъы* «ручная пила», *деве* «верблюд», *дерья* «море» и др.; в английском языке: *God* «Бог», *the Lord* «Господь», *devil* «черт, дьявол», *the priest* «священник», *Paradise* «Рай», *Hell* «Ад», *Newcastle* «Ньюкасл», *Coventry* «Ковентри», *work* «работа», *business* «дело», *elephant* «слон» и др.; в русском языке: *Бог*, *Господь*, *Рай*, *Ад*, *Преисподняя*, *Конец света*, *Киев*, *Москва*, *терпение*, *труд*, *слон* и др.

Национально-специфический, этнокультурный, компонент также может быть выявлен при сопоставлении паремий, одинаковых по содержанию и частично с учетом специфики грамматического строя исследуемых языков. Ср.: *Сабырнынъ тюбю сары алтындыр* (букв. «основание терпения – золото») – *Little strokes fell great oaks* (букв. «маленький острый топор валит огромные дубовые деревья») – *Терпение и труд – все перетрут*; *Феликни чемберинден кечкен* (букв. «пройти через пояс небесного свода») – *One has been gone through fire and water* (букв. «прошел сквозь огонь и воду»), ср. вариант *to get through the dogs and the quicksand* (букв. «пройти сквозь собак и зыбучие пески») – *Пройти огонь, воду и медные трубы*; *Сув кормеден пануч чыкъарма* (букв. «не видя воды, не снимай туфель») – *Cross the stream where it is shallowest* (букв. «пересекай поток там, где мелко») – *Не зная броду, не суйся в воду*; *Азгъа къанаат этмеген копни тапмаз* (букв. «не довольствующийся малым не найдет многого»), ср. «Азгъа къанаат этмеген, чокъындан къуры къалыр» – Кораническое изречение) – *Whoever can be trusted with very little can also be trusted with much, and whoever is dishonest with very little will also be dishonest with much* (Luke 16:10 Holy Bible) – *Кто не довольствуется малым, тот лишится большего* (Библ. от Луки 16:10).

Человеческому организму свойственны одинаковые механизмы когнитивной деятельности, эмоции, жесты, мимика, телодвижения, а также их универсальная символизация и интерпретация в разных лингвокультурах. Всё это обусловило наличие универсальных паремий, имеющих в большинстве случаев положительную коннотацию: *Эки ольче бир кес — Measure twice and cut once — Два раза отмерь, один раз отрежь*; *Акъырын джурген коп ёл булур — More hurry, less speed — Тихо едешь, дальше будешь* и др.

Распределение паремий по семантическим полям и группам в сопоставляемых языках не всегда совпадает в количественном (наполняемость полей и групп) и качественном (структурирование семантических полей) отношениях. Многие крымско-татарские паремии не имеют эквивалентов и аналогов в английском и русском языках.

Устойчивые словосочетания – фразеологизмы и паремии являются константными элементами менталитета целого народа, формируют его картину мира, хранящую в себе мировоззренческий опыт поколений и мудрость бытия. Они представляют собой практическую философию, которая служит для отображения сложности и противоречивости различных аспектов жизни определенного этноса.

Паремиологическая картина мира отражает национальный менталитет – повседневную деятельность человека, процесс его внедрения в общество и следование обычаям, нравам и ценностным ориентациям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Корнилов О. А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. Москва : ЧеРо, 2003.
2. *Башиева С. К.* Концепты «Семья» и «Кавказ» как единицы лингвокогнитивного уровня языковой личности поэта // Научные известия, 2019. № 16. С. 11–15.
3. *Подюков И. А., Свалова Е. Н.* Паремия в русских народных говорах Прикамья: семантика и прагматика. Санкт-Петербург : Маматов, 2019.
4. *Эмирова А. М.* Современная крымскотатарская лексикография: монография. Симферополь: Научный мир, 2019.
5. Пословицы и поговорки крымских татар / под ред. Р. Музафарова. Симферополь, 2007.
6. *Куркчи У.* Къырымтатарджа-русча фразеологик уйгундашлар лугъаты / Ильмий муаррир Эмирова А. Симферополь: КъДЖИ «Къырым-девокъувпеднешир нешрияты», 2011.

7. Пословицы, поговорки и приметы крымских татар, собранные г.г. Боданинским, Мартино, и Мурасовым / под ред. А. Н. Самойловича и П. А. Фалева ; с предисл. П. А. Фалева // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1915. № 52. Типография Тавр. Губ. Земства, С. 1–67.
8. Эмирова А. М. Русско-крымскотатарский учебный фразеологический словарь. Симферополь: Доля, 2004.
9. Ülküsal Müstecip. Dobruca'daki Kırım Türklerinde Atasözleri ve Deyimler Sözlüğü / Müstecip Ülküsal. Ankara: Ankara Üniversitesi Basımevi. 1970.
10. Губанов Г. В. Золотые россыпи: в 3 т. Русские изречения: пословицы, поговорки и афоризмы. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2016.
11. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2007.
12. Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь. 6-е изд. Москва : Живой язык, 2005.
13. Лубенская С. И. Большой русско-английский фразеологический словарь. 2-е изд. Москва : АСТ-Пресс, 2004.
14. Spears R. NTC's American English Idioms Dictionary. Third Edition. New York: NTC Publishing Group, 2000.
15. The Oxford Dictionary of Idioms / Judith Siefring. New York: Oxford University Press, Inc., 2004.

REFERENCES

1. Kornilov, O. A. (2003). Jazykovye kartiny mira kak proizvodnye nacional'nyh mentalitetov = Language worldviews as derivatives of national mentalities. 2nd ed. Moscow: CheRo. (In Russ.)
2. Bashieva, S. K. (2019). Koncepty «Sem'ja» i «Kavkaz» kak edinicy lingvokognitivnogo urovnja jazykovoj lichnosti pojeta = The concepts of «Family» and «Caucasus» as units of the linguistic and cognitive level of the poet's linguistic personality. Nauchnye izvestija, 16, 11–15. (In Russ.)
3. Podjukov, I. A. (2019). Paremija v russkih narodnyh govorah Prikam'ja: semantika i pragmatika = Paremia in Russian folk dialects of the Kama region: semantics and pragmatics. St. Petersburg: Mamatov. (In Russ.)
4. Emirova, A. M. (2019). Sovremennaja krymskotatarskaja leksikografija: monografija = Modern Crimean Tatar lexicography: a monograph. Simferopol': Nauchnyj mir. (In Russ.)
5. Muzafarov, R. (Ed.). (2007). Poslovicy i pogovorki krymskih tatar = Proverbs and sayings of the Crimean Tatars. Simferopol'. (In Russ.)
6. Kurkchi, U. (2011). Kyrymtatardzha-ruscha frazeologik uygundashlar lugaty. Il'mij muarrir Emirova A. Simferopol' : KDzHI «Kyrymdevokuvpedneshir neshrijaty». (In Crimean Tat.)

7. Samojlovicha, A. N., Faleva, P. A. (Eds.). (1915). Posloviцы, pogovorki i primety krymskih tatar = Proverbs, sayings and signs of the Crimean Tatars, sobrannyye g.g. Bodaninskim, Martino, i Murasovym. Izvestija Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii, 52, 1–67. Tipografija Tavr. Gub. Zemstva. (In Russ.)
8. Emirova, A. M. (2004). Russko-krymskotatarskij uchebnyj frazeologicheskij slovar' = Russian-Crimean Tatar educational phraseological dictionary. Simferopol': Dolja. (In Russ.)
9. Ülküsal, Müstecip (1970). Dobruca'daki Kırım Türklerinde Atasözleri ve Deyimler Sözlüğü. Ankara: Ankara Üniversitesi Basımevi.
10. Gubanov, G. V. (2016). Zolotyе rossypi: Russkie izrechenija: posloviцы, pogovorki i aforizmy = Gold placers: Russian sayings: proverbs, sayings and aphorisms: in 3 vols. in 3 volumes. Rostov-na-Donu: Al'tair. (In Russ.)
11. Mokienko, V. M., Nikitina T. G. (2007). Bol'shoj slovar' russkih pogovorok = A large dictionary of Russian sayings. Moscow: OLMA Media Grupp. (In Russ.)
12. Kunin, A. V. (2005). Bol'shoj anglo-russkij frazeologicheskij slovar' = Large English-Russian phraseological dictionary. 6th ed. Moscow: Zhivoj jazyk. (In Russ.)
13. Lubenskaja, S. I. (2004). Bol'shoj russko-anglijskij frazeologicheskij slovar' = Great Russian-English phraseological dictionary. 2nd ed. Moscow: AST-Press. (In Russ.)
14. Spears, R. (2000). NTC's American English Idioms Dictionary. Third Edition. New York: NTC Publishing Group.
15. Siefring, J. (2004). The Oxford Dictionary of Idioms. New York: Oxford University Press.

Информация об авторе

Джеллилов А. А. – почетный доктор наук, профессор, академик, действительный член Региональной Академии Менеджмента Казахстана, начальник отдела международных связей АНО «ПОО» «Финансово-экономический колледж», АНО «ООВО» «Университет экономики и управления»

Information about the author

Dzhelilov A. A. – Doctor of Science (Honoris Causa), Professor, Academician, Full Member of Regional Academy of Management in Kazakhstan, Head of International Relations Department ANO "PEO" "Financial and Economical College", ANO "EOHE"

Статья поступила в редакцию 03.06.2021; одобрена после рецензирования 02.07.2021; принята к публикации 05.07.2021

The article was submitted 03.06.2021; approved after reviewing 02.07.2021; accepted for publication 05.07.2021

Научная статья

УДК 81.2

DOI 10.52070/2542-2197_2021_10_852_23

СВОЙСТВА ДЕЕПРИЧАСТИЙ В РУССКОМ И ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ В СРАВНИТЕЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ

М. Э. Дубровина

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
maggydu@rambler.ru

Аннотация. В статье автор стремится собрать воедино имеющийся материал по деепричастиям, как в русском, так и в тюркском языкознании, и представить этот материал в сравнительном плане. В качестве основного метода исследования выбран функционально-семантический подход, согласно которому на первый план выдвигается значение формы и ее функции в системе языка. Анализ текстов показывает, что турецкие деепричастия имеют ряд признаков, которые отличают их от аналогов в европейских языках. Свойства турецких деепричастий, продемонстрированных в статье, в основном могут относиться и к деепричастным формам других тюркских языков.

Ключевые слова: тюркология, деепричастия, обстоятельственные формы, грамматика тюркских языков

Для цитирования: Дубровина М. Э. Свойства деепричастий в русском и турецком языках в сравнительном освещении // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 10 (852). С. 23–31. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_10_852_23

Original article

THE MAIN FEATURES OF CONVERBS IN RUSSIAN AND TURKISH LANGUAGES IN A COMPARATIVE PERSPECTIVE

M. E. Dubrovina

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, maggydu@rambler.ru

Abstract. In this article the author tries to collect the available material on adverbial participles, both in Russian and in Turkic linguistics, and present this material in a comparative plan. The main method of research is based on the functional-semantic approach, according to which the meaning of the form and its function in the language system are put in the foreground. Text analysis shows that Turkish adverbs

have a number of features that distinguish them from their counterparts in European languages. The properties of the Turkish adverbs shown in the article can mainly relate to the adverbial forms of other Turkic languages.

Key words: turkology, Turkish adverbs, adverbial participle, gerunds, Turkish converbs, grammar of Turkic languages

For citation: Dubrovina, M. E. (2021). The main features of converbs in Russian and Turkish languages in a comparative perspective. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(852), 23–31. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_10_852_23

Введение

Настоящее исследование не претендует на обнаружение неких новых, доселе не известных науке положений и результатов, автор стремится лишь собрать воедино имеющийся фактический материал по русским и турецким деепричастиям, а также различные позиции исследователей в терминологическом отношении. Нельзя сказать, что терминология по данному вопросу недостаточно проработана, но до сих пор нередки случаи, когда новое поколение лингвистов относится к имеющимся лингвистическим понятиям как к явлениям, заданным практически аксиоматично, представляющим собой нечто само собой разумеющееся и не требующее детализации и корректировки. Однако по мере привлечения в ареал лингвистического исследования материала новых языков, исходные характеристики многих языковых понятий оказываются не вполне отвечающим имеющимся данным. Так, по нашему мнению, происходит и с понятием «деепричастие».

Об отношении к понятию «деепричастие» в тюркологии

Поводом для проведения такого сравнительного исследования послужило то, что в существующих на сегодняшний день специальных работах по тюркским языкам отсутствует четкая формулировка этого понятия. Для отечественных ученых-тюркологов опорным материалом был русский язык, вследствие чего признаки русских деепричастий стали практически аксиоматичными и для анализа деепричастий в тюркских языках. Таким образом, тюркским деепричастиям приписывали и, к сожалению, продолжают приписывать те характеристики, которые свойственны русским деепричастиям. Те признаки, которые выходят за эти пределы, относят к числу периферийных, при этом нередко полагают, что они не имеют особой значимости и отображают

лишь уникальное своеобразие конкретного тюркского языка. Тем не менее таких «периферийных» свойств обнаруживается по тюркским языкам уже немало, кроме того, становится понятно, что они носят не локальный, а общетюркский характер.

Другая проблема такого исследования связана с тем, что отечественным и зарубежным тюркологами в изучении деепричастий приходится быть практически «первопроходцами». Дело в том, что как в европейских языках, так и в русском языке категория деепричастий либо отсутствует вовсе, либо имеет очень малую в количественном отношении номенклатуру.

Так, петербургский тюрколог В. Г. Гузев пишет: «Все те средства, которые можно было бы принять за деепричастия, например в немецком, английском или французском языках, вполне могут быть истолкованы как причастия, употребленные в обстоятельственной функции» [Гузев, 2015, с. 169]. «Ни в древнегреческом, ни в готском, ни в старославянском не было морфологической категории деепричастий», – пишет А. В. Исаченко [Исаченко, 1960, с. 159].

О свойствах деепричастия в русском языке

В русской грамматике выделяется две продуктивные деепричастные формы: деепричастие несов. вида с суффиксом **-а, -я; -ась, -ясь** (оглядываясь, трясясь, повинуюсь) и деепричастие сов. вида с суффиксом **-в, -вшись** (приготовив, собравшись). Кроме того, зарегистрированы также в качестве устаревших или употребляемых в просторечии или диалектально две формы:

- 1) форма с суффиксом **-вши, -ши** (замерши, принесши) в совр. замерзнув, принеся; (давши – дав, купивши – купив, укравши – украв):
- 2) форма с суффиксами **-ючи, -учи** (сидючи, глядячи).

Основные признаки, которые выделяются у деепричастий на основании русского языка [Виноградов, 1947]:

1. Русское деепричастие с морфологической точки зрения должно быть неизменяемой формой.
2. Обязательным синтаксическим условием деепричастия мыслится его подчинение сказуемому в высказывании.
3. Действие деепричастия и действие основного глагола должны соотноситься с одним и тем же действующим лицом.
4. Семантически деепричастие остается в рамках глагола: оно сохраняет значение действия (и другие глагольные значения),

характерное для исходного глагола управление в словосочетании и такие глагольные категории, как вид, переходность, возвратность: а) думать *o* матери – думая *o* матери; поссориться *c* подругой – поссорившись *c* подругой; б) думать (несовер. вид, невозвр.) – думая; подумать (соверш. вид, невозвр.) – подумав.

Отличительные признаки деепричастий в тюркских языках

При обзоре деепричастий любого тюркского языка исследователь сразу обращает внимание на значительные различия этой категории форм от обнаруживаемых в европейских языках. Прежде всего, бросается в глаза наличие развитой категории с многочисленными составляющими ее формами (более 60) [Гузев, 2015; Дениз-Йылмаз, 2006].

Однако не все имеющиеся деепричастия образуются синтетическим путем, т. е. с помощью присоединения специальной морфемы. Большая часть деепричастий формально представляет собой аналитические конструкции, в которых участвуют сочетания морфем со служебными словами. Именно по этой причине не всеми тюркологами такие конструкции включаются в морфологическую категорию деепричастий.

По мнению же петербургской тюркологической школы, деепричастия объединяются в единую категорию, прежде всего, **общностью своего грамматического значения** – *обозначать действие, воспринимаемое как обстоятельство*. Именно грамматическое значение становится решающим при определении сущности той или иной глагольной формы и в соответствии с функционально-семантическим подходом такое средство может иметь различное формальное выражение, т. е. деепричастие, по нашему мнению, может быть как синтетической формой, так и аналитической. Таким образом, в турецком языке можно выделить целую группу деепричастий (обстоятельственных форм), в образовании которых участвуют не только аффиксы, но и сложные морфолого-лексические клише (включающие аффикс или несколько аффиксов и служебное слово): *-diđi zaman*, *-makla beraber*, *-yalıdan beri*, *-diktan sonra*, *madan önce*, *-yacak yerde*, *-masına rağmen*, *-ıncaya dek (kadar)*, *-yana dek (kadar)*, *-diđi halde* и т. д.

Все перечисленные сложные показатели, присоединяясь к основе любого глагола, всегда добавляют каждый свое, но всегда одно и то же обстоятельственное значение.

- (3) İşimi bitir + *diğim zaman* ofisten çıktım.
'*Когда я закончил свою работу, я вышел из офиса*'.
- (4) İşimi bitir + *mete rağmen* herşeyi baştan başlamaya karar verdim.
'*Вместо того чтобы закончить работу, я решил начал все заново*'.
- (5) İşimi bitir + *eliden beri* ofise gelmiyorum.
'*С тех пор как я закончил работу, в офис не прихожу*'.
- (6) İşimi bitir + *dikten sonra* ofisten çıkıyorum.
'*После того, как я заканчиваю работу, я выхожу из офиса*'.

Сравнительные характеристики русских и тюркских деепричастий

1. По своему количественному составу деепричастий в турецком языке в несколько раз больше, чем в русском.

2. Деепричастия в турецком языке могут быть как синтетически формами, т.е. образовываться посредством специального морфологического показателя, присоединяемого к основе глагола. Таких форм насчитывается около десяти. Это формы с показателями *-(y)Ip*, *-(y)ArAk*, *-(y)A*, *-(y)Alı*, *-(y)IncA*, *-mAdAn*, *-DıkçaA*, *-cAsInA*, *-mAksIzIn*, *-(y)ken*. (Прописными буквами обозначены те звуки, которые чередуются в соответствии с правилами сингармонизма). Но опираясь на положения функционально-семантического подхода к языковым фактам, к деепричастным формам также возможно отнести и сложные (морфолого-лексические) конструкции, образования путем сочетания глагольно-именных форм с послелогоми и другими служебными лексемами. Такое решение продиктовано тем фактом, что и синтетические деепричастные формы, и сложные (морфолого-лексические) образования объединены одной функцией – представлять исходное действие в виде разного рода обстоятельств. Именно благодаря тождественной функции в категорию деепричастий (категорию обстоятельственных глагольных форм) имеет смысл включить и аналитические конструкции типа: *-(y)AcAğI / -dİğI zaman*, *-dİğI için*, *-dİğI gibi*, *-dİğI kadar*, *-dİğIna göre*, *-dİğIna halde*, *-dİğI takdirde*, *-dİğInda*, *-mak için*, *-makla beraber*, *-(y) AcAk / -(y) AcAğI yerde*, *-mak yerine*, *-masına rağmen / karşın*, *-(y)AnA kadar*, *-(y)IncAyA kadar*.

3. Турецкие деепричастия могут быть как неизменяемыми формами, так и изменяемыми. Неизменяемыми формами являются такие, как: -(y)Ip, -(y)ArAk, -(y)A, -(y)IncA, -mAdAn, -DIkçA, -(y)ken, -(y)All, -cAsInA, -mAksIzIn. Изменяемые деепричастия это те, которые диахронически представляли собой временные формы, но в какой-то период времени адвербиализовались. В таких деепричастиях остается механизм формоизменения, т. е. они продолжают сохранять спряжение по лицам и числам (-dI mI, -dI (y)All).

gir-**dim** mi 'стоит мне войти' gir-**dik** mi 'стоит нам войти'
gir-**din** mi 'стоит тебе войти' gir-**diniz** mi 'стоит вам войти'
gir-**di** mi 'стоит ему войти' gir-**diler** mi 'стоит им войти'

Можно с уверенностью говорить, что носителями турецкого языка эта форма уже не воспринимается как временная. Она имеет уже значение обстоятельства времени, близкое значению русских союзов «стоит», «как только». Однако, несмотря на это, рассматриваемое деепричастие продолжает спрягаться, точно так же, как это происходит в исходной форме прошедшего времени, от которой она в какой-то момент времени «отпочковалась».

(7) *Avluya gir-diniz mi (входить-CONV) ev sahibi karşınıza çıkar.*
Стоит вам войти во двор, как навстречу выходит хозяин дома.

То же самое наблюдается и в форме -dI (y)All. Это форма употребляется в удвоенном виде, когда один и тот же глагол сначала присоединяет изменяемый показатель прошедшего времени, а второй раз – неизменяемый показатель -yalı.

(8) *Buraya gel-dim gel-eli parkta her sabah koşuyorum.*
С тех пор как я приехал сюда, я в парке бегаю каждое утро.

Тем не менее, как и в случае с представленной выше формой, форма -dI (y)All воспринимается носителями языка в качестве неразложимого морфолого-синтаксического образования.

gir-**dim** gir-**eli** 'с тех пор, как я вошел'
gir-**dik** gir-**eli** '...как мы вошли'
gir-**din** gir-**eli** '...как ты вошел'
gir-**diniz** gir-**eli** '...как вы вошли'
gir-**di** gir-**eli** '...как он вошел'
gir-**diler** gir-**eli** '...как они вошли'

4. Главными же отличительными особенностями турецких деепричастий могут быть признаны те, которые обнаруживаются в сфере их синтаксического употребления.

4.1. Прежде всего, деепричастие может иметь собственного субъекта, отличного от подлежащего высказывания, т. е. употребляться в разносубъектных клаузах.

(9) Hocam bunu sorunca ben yanıtladım.

‘Когда мой учитель спросил об этом, я ответил’.

4.2. Также важной чертой тюркских деепричастий является то, что они семантически могут соотноситься с действием, которое в высказывании не является сказуемым.

(10) Dil, durağan sayı**larak**(Conv) incelendi**ği**(PTCP) durumlarda da devingendir.

Язык, даже в тех ситуациях, когда его рассматривают, **полагая**, что он статичный, является подвижным (изменяемым)’.

Пример этого предложения является бесспорным доказательством высказанного утверждения, так как в нем вовсе нет глагольного сказуемого, оно представляет собой именное предложение со сказуемым, выраженным прилагательным (подвижный), а деепричастие *-(y)ArAk* подчинено атрибутивной форме глагола *-diğİ*.

Заключение

Таким образом, анализ свойств турецких деепричастий показывает, что эти формы могут иметь существенные отличия от тех свойств, которые известны у русских деепричастий. Тем не менее едва ли в этом случае применим подход отказывающийся признавать те глагольные формы, которые встречаются в различных тюркских языках, в том числе и в турецком, в качестве деепричастий. Такое мнение было весьма распространено среди советских тюркологов, которые отмечая, что «лишь некоторые тюркские деепричастия по смыслу действительно соответствуют русским деепричастиям, предлагали пользоваться общелингвистическим термином “деепричастие” весьма условно за неимением более подходящего термина» [Сравнительно-историческая грамматика, 1988, с. 471].

Именно семантический подход к анализу таких форм позволяет отождествить их с аналогичными в русском и европейских языках вследствие их общего значения. И турецкие, и русские деепричастия выступают в качестве глагольных форм, указывающих на сопутствующее действие, выражающее какое-то обстоятельство, т. е. обстоятельство времени, образа действия, обстоятельство причины, цели, сравнения и т. д. Общность значения турецких и русских деепричастий отнюдь не предполагает общности свойств и ведущих признаков. Такой вывод позволяет расширить само понятие «деепричастие» и через несоответствия в турецком языке внимательнее присмотреться к тем чертам, которые аксиоматично приписываются русским формам с возможностью корректировки также и их.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Гузов В. Г.* Теоретическая грамматика турецкого языка. Санкт-Петербург : Издательство СПбГУ, 2015.
2. *Исаченко А. В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Братислава : Изд-во Словацкой АН, 1960.
3. *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. Москва ; Ленинград : Учпедгиз, 1947.
4. *Дениз-Иылмаз О.* Категория номинализации действия в турецком языке. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербургского ун.-та, 2006.
5. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / отв. ред. член-корр. АН СССР Э. Р. Тенишев. Москва : Наука, 1988.

REFERENCES

1. Guzev, V. G. (2015). Teoreticheskaya grammatika turetskogo yazyka = Theoretical grammar of the Turkish language. St. Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU. (In Russ.)
2. Isachenko, A. V. (1960). Grammaticheskii stroi russkogo yazyka v sopostavlenii so slovatskim. Morfologiya = Grammatical structure of the Russian language in comparison with Slovak. Morphology. Bratislava: Izdatel'stvo Slovatskoi AN. (In Russ.)
3. Vinogradov, V. V. (1947). Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove = Russian language. Grammatical teaching about the word. Moscow ; Leningrad: Uchpedgiz. (In Russ.)
4. Deniz-Iylmaz, O. (2006). Kategoriya nominalizatsii deistviya v turetskom yazyk = Category of action nominalization in Turkish. St. Peterburg: Izdatel'stvo SPbGU. (In Russ.)

5. Tenishev, E. R. (Ed.). (1989). *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov: Morfologiya = Comparative historical grammar of the Turkic languages: Morphology*. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Информация об авторе

Дубровина М. Э. – кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркской филологии Санкт-Петербургского государственного университета

Informaion about the author

Dubrovina M. E. – PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Turkic Philology of Saint Petersburg State University

Статья поступила в редакцию 03.06.2021; одобрена после рецензирования 02.07.2021; принята к публикации 05.07.2021

The article was submitted 03.06.2021; approved after reviewing 02.07.2021; accepted for publication 05.07.2021

Научная статья

УДК 81.119

DOI 10.52070/2542-2197_2021_10_852_32

**ФОРМИРОВАНИЕ МЕДИАОБРАЗА БОЛЕЗНИ
КАК СПОСОБ БОРЬБЫ С ЭПИДЕМИЕЙ
(на материале китайских СМИ)**

О. И. Калинин

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,
okalinin.lingua@gmail.com

Аннотация. В данной статье методом сопоставительного анализа специальных корпусов текстов на китайском языке исследуется «образ» вируса. Проведенный контент-анализ показал, что образ коронавируса в медиадискурсе КНР отличается от образа вируса в корпусе китайского языка Пекинского университета. В корпусе «коронавирус» доминирует лексика, связанная с противодействием болезни, тогда как при формировании «образа» вируса вообще значительную роль играет описание причин и последствий болезни, что говорит о целенаправленном формировании «образа» коронавируса как «неопасного врага, которого можно победить».

Ключевые слова: образ, контент-анализ, медиадискурс, коронавирус, корпус текстов

Для цитирования: Калинин О. И. Формирование медиаобраза болезни как способ борьбы с эпидемией (на материале китайских СМИ) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 10 (852). 32–46. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_10_852_32

Original article

**FORMATION OF THE DISEASE MEDIA IMAGE
AS A WAY TO COMBAT PANDEMIC
(on the material of the Chinese media)**

O. I. Kalinin

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, okalinin.lingua@gmail.com

Abstract. In this article, the image of a virus is investigated by the method of comparative analysis of Chinese texts special corpora. The content analysis showed that the image of the coronavirus in the media discourse of the PRC differs from the image of the virus in the Chinese corpora of Peking University. The “coronavirus” corpora is dominated

by the lexemes associated with counteracting the disease, while in the image of the virus in general, the description of the causes and consequences of the disease plays a significant role, which indicates the purposeful formation of the coronavirus image as “a harmless enemy that can be defeated.”

Key words: image, content analysis, media discourse, coronavirus, corpus of texts

For citation: Kalinin, O. I. (2021). Formation of the disease media image as a way to combat pandemic (on the material of the Chinese media). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 10 (852), 32–46. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_10_852_32

Введение

Репрезентация «образа» вируса и болезни в текстах разных специальных дискурсов в современной прикладной лингвистике рассматривается как один из действенных способов противодействия болезни. Чаще всего в центре внимания исследователей оказывается метафорическая репрезентация болезни. Так, еще С. Зонтаг рассматривала метафорическую модель БОЛЕЗНЬ – это ВРАГ, утверждая, что «демонизация болезни через термины войны не способствуют выздоровлению» [Sontag, 1978], а наоборот, негативно влияет на восприятие болезни пациентами, приводя также и к стигматизации больных [Sontag, 1989].

Развитие когнитивной науки и методов критического дискурс-анализа [Wodak, Meyer, 2001] позволили расширить данную сферу исследований и перенести сугубо лингвистические исследования в том числе в медицинскую плоскость. Так, например, исследования Дж. Рейсфилда и Дж. Вилсона [Reisfield, Wilson, 2004] показали, что, напротив, военные метафоры репрезентируют больных раком как «борцов с невидимым врагом», подчеркивают их героический статус, воздействуя на психическое состояние больного. Исследования Дж. Камю [Camus, 2009] показали, что увеличение метафорических моделей, описывающих рак, во многом способствуют привлечению внимания к проблемам и приводят к «дедедомонизации» заболевания. В целом, лингвистическая репрезентация болезни или пандемии на современном этапе развития науки о языке считается одним из способов противодействия болезни, борьбы с ее распространением и даже лечения.

Как известно, главным «ньюсмейкером» 2020 г. стал коронавирус, который не только привел к гибели нескольких сотен тысяч людей, но и вызвал стагнацию экономики и политический кризис. Последствия пандемии 2020 г. еще будут изучаться исследователями, однако уже

сейчас очевидно, что одним из важнейших аспектов борьбы с эпидемией стала так называемая языковая профилактика болезни.

Так, для изучения реакция общества на меры, предпринимаемые в связи с распространением болезни, лингвисты создали автоматически пополняющуюся базу данных сообщений в «Twitter» о коронавирусе, что позволяет производить мониторинг общественного мнения и регулировать меры социального дистанцирования [Chen, Lerman, Ferrara, 2020].

Китайские исследователи также использовали социальные сети, в частности «Twitter» для анализа психологической реакции на новостные сообщения, связанные с развитием пандемии. Анализ показал, что основной психологической реакцией был «страх, вызванный неизвестностью о происхождении и распространении вируса» [Xue et al., 2020].

В исследовании Т. Чайук и О. Дунаевской доказывается тезис о том, что экономический коллапс весны 2020 года в Европе и США во многом связан с «нагнетанием страха» в массмедиа относительно «китайского вируса» [Chaiuk, Dunaievska, 2020]. По мнению исследователей, в основе репрезентации вируса как «смертоносного врага, подобного стихийному бедствию» изначально лежали внешнеполитические мотивы ухудшения имиджа КНР, но в итоге это привело к серьезным социально-экономическим последствиям в странах Запада.

Отечественные ученые на материале публикаций на сайте ВОЗ изучили содержательно-структурные, прагматические, риторические и лингвистические характеристики репрезентации вируса, а также коммуникативное воздействия на целевую аудиторию [Расчепеева, Семейкина, Стеблцова, 2020].

Данная работа является продолжением исследования метафорической репрезентации вируса в китайских медиа. В предыдущих работах мы анализировали метафорические модели репрезентации коронавируса в китайских медиа, сравнили образы коронавируса и лихорадки Эбола, выявив разницу в репрезентации вируса «внутри» и «вне» страны, провели сравнительный анализ образа коронавируса в китайских и корейских медиа [Калинин, 2020; Калинин, Мавлеева, 2020].

Все эти исследования показали, что в азиатских странах, в частности в Китае и в Корее, репрезентация вируса во многом согласовывалась как с национальным менталитетом, так и с предпринимаемыми властями мерами по борьбе с пандемией, что во многом привело к минимизации последствий и по сути к победе над эпидемией.

Мы опирались на тезис о том, что медиаобраз вируса как «опасного, но не непобедимого врага», а страны как «поля боя», способствовал снижению социального напряжения и мобилизации населения на взаимодействие в правительством [Калинин, Мавлеева, 2020].

Для уточнения данного тезиса мы провели дополнительное исследование, целью которого является сравнение репрезентации коронавируса в СМИ и «образа» вируса в лингвокультуре вообще. Была поставлена исследовательская задача по анализу тех изменений, которые претерпела репрезентация концепта вследствие разразившейся пандемии и необходимости принятия жестких карантинных мер по борьбе с ним.

Гипотеза исследования состоит в том, что «образ» вируса вообще будет отличаться от медиаобраза коронавируса, что будет свидетельствовать о том, что:

1) в начале – середине 2020 г. СМИ КНР целенаправленно участвовали в кампании по минимизации социальных последствий эпидемии;

2) определенный образ социальной проблемы в данном случае напрямую коррелирует не только с ее восприятием, но и с ее решением.

Так, предметом исследования являются сходства и отличия в репрезентации образа коронавируса в китайском медиадискурсе начала 2020 г. и образа вируса как такового в корпусе китайского языка Пекинского университета (ВСС)¹.

Методика и материал исследования

Основопологающей теоретико-методологической базой для проведенного анализа стало соединение качественного [Hsieh and Shannon, 2005] и количественного [Neuendorf, 2017] контент-анализа, приемов для исследования концептуальной метафоры [Kövecses, 2016] и методов лингвопрагматики. Контент-анализ больших объемов текста при помощи компьютерных программ, составляющих списки наиболее частотных слов и сочетаемость слов, позволяет выявить главные сущностные признаки исследуемого объекта, заложить основу для понимания метафорических переносов [Patterson, 2018]. Использование методов качественного контент-анализа для исследования концептуальных метафор – это применимый подход для изучения

¹ URL: <http://bcc.blcu.edu.cn/lang/zh>.

разных дискурсов [Agbo, Kadiri, Ijem, 2018; Brugman, Burgers, Vis, 2019; Chan, Nyback, 2015].

Материалом исследования послужили подборка медиатекстов по тематике *коронавирус* (700 новостных сообщений) общим объёмом в 326 726 знаков, а также три подборки из подкорпусов Пекинского университета (文学 – литературный, 报刊 – медиакорпус, 多领域 – многопрофильный, состоявшие из отдельных предложений, содержащих слово-репрезентант 病毒 («вирус»). Объём литературного подкорпуса составил – 25 845 знаков, медиакорпуса – 765 211 знаков, а многопрофильного подкорпуса – 928 523 знаков.

Методика исследования состояла из нескольких последовательных шагов:

1. Количественный контент-анализ проводился при помощи программы AntConc [Anthony, 2013]. Был составлен список наиболее употребительных знаменательных слов в тематических подборках текстов и коллокаций по ключевому слову 病毒 («вирус»).

2. Выявление закономерностей, в частотности, словоупотреблений в сопоставительном ключе.

3. Автоматизированное сравнение содержания полученных списков слов.

4. Качественный контент-анализ тематических блоков, составленный из списков слов и коллокаций по ключевому слову, выявлении наиболее характерных черт образа вируса.

Результаты исследования и обсуждение

Основой нашего исследования являлась работа с наиболее частотными лексическими единицами собранных корпусов: составление списков слов по частотности в каждом корпусе и последующая группировка слов по тематическим блокам. Стоит отметить, что для анализа были отобраны 100 самых частотных слов в каждом корпусе.

Каждый список слов анализировался дважды: сначала мы убрали незначительные слова, а затем провели лексико-семантический анализ, удаляя из списка слова, несвязанные с тематикой ВИРУСА. Оставшиеся лексические единицы были разделены на четыре тематических блока: «содержание (болезни)», «причины и последствия (болезни)», «борьба (с болезнью)», «субъекты и объекты (болезни)».

Тематический блок «содержание» включает в себя лексические единицы описательного характера, который связаны с темой вируса,

которые в целом составляют суть заболевания (艾滋病 – СПИД; 感染 – заражение; 传播 – распространение; 治疗 – лечение; 疫苗 – вакцина; 细菌 – бактерия; 疾病 – болезнь, заболевание; 基因 – ген; 细胞 – клетка; 流感 – грипп; 禽流感 – птичий грипп; 肝炎 – гепатит.

Тематический блок «причины и последствия» включает в себя лексические единицы причинно-следственного характера, которые отражают причины болезни и ее последствия (引起 – вызывать, приводить к..; 出现 – возникать; 造成 – приводить к..; 有效 – эффективный; 死亡 – смерть; 产生 – порождать; 升级 – эскалация; 导致 – привести к..; 疫情 – эпидемия; 因此 – вследствие этого).

Тематический блок «борьба» включает в себя лексические единицы, связанные с борьбой с болезнью; мерами, которые могут применяться в отношении противодействия вирусу:

确诊 – диагностировать;

防控 – профилактика и контроль; 发现 – обнаружить;

预防 – предотвращать; 研究 – исследовать; 检测 – выявлять;

组织 – организовывать; 防护 – защищать.

Тематический блок «субъекты и объекты» включает в себя лексические единицы, отражающие тех, кто стал объектом заболевания или субъектом борьбы с ним;

武汉 – Ухань; 中国 – Китай; 新闻 – новости;

患者 – заболевший; 专家 – специалисты; 全国 – вся страна;

卫健委 – Комитет по здравоохранению; 医院 – больница;

世界卫生组织 – ВОЗ.

Кроме этих основных тематических групп для списков слов корпусов корпуса Пекинского университета также отдельно выделялась тематическая группа «неболезнь», куда вошли лексические единицы, связанные с вирусом, но не как с болезнью:

科技 – научно-технический; 网络 – сеть; 电脑 – компьютер;

功能 – функция; 系统 – система; 计算机 – ЭВМ; 软件 – софт.

Распределение лексических единиц по тематическим блокам представлено в таблице 1.

Как мы видим, в таблице 1 наиболее значимой тематической группой для всех исследованных корпусов стала группа «содержание», что объясняется необходимостью постановки проблемы и ее описания в любом дискурсе. Процентный показатель для этой тематической группы в литературном корпусе выше, чем в других, что связано

с повествовательным характером художественных произведений и отсутствием оценочности.

Таблица 1

**Распределение лексических единиц
по тематическим блокам в списках частотности слов**

	Содержание	Причины и последствия	Борьба	Объекты и субъекты	Неболезнь
коронавирус	42,91	9,05	26,83	21,19	
литературный	59,87	16,87	0	16,87	13,69
медиакорпус	47,25	17,65	6,39	20,03	8,66
многопрофильный	41,86	16,75	15,25	2,62	19,9

Более интересным является соотношение распределения слов по тематическим группам «причины и последствия» и «борьба с болезнью». Для корпуса «коронавирус» более значимым является описание принимаемых мер по противодействию болезни (26,83% всех слов), чем описание причин и последствий болезни (9,05%). Стоит отметить, что пропорция слов в этой тематической группе для корпуса «коронавирус» самая низкая среди всех исследованных корпусов, что говорит о возможном целенаправленном умалчивании и причин, и последствий возникшей в Китае новой болезни. Для других корпусов тематический блок «причины и последствия» более значим, чем «борьба с болезнью», так, например, в медиакорпусе Пекинского корпуса китайского языка пропорции этих тематических групп составили 17,65% и 6,39% соответственно.

Также стоит отметить значительную пропорцию тематического блока «субъекты и объекты» для корпуса «коронавирус» и медиакорпуса (21,19% и 20,03% соответственно). Это объясняется информационным характером медиатекстов, где субъекты и объекты новости традиционно занимают важное место в тексте. В новостях всегда важно указывать, кто и над чем совершает то или иное действие.

Еще одним этапом сравнения исследуемых корпусов было сопоставление полученных списков слов друг с другом посредством специально написанной программы на языке программирования Python. Наша программа имеет довольно упрощенный функционал, она позволяет сравнить два списка слов друг с другом, на выходе мы получаем новый список слов, которые присутствуют в одном списке

и отсутствуют в другом. Кроме того, мы получаем количественное соотношение включенности списков друг в друга, т.е. какова пропорция слов из одного списка слов также встречается в другом списке. При этом количественные показатели употребления слов в корпусе игнорируются, единицей анализа является наличие слова в списке, а не количество его употреблений. Подобный анализ позволяет в общих чертах сформировать представление о том, насколько семантически похожи разные корпуса текстов.

Для уточнения результатов в этот анализ также был включен список слов из специально собранного корпуса медиатекстов, не связанного с тематикой вируса – корпус «китайская мечта», который мы использовали в предыдущих исследованиях [Калинин, Сузень, 2020]. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

**Соотношение содержания списков частотности слов
исследуемых корпусов**

	Медиа-корпус	Многопрофильный	Литературный	Корпус «китайская мечта»
Количество разных слов в списке	23860	28779	2219	7433
Процент сходства со списком корпуса «коронавирус»	61.46	62.47	11.58	30.119

В таблице 2 при полном анализе корпусов текстов безусловное сходство лежит в диапазоне от 11 (совпадение с литературным корпусом) до 30 процентов (совпадение с корпусом «китайская мечта»). При этом совпадение с корпусами медиатекстов и многопрофильного корпуса, подобранных по ключевому слову «вирус» на базе ВСС (Beida Chinese Corpus) довольно внушительное – примерно 60%. Если учесть, что примерно 30% слов корпуса – это слова служебные и общеупотребительные, не связанные с образом вируса, что подтверждает совпадение с корпусом «китайская мечта», то можно сделать вывод о том, что специальный корпус «коронавирус» примерно на треть похож по содержанию на корпуса, отражающие образ вируса вообще.

Завершающим этапом нашего исследования стал качественный контент-анализ, который базировался на анализе содержания

тематических групп и частотности конкретных лексических единиц, включенных в списки слов разных исследованных корпусов. Также мы рассмотрели коллокации ключевого слова «вирус» в разных корпусах.

Относительно семантического анализа тематических групп списка слов можно сделать следующие выводы:

1. Разнообразие лексических единиц, связанных с противодействием болезни, в корпусе «коронавирус» в сравнении с другими корпусами и присутствие в этой тематической группе военной лексики (抗击 – контратака, 反击 – контратака, 阻击战 – бой на задержание противника), что также подтверждается проведенным нами ранее анализом о метафорических моделях в репрезентации образа коронавируса [Калинин, Мавлеева 2020].

2. Маленький удельный вес слов с отрицательной оценкой, связанных с последствиями заболевания. Для наглядности мы составили таблицу с наиболее характерными лексическими единицами из этой группы, где посчитали удельный вес каждого слова для корпуса в целом. В связи с особенностями расчета данного параметра, более высокий показатель удельного веса свидетельствует о меньшей значимости данного слова в корпусе.

Таблица 3

**Удельный вес лексических единиц
с семантикой последствия вируса в разных корпусах**

Слово	Коронавирус	Медиакорпус	Многопрофильный
死亡 (умереть)	2,3	0,7	0,67
杀死 (убить)	16,28	2,62	1,68
导致 (привести к)	4,01	0,75	0,82
去世 (погибнуть)	39,56	5,93	6,87
爆发 (вспыхнуть)	1,86	2,08	2,05

Как мы видим, для слов, связанных со смертельными последствиями, значимость, выраженная в подсчитанном нами удельном весе, в корпусе «коронавирус» ниже, чем в двух других корпусах. При этом нельзя не отметить, что эта разница весьма значительна. Это подтверждает вышеизложенное предположение о том, что в СМИ целенаправленно замалчивалась информация о последствиях вируса.

В то же время лексема 爆发 (вспыхнуть), которая формирует представление о вирусной эпидемии как о своего рода «случайности, несчастном случае», которая появляется сама собой, более значима для корпуса «коронавирус».

3. Еще одной отличительной особенностью является большое разнообразие в корпусе «коронавирус» лексических единиц, соотнесенных с тематической группой «субъекты и объекты (болезни)». В других корпусах эта группа намного менее разнообразна, например в многопрофильном корпусе было выявлено всего таких лексических единиц, тогда как в корпусе коронавирус – 19, в которые входили и названия стран, организаций, и такие лексемы, как 人类 – человечество.

Анализ коллокаций, проведенный посредством программы *AntConc* в общих чертах подтвердил полученные выше данные. Для корпуса «коронавирус» наиболее частотными стали употребления ключевого слова с такими знаменательными глаголами как 发现 (обнаружить), 研究 (исследовать), 预防 (профилактика), 爆发 (вспыхнуть). А для медиакорпуса и многопрофильного корпуса наиболее частотные глаголы: 引起 (вызывать), 发现 (обнаружить), 传播 (распространяться), 感染 (заражать). В корпусах, созданных на основе корпуса текстов Пекинского университета, мы находим больше слов, характеризующих саму болезнь и ее последствия.

Что касается прилагательных, то нельзя не отметить использование слова 严重 (серьезные (чаще о последствиях или воздействии)). В корпусе «коронавирус» данная лексическая единица встретилась всего 2 раза в сочетании с ключевым словом вирус, в то время как для в медиакорпусе – 144 раза, а в многопрофильном корпусе – 186. Даже с поправкой на разницу в объеме корпусов, мы видим существенные отличия.

Заключение

Таким образом, в данном исследовании была продолжена работа по анализу образа вируса в китайских медиа. Мы сравнили образ коронавируса в китайских массмедиа начала 2020 года и образ вируса вообще на основе выборки из подкорпусов корпуса китайского языка Пекинского университета.

В исследовании мы проверяли гипотезу о том, что два образа вируса будут отличаться, что подтверждает высказанное в предыдущих

исследованиях предположение о целенаправленной политике по формированию определенного отношения к коронавирусу среди населения КНР посредством СМИ.

Наше предыдущее исследование по образу лихорадки Эбола показало болезнь как «сильного, опасного и смертоносного врага, борьба с которым может и должна быть активной, а на передовой этой борьбы находятся ученые-медики» [Kalinin, 2020]. Этот образ дополняется данными из корпуса китайского языка Пекинского университета, где тематике последствий вируса уделяется большое внимание.

В специальном корпусе текстов «коронавирус», собранном нами в начале 2020 г., образ болезни более нейтральный. Это все-таки враг, но он менее ужасен, менее опасен, не так смертоносен, и, возможно, не принесет серьезных последствий. Борьба с коронавирусом при этом требует мобилизации усилий всего народа, она носит характер защиты от внешнего врага, что очень схоже с традиционной китайской моделью «ответа на внешние вызовы». В текстах про коронавирус доминирует лексика, связанная с противодействием болезням, очень частотны наименования субъектов этой борьбы и объектов болезни. При этом лексические единицы, семантика которых отражает негативные последствия, употребляется реже, чем в других корпусах.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что количественно-качественный контент-анализ корпусов текстов может являться действенным приемом сопоставительного анализа. Подборки текстов и списки слов по частотности употребления можно сравнивать с помощью современных компьютерных программ, что значительно сокращает время для анализа материала.

Кроме того, разница в образе вируса подчеркивает важную социальную роль языка, который может использоваться не только как инструмент формирования общественного мнения, но и как средство мобилизации общества для решения социально-значимых проблем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Sontag S.* *Illness as Metaphor.* New York: Farrar, Straus, and Giroux. 1978. URL: <https://repository.library.georgetown.edu/handle/10822/778656>
2. *Sontag S.* *Aids and Its Metaphors.* New York: Farrar, Straus and Giroux. 1989. URL: <https://repository.library.georgetown.edu/handle/10822/828206>
3. *Wodak R., Meyer M.* *Methods of Critical Discourse Analysis.* London EC2A 4PU: SAGE Publications, 2001. URL: https://www.academia.edu/1614495/Methods_of_critical_discourse_analysis

4. *Reisfield G. M., Wilson G. R.* Use of Metaphor in the Discourse on Cancer // *J. Clin. Oncol.* 2004. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/15459229>
5. *Camus J. T. W.* Metaphors of cancer in scientific popularization articles in the British press // *Discourse Studies.* 2009. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1461445609105220>
6. *Chen E., Lerman K., Ferrara E.* Tracking social media discourse about the COVID-19 pandemic: Development of a Public Coronavirus Twitter Data Set // *JMIR Public Heal. Surveill.* 2020. URL: <https://publichealth.jmir.org/2020/2/e19273>
7. *Xue J. et al.* Public discourse and sentiment during the COVID-19 pandemic: Using Latent Dirichlet Allocation for topic modeling on Twitter // *PLoS One.* 2020. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/3>
8. *Chaiuk T. A., Dunaievska O. V.* Fear culture in media: An examination on Coronavirus discourse // *Journal of history culture and art research.* 2020. URL: <http://kutaksam.karabuk.edu.tr/index.php/ilk/article/view/2636>
9. *Расчепеева Д. Д., Семейкина Е. В., Стеблецова О. В.* (2020). Язык медицинской профилактики: дискурс пандемии коронавируса // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук.* 2020. № 46. Т. 7–3. С. 85–87.
10. *Калинин О. И.* Дискурсивная метафора коронавируса в СМИ КНР // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки.* 2020. № 8 (837). С. 26–37.
11. *Калинин О. И., Мавлеева Д. В.* Сопоставительный анализ метафорического «образа» коронавируса в СМИ КНР и Республики Корея // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2020. Т. 4. С. 97–107.
12. *Hsieh H.-F., Shannon S. E.* Three Approaches to Qualitative Content Analysis // *Qual. Health Res.* 2005. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/16204405>
13. *Neuendorf K. A.* *The Content Analysis Guidebook.* Los Angeles: SAGE, 2017. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/The-Content-Analysis-Guidebook-Neuendorf/f9a46125fee6688cbd1ac6f03685a55525d8c00c>
14. *Kövecses Z.* *Conceptual metaphor theory* // *Routledge Handb. Metaphor Lang.* 2016. URL: https://www.academia.edu/30234610/Conceptual_metaphor_theory
15. *Patterson K. J.* *Corpus Methodologies and Metaphor* // *Understanding Metaphor through Corpora.* Routledge, 2018. URL: <https://www.routledge.com/Understanding-Metaphor-through-Corpora-A-Case-Study-of-Metaphors-in-Nineteenth/Patterson/p/book/9780367590826>

16. *Agbo I. I., Kadiri G. C., Ijem B. U.* Critical metaphor analysis of political discourse in Nigeria // *English Lang. Teach.* 2018. URL: <http://www.ccsenet.org/journal/index.php/elt/article/view/74921>
17. *Brugman B. C., Burgersm C., Vis B.* Metaphorical framing in political discourse through words vs concepts: A meta-analysis // *Language and cognition.* 2019. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/language-and-cognition/article/metaphorical-framing-in-political-discourse-through-words-vs-concepts-a-metaanalysis/865DFAB51172998E1C9574D74E275AAE>
18. *Chan E. A., Nyback M.-H.* A virtual caravan – A metaphor for home-internationalization through social media: A qualitative content analysis // *Nurse Education Today.* 2015. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/25717018>
19. *Anthony L.* A critical look at software tools in corpus linguistics // *Linguistic Research.* 2013. URL: https://laurenceanthony.net/research/20130827_linguistic_research_paper/linguistic_research_paper_final.pdf
20. *Калинин О. И., Сузень А. Д.* Идеологема национальной мечты в масс-медиальном дискурсе КНР и США // *Социолнгвистика.* 2020. Т. 1. С. 133–146.

REFERENCES

1. Sontag, S. (1978). *Illness as Metaphor.* New York: Farrar, Straus, and Giroux. <https://repository.library.georgetown.edu/handle/10822/778656>
2. Sontag, S. (1989). *Aids and Its Metaphors.* New York: Farrar, Straus and Giroux. <https://repository.library.georgetown.edu/handle/10822/828206>
3. Wodak, R., Meyer, M. (2001). *Methods of Critical Discourse Analysis.* London EC2A 4PU: SAGE Publications. https://www.academia.edu/1614495/Methods_of_critical_discourse_analysis
4. Reisfield, G. M., Wilson, G. R. (2004). Use of Metaphor in the Discourse on Cancer. *J. Clin. Oncol.* <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/15459229>
5. Camus, J. T. W. (2009). Metaphors of cancer in scientific popularization articles in the British press. *Discourse Studies.* <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1461445609105220>
6. Chen, E., Lerman, K., Ferrara, E. (2020). Tracking Social Media Discourse About the COVID-19 Pandemic: Development of a Public Coronavirus Twitter Data Set. *JMIR Public Heal. Surveill.* <https://publichealth.jmir.org/2020/2/e19273>
7. Xue J. et al. (2020). Public discourse and sentiment during the COVID-19 pandemic: Using Latent Dirichlet Allocation for topic modeling on Twitter. *PLoS One.* <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/3>
8. Chaiuk, T. A., Dunaievska, O. V. (2020). Fear Culture in Media: An Examination on Coronavirus Discourse. *Journal of History Culture and Art Research.* <http://kutaksam.karabuk.edu.tr/index.php/ilk/article/view/2636>

9. Raschepeeva, D. D., Semejkina, E. V., Steblecova, O. V. (2020). Yazyk medicinskoj profilaktiki: diskurs pandemii koronavirusa = The language of medical prevention: the coronavirus pandemic discourse. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk*, 7–3 (46), 85–87. (In Russ.)
10. Kalinin, O. I. (2020). Discursive metaphor of coronavirus in the PRC media. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 8 (837), 26–37. (In Russ.)
11. Kalinin, O. I., Mavleeva D. V. (2020). Sopostavitel'nyj analiz metaforicheskogo obraza koronavirusa v SMI KNR i Respubliki Koreya = Comparative analysis of Coronavirus-Related Discursive Metaphors in PRC and ROK Media. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya*, 4, 97–107. (In Russ.)
12. Hsieh, H.-F., Shannon, S. E. (2005). Three Approaches to Qualitative Content Analysis. *Qual. Health Res.* <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/16204405>
13. Neuendorf, K. A. (2017). *The Content Analysis Guidebook*. Los Angeles: SAGE. www.semanticscholar.org/paper/The-Content-Analysis-Guidebook-Neuendorf/f9a46125fee6688cbd1ac6f03685a55525d8c00c
14. Kövecses, Z. (2016). *Conceptual metaphor theory*. *Routledge Handb. Metaphor Lang.* https://www.academia.edu/30234610/Conceptual_metaphor_theory
15. Patterson, K. J. (2018). *Corpus Methodologies and Metaphor. Understanding Metaphor through Corpora*. Routledge. www.routledge.com/Understanding-Metaphor-through-Corpora-A-Case-Study-of-Metaphors-in-Nineteenth/Patterson/p/book/9780367590826
16. Agbo, I. I., Kadiri, G. C., Ijem, B. U. (2018). *Critical Metaphor Analysis of Political Discourse in Nigeria*. *English Lang. Teach.* <http://www.ccsenet.org/journal/index.php/elt/article/view/74921>
17. Brugman, B. C., Burgers, C., Vis, B. (2019). Metaphorical framing in political discourse through words vs concepts: A meta-analysis. *Language and Cognition.* <https://www.cambridge.org/core/journals/language-and-cognition/article/metaphorical-framing-in-political-discourse-through-words-vs-concepts-a-metaanalysis/865DFAB51172998E1C9574D74E275AAE>
18. Chan E. A., Nyback M.-H. (2015). A virtual caravan – A metaphor for home-internationalization through social media: A qualitative content analysis // *Nurse Education Today*. <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/25717018>
19. Anthony, L. (2013). A critical look at software tools in corpus linguistics. *Linguistic Research*. https://laurenceanthony.net/research/20130827_linguistic_research_paper/linguistic_research_paper_final.pdf
20. Kalinin, O. I., Suzen', A. D. (2020). Ideologema nacional'noj mechty v mass-medial'nom diskurse KNR i SSHA = The the national dream ideologeme in the mass media discourse of the PRC and the USA. *Sociolingvistika*, 1, 133–146. (In Russ.)

Информация об авторе

Калинин О. И. – кандидат филологических наук,
доцент кафедры китайского языка переводческого факультета,
докторант кафедры

Information about the author

Kalinin O. I. – Associate Professor at the Department of Chinese Language,
Doctoral student at the Far Eastern Languages Department, Military University

Статья поступила в редакцию 03.06.2021; одобрена после рецензирования
02.07.2021; принята к публикации 05.07.2021

The article was submitted 03.06.2021; approved after reviewing 02.07.2021;
accepted for publication 05.07.2021

Научная статья

УДК 811.581.11

DOI 10.52070/2542-2197_2021_10_852_47

ТИПОЛОГИЯ И МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ (на материале китайского языка)

Е. Н. Колпачкова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
e.kolpachkova@spbu.ru

Аннотация. В статье представлены результаты анализа универсальных и лингво-специфических особенностей признаковой лексики. На материале современного китайского языка, классификация прилагательных в котором всё еще далека от единообразия, описываются возможные группировки (подклассы / разряды) и основные модели управления слов, способных выступать предикатным ядром в данной системе. Для прилагательных, которые, кроме носителя признака, имеют второго участника ситуации, охарактеризованы средства его кодирования.

Ключевые слова: адъективная лексика, модели управления прилагательных, классификация прилагательных, китайский язык, путунхуа, синтаксис китайского языка, части речи в китайском языке, прилагательное в китайском языке

Для цитирования: Колпачкова Е. Н. Типология и модели управления прилагательных (на материале китайского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 10 (852). С. 47–60. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_10_852_47

Original article

TYPOLOGY AND GOVERNMENT PATTERNS OF ADJECTIVES: THE CASE OF CHINESE

Е. N. Kolpachkova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, e.kolpachkova@spbu.com

Abstract. The article presents the results of the analysis of universal and language-specific features of the adjectival vocabulary. Based on the material of modern Chinese, where the classification of adjectives is still far from being uniform, possible groups (subclasses / categories) and the main government patterns of words that can act as a predicate core in this system are described. For adjectives that, in addition

to the carrier of the attribute, have a second participant in the situation, means of its encoding are characterized.

Key words: adjectival vocabulary, government patterns of adjectives, classification of adjectives, the Chinese language, Mandarin Chinese, Chinese syntax, parts of speech in Chinese, adjective in Chinese

For citation: Kolpachkova, E. N. (2021). Typology and government patterns of adjectives: the case of Chinese. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 10(852), 47–60. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_10_852_47

Введение

Признаковая лексика, выражающая категорию качества, довольно разнородна по своим грамматическим свойствам в любом естественном языке, граница между классами слов проводится по-разному, поэтому во многих языках выделение прилагательных в самостоятельную часть речи часто вызывает определенные трудности. Это особенно актуально для современного китайского языка (СКЯ), в связи с чем, согласно новейшим подходам, представленным в лингвистической науке, весь лексический массив адъективных единиц распределяется между несколькими классами / подклассами слов, что в полной мере отвечает тем тенденциям, которые наблюдаются в современной лингвистике в отношении типологии категорий адъективности и атрибутивности.

В отечественной синологии еще А. А. Драгунов отмечал, что «в системе частей речи китайского языка прилагательные близки к глаголу и образуют вместе с ним более общую категорию предикатива» [Драгунов, 1952, с. 10]. Общими для глаголов и прилагательных грамматическими признаками являются способность сочетаться с отрицанием и наречиями, а также присоединять некоторые видо-временные аффиксы и другие видо-временные показатели, называя ситуацию, меняющуюся во времени [Драгунов, 1952; Яхонтов, 1957].

В китайской науке грамматические признаки прилагательных и критерии их отграничения от глаголов были сформулированы в «Лекциях по грамматике» Чжу Дэси [Чжу, 1982]. Прилагательные китайский лингвист относит к классу предикативов (谓词 *wèicí*), набор синтаксических признаков которых включает способность выступать сказуемым в предложении, а также допускает синтаксическую функцию подлежащего и дополнения [там же]. Классифицирующими признаками прилагательного при их размежевании с глаголами Чжу Дэси называет способность оформляться наречием

степени 很 *hěn* (очень) при невозможности принимать прямое дополнение, подчеркивая обязательность обоих признаков для признания предикатива прилагательным. Наличие только одного из них свидетельствует о глагольной природе данной единицы [Чжу, 1982].

Распределение адъективной лексики по классам

Современная теория частей речи отражает неоднородность признаковой лексики в китайском языке. Так, в [Го, 2002], помимо класса **прилагательных** (形容词 *xíngróngcí*), обнаруживаются еще два класса слов, называющих признак предмета или ситуации, это **дифференцирующие слова** (区别词 *qūbiécí*) и **состояния** (状态词 *zhuàngtáicí*), подробный анализ см. [Колпачкова, 2019].

Основным формальным признаком дифференцирующих слов является их неспособность оформляться наречиями степени и выступать сказуемым. Чжу Дэси эту не очень многочисленную группу слов выделяет в подкласс «прилагательных абсолютного признака» (绝对性质的形容词 *juéduì xìngzhì de xíngróngcí*). По своим семантическим и грамматическим особенностям они схожи с относительными прилагательными в русском языке, называя постоянный признак и исключая возможность его изменения по степени интенсивности. К дифференцирующим словам относятся: 公共 *gōnggòng* ‘общественный’, 亲爱 *qīn’ài* ‘любимый’, 民用 *mínyòng* ‘гражданский’, 日常 *rìcháng* ‘повседневный’, 高等 *gāoděng* ‘высококласный’, 袖珍 *xiùzhēn* ‘карманный’, 现行 *xiànxíng* ‘действующий’, 野生 *yěshēng* ‘дикий’, 业余 *yèyú* ‘любительский’, 男 *nán* ‘мужской’ и др. В случае несоответствия реального признака ожиданиям говорящего адъективные единицы этого типа всё-таки могут выступать сказуемым предложения, оформляться наречием степени 很 *hěn* ‘очень’ или употребляться в сравнительных конструкциях. С. А. Кондрашевский отмечает, что такое нетипичное грамматическое оформление характерно для прямой речи и интернет-дискурса, что действительно верно, однако подобные употребления, как показывает анализ языкового материала, встречаются и в более нейтральных контекстах [Кондрашевский, 2008]. Например:

(1) 为什么大家会觉得我很假

Wèishéme	dàjiā	huì	juéde	wǒ	hěn	jiǎ?
Почему	все	MOD	казаться	1Sg	очень	фальшивый
Почему всем кажется, что я очень фальшивый?!						

(2)这样做比那样做公平十倍。

Zhèyàng	zuò	bǐ	nàyàng	zuò
Так	делать	COMPAR	вон_так	делать
gōngpíng	shí	bèi		
справедливый	десять	раз		
Так поступить в 10 раз справедливее, чем как-то иначе				

Основным формальным отличием *слов-состояний* является их неспособность выступать в синтаксической функции дополнительного элемента¹ и оформляться наречиями степени, а также наличие у некоторых из них ограничений по моделям редупликации. Го Жуй отмечает в семантике слов этого класса в СКЯ такую особенность, как высокая степень выраженности признака; состояния не классифицируют, а приписывают признак предмету [Го, 2002]. К классу состояний относятся слова: 优良 yōuliáng ‘отличный’, 酷热 kùrè ‘изнуряюще жаркий’, 瘦高 shòugāo ‘высокий и тонкий’, 雪白 xuěbái ‘белоснежный’, 甜丝丝 tiánsīsi ‘сладенький’, 黑咕隆咚 hēigūlōngdōng ‘темный’, 轰轰烈烈 hōnghōnglièliè ‘мощный’ и др.

Остальная признаковая лексика по классификации Го Жуй относится к *прилагательным* (形容词 xíngróngcí).

В «Описательной грамматике китайского языка» (2010) авторы также выделяют дифференцирующие слова в отдельную часть речи, кроме того, предлагается более детальная типология прилагательных. Так, по признаку сочетаемости с видовременными показателями, модификаторами и отрицанием 没 (有) méi (yǒu) выделяются *динамические* (动态形容词 dòngtài xíngróngcí) и *статические* (静态形容词 jìngtài xíngróngcí) прилагательные. К первому типу авторы грамматики относят: 红 hóng ‘красный’, 胖 pàng ‘толстый’, 大 dà ‘большой’, 暖和 nuǎnhuo ‘теплый’, 激动 jīdòng ‘возбужденный’, 轻松 qīngsōng ‘расслабленный’, 沙哑 shāyǎ ‘хриплый’, 衰老 shuāilǎo ‘дряхлый’, 淘气 táoqì ‘озорной’, 调皮 tiáopí ‘капризный’, 落后 luòhòu ‘отсталый’, 便宜 piányi ‘дешевый’, 灰心 huīxīn ‘мрачный’, 骄傲 jiāo’ào ‘гордый’.

¹ В китайской грамматической традиции постпозитивное обстоятельство считается отдельным членом предложения – дополнительным элементом (补语 bǔyǔ) (встречаются варианты перевода – дополнительный член, комплимент).

Как статические прилагательные, не допускающие оформления видовременными показателями, модификаторами и не сочетающиеся с отрицанием 没 (有) méi (yǒu) предлагается рассматривать адъективные лексемы: 对 duì – *правильный*, 笨 bèn – *глупый*, 丑 chǒu – *некрасивый*, 沉重 chénzhòng – *тяжелый*, 悲惨 bēicǎn – *горестный*, 宝贵 bǎoguì – *драгоценный*, 灿烂 cànlàn – *великолепный*, 长远 chángyuǎn – *долгий*, 陈旧 chénjiù – *старый*, 充实 chōngshí – *полный*, 丰富 fēngfù – *богатый*, 聪明 cōngmíng – *умный* и др.

По критерию возможности измерить степень выраженности признака выделяются **измеряемые** (量度形容词 liàngdù xíngróngcí) и **неизмеряемые** (非量度形容词 fēiliàngdù xíngróngcí) прилагательные. Этот критерий реализуется как наличие способности уточнить параметрическое значение признака путем добавления в постпозиции точного числового выражения с указанием единиц измерения в синтаксической роли дополнительного элемента. Так, исконные односложные прилагательные, существующие в системе в антонимичных парах, практически все относятся к подклассу измеряемых прилагательных: 大 dà – *большой* / 小 xiǎo – *маленький*, 热 rè – *горячий* / 冷 lěng – *холодный*, 高 gāo – *высокий* / 低 dī – *низкий*, 深 shēn – *глубокий* / 浅 qiǎn – *мелкий* и др.

Маркирование актантов адъективных предикатов

Некоторые адъективные единицы, кроме базового участника-носителя признака, но могут иметь и более одного зависимого. Валентность мы понимаем как способность слова вступать в синтаксические связи с другими элементами, причем в данном исследовании нас интересует его активная валентность, т. е. способность присоединять к себе зависимые слова, вступая с ними в синтаксические связи, т. е. без этих зависимых слов смысл конструкции с прилагательным окажется неполным.

1. Одновалентные прилагательные

Моновалентная признаковая лексика имеет семантически обусловленную способность присоединять один единственный актант, называющий носителя соответствующего признака в позиции подлежащего:

(3) 这棵树很粗。

Zhè		kē	shù		hěn	cū
DEM	CLF	дерево	очень	широкий		
‘Это дерево широко’.						

(4) 小时候, 王钢很勇敢。

Xiǎoshíhòu	Wáng	Gāng	hěn	yǒnggǎn.	
Детство		Ван	Ган	очень	храбрый
‘В детстве Ван Ган был храбрым’.					

У отдельных лексических единиц, называющих эмоциональные состояния человека, набор участников расширился. В таких двухместных предикатах описывается не наличие соответствующего признака у носителя, а факт его приобретения в результате каузации. По набору участников описываемая ситуация схожа с каузативной, предполагая каузатора, каузируемый объект и признак, приобретенный объектом в результате каузации [Храковский, 1973]. Семантическую модель подобных каузативных отадъективных дериватов можно представить как CAUSE + BECOME + STATE. Каузатор практически не ограничен по набору грамматических признаков, тогда как к каузируемому объекту предъявляется требование одушевленности, наследуемое от соответствующей адъективной лексемы. Ср. (5) и (6):

(5) 王纲很恼怒。

Wáng	Gāng	hěn	nǎonù
Ван	Ган	очень	злой
‘Ван Ган зол’.			

(6) 这可恼怒了王纲

Zhè		kě		nǎonù-le	Wáng	Gāng
DEM	однако	злить-PFV	Ван	Ган		
‘Это однако разозлило Ван Гана’.						

В контекстах, где предикатное слово имеет при себе дополнение, нельзя рассматривать его как прилагательное, речь должна идти об отадъективном глаголе, возникшем по конверсии, поскольку наличие прямого дополнения служит важнейшим критерием разграничения глаголов и прилагательных в СКЯ. Кроме того, эти единицы не удовлетворяют и второму критерию Чжу Дэси, поскольку в окружении типа (6) они не допускают оформления наречием 很 hěn – *очень* [Чжу 1982].

У одновалентных прилагательных допускается заполнение постпозиции соматическими единицами:

(7) 王纲红了脸

Wáng	Gāng		hóng-le	liǎn
Ван Ган		красный-PFV	лицо	
'Ван Ган покраснел (лицом)'				

В таком контексте речь идет о расщепленной валентности, поскольку соматизм в постпозиции к предикату называет неотчуждаемую принадлежность носителя признака, уточняя, каким образом / где именно проявляется соответствующий признак. Такая неактантно – комплетивная трактовка элемента, который, не являясь полноценным участником ситуации, тем не менее очевидно заполняет отдельную синтаксическую позицию в предложении, впервые была представлена в [Яхонтов, 1957].

2. Двухместные прилагательные

В рамках двухместных структур с признаковой лексикой в качестве предикатного ядра клаузы следует различать двухвалентные прилагательные, имеющие две обязательные валентности, и структуры с одновалентными прилагательными, в которых получает реализацию периферийный участник, кодируемый предложно или беспредложно, причем для разных классов прилагательных эти распространители будут специфичны.

Двухвалентные прилагательные имеют по две обязательные и семантически, и синтаксически валентности.

К этому подклассу в СКЯ относятся сложные прилагательные, построенные по субъектно-предикативной словообразовательной модели: 面熟 miànshú – *знакомый*, 面生 miànshēng – *незнакомый*, 眼熟 yǎnshú yǎnshú – *знакомый*, 眼生 yǎnshēng – *незнакомый*, 耳熟

ěrshú – *знакомый*, 耳生 ěrshēng – *незнакомый* и т. п. Эти адъективные единицы, преимущественно с семантикой известности или знакомства, кодируют второго участника беспредложно. Для модели управления прилагательных этого подкласса типично выносить стимульного участника в абсолютное начало предложения:

(8) 这城市我很陌生。

Zhè		chéngshì	wǒ	hěn	mòshēng
DEM	город		1Sg	очень	чужой
‘Этот город мне чужой’					

У прилагательных этого типа возможно только беспредложное управление, реализуемое за счет порядка элементов в клаузе.

К двухвалентным прилагательным, обладающим синтаксически обязательной второй валентностью, относятся признаковые лексемы 精通 *jīngtōng* – *разбирающийся в (чем-либо)*, 疏远 *shūyuǎn* – *отчужденный от (кого-либо)*. Второй участник в таких клаузах кодируется предлогом 对 *duì* – *к...*; *по отношению к...* и вводится в препозиции к предикатному слову:

(9) 丽丽对服装设计很精通。

Lìlì	duì	fúzhuāng	shèjì	hěn	jīngtōng	
Лили	PREP	одежда	дизайн	очень	разбирающийся	
‘Лили разбирается в дизайне одежды’						

(10) *丽丽很精通。

*Lìlì	hěn	jīngtōng	
Лили	очень	разбирающийся	
‘*Лили разбирается’			

(11) *对服装设计很精通。

*Duì	fúzhuāng	shèjì	hěn	jīngtōng
PREP	одежда	дизайн	очень	разбирающийся
‘*Разбирается в дизайне одежды’				

Важно, что в клаузах с этими двухместными прилагательными нельзя опустить участников, элиминация любого из них делает предложение грамматически неприемлемым.

Дистанционные прилагательные 远 yuǎn ‘далекий’ и 近 jìn ‘близкий’ обозначают пространственные отношения, т. е. наличие расстояния, между двумя объектами – *Траектором* и *Ориентиром* соответственно, оценка удаленности при этом осуществляется закадровым Наблюдателем, эксплицитно среди участников ситуации не представленным. Для предикатных структур с прилагательными этого типа для кодирования Ориентира используется предлог 离 lí ‘от’ (12). Если же участник с семантической ролью Ориентира в предложении не выражен, то в таких ситуациях оценка удаленности Траектора проводится относительно самого Наблюдателя, чаще всего говорящего, который выступает в данном случае Ориентиром (13):

(12) 东南亚离中国很近。

Dōngnányà	lí	Zhōngguó	hěn	jìn	
ЮВА		PREP	Китай	очень	близкий
‘Юго-Восточная Азия (находится) близко от Китая’					

(13) 广州很远。

Guǎngzhōu	hěn	yuǎn
Гуанчжоу	очень	далекий
‘Гуанчжоу далеко’ (от местонахождения говорящего)		

При незаполнении семантической валентности Ориентир соответствующие данные могут быть получены из контекста или ситуации. Дистанционные прилагательные, как и абсолютное большинство управляющих прилагательных в современном китайском языке, обладают обязательной семантической и факультативной синтаксической второй валентностью. При формальном выражении второго участника основным средством его кодирования в предложении будет 对 *duì*. В случае ее незаполнения предложение будет приемлемым, но синтаксически неполным. В такой ситуации второй партиципant выводится по контексту либо таковым выступает широкий, обобщенный, круг лиц (каждый, любой, всё). Ср. (14) и (15):

(14) 他对上司非常客气。

Tā	duì	shàngsī	fēicháng	kèqì
3Sg.M	PREP	начальство	крайне	вежливый
‘Он крайне вежлив с начальством’				

(15) 他非常客气。

Tā	fēicháng	kèqì
3Sg.M	крайне	вежливый
‘Он крайне вежлив’ (со всеми)		

К этому типу относятся прилагательные:

客气 kèqì ‘вежливый’, 忠诚 zhōngchéng ‘преданный’,
友好 yǒuhǎo ‘дружелюбный’, 耐心 nàixīn ‘терпеливый’,
热心 rèxīn ‘восторженный’, 有用 yǒuyòng ‘полезный’,
不利 bùlì ‘неблагоприятный’ и др.

Некоторые прилагательные этого типа демонстрируют вариативность модели управления, и кроме типичного кодирования второго участника предлогом 对 duì, могут вводить его в постпозиции к прилагательному с помощью аппликативного показателя 于 yú, ср. (16)–(18):

(16) 这种情况很不利

Zhè		zhǒng qíngkuàng	hěn	bùlì
DEM	CLF	ситуация	очень	неблагоприятный
‘Подобные ситуации пагубны’				

(17) 这种情况对中央的统治很不利。

Zhè	zhōng	qíngkuàng	duì	zhōngyāng	de
DEM	CLF	ситуация	PREP	центр	ATTR
tǒngzhì	hěn	bùlì			
правление	очень	неблагоприятный			
‘Подобные ситуации пагубны для центральных властей’					

(18) 这种情况很不利于中央的统治。

Zhè	zhǒng	qíngkuàng	hěn	bùli-yú
DEM	CLF	ситуация	очень	неблагоприятный-APPL
zhōngyāng	de	tǒngzhì		
центр	ATTR	правление		
'Подобные ситуации пагубны для центральных властей'				

Для ряда адъективных единиц частотность аппликатива с 于 yú как базовой стратегии кодирования второго участника привела к лексикализации этих форм, сегодня фиксируемых словарями СКЯ как готовые единицы:

不利于 bùliyú 'неблагоприятный для (чего-либо)';

善于 shànyú 'искусный в (чем-либо)';

忙于 mángyú 'быть занятым (чем-либо)',

长于 chángyú 'мастерски владеть (чем-либо)' и др.:

(19) 王钢口才很好, 所以很善于谈判。

Wáng	Gāng	koucí	hěn	hǎo,
Ван	Ган	красноречие	очень	хороший
suǒyǐ		hěn	shàn-yú	tánpàn
CONJ		очень	искусный-APPL	переговоры
'Ван Ган красноречив, поэтому искусен в переговорах'				

Для двухвалентных прилагательных в СКЯ типична позиционная вариативность, при которой второй участник может вводиться предложно в абсолютном начале предложения или ставиться на границе группы сказуемого:

(20) 日本员工对公司很忠诚。

Rìběn	yuángōng	duì	gōngsī	hěn	zhōngchéng
Японский	сотрудник	PREP	фирма	очень	преданный
'Японские сотрудники преданы фирме'					

(21) 对公司日本员工很忠诚。

duì	gōngsī	Rìběn	yuángōng	hěn	zhōngchéng
PREP	фирма	Японский	сотрудник	очень	преданный
‘Японские сотрудники преданы фирме’					

Таким образом, для типичных двухместных прилагательных в китайском языке основной является модель управления с предложением 对 *duì*. Зависящие от прилагательных именные группы «достраивают» ситуацию, обозначенную адъективной единицей, до определенного семантического фрейма.

Заключение

Имеющиеся в настоящее время классификации признаковой лексики едины в размежевании адъективных единиц по признаку способности или неспособности выступать предикативным ядром предложения. Однако не менее релевантным для анализа синтаксического поведения данного класса единиц представляются и некоторые дополнительные грамматические признаки, приложение которых дает нам деление прилагательных на подклассы, в том числе проясняющие особенности их управления.

Анализ предикатно-актантных структур с прилагательными, направленный на выявление набора обязательно заполняемых позиций и типологизацию стратегий кодирования участников, показал, что хотя для прилагательных в СКЯ развитая актантная структура не столь типична, как для глаголов, тем не менее ряд адъективных единиц в данной системе обнаруживает более одной валентности и реализует их различными доступными для данной системы способами, преимущественно предложно или за счет порядка слов.

Главный участник, являющийся носителем признака, в абсолютном большинстве случаев занимает позицию подлежащего в предложении, иная его позиция возможна только в случае введения в клаузу определённого названия признака, в препозицию к которому смещается сам носитель.

Для двухвалентных прилагательных в современном языке типично предложное управление. В ряде случаев наблюдается вариативность

управления, когда вместо предложного маркирования второго участника в препозиции к предикату с 对 *dùi* допускается его кодирование аппликативным показателем 于 *yú* в постпозиции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Драгунов А. А. Исследования по грамматике современного китайского языка. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1952.
2. Яхонтов С. Е. Категория глагола в китайском языке. Ленинград : Изд-во Ленинградского университета, 1957.
3. Чжу Дэси. Лекции по грамматике. Пекин: Изд-во коммерческой прессы, 1982. 朱德熙著 语法讲义. 北京, 商务印书馆, 1982. (на кит. языке)
4. Го Жуй. Исследование частей речи в современном китайском языке. Пекин: Изд-во коммерческой прессы, 2002. 郭锐著 现代汉语词类研究. 北京: 商务印书馆, 2002. (на китайском языке).
5. Колпачкова Е. Н. О современных подходах к описанию частей речи в китайском языке // Китайский язык: актуальные вопросы языкознания, переводоведения и лингводидактики: сб. ст. науч. конф. Вып. 1 / под ред. Е. В. Сениной. М. : МГИМО (У), 2019. С. 65–75.
6. Кондрашевский С. А. Синтаксические функции и грамматическое оформление прилагательных китайского языка в концепциях Чжу Дэси и Драгунова // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. С. 89–98.
7. Храковский В. С. Трансформация и деривация // Проблемы структурной лингвистики 1972. М. : Наука, 1973. С. 489–507.

REFERENCES

1. Dragunov, A. A. (1952). Issledovaniya po grammatike sovremennogo kitajskogo yazyka = Studies on the grammar of modern Chinese. Moscow ; Leningrad: Izd-vo AN USSR. (In Russ.)
2. Yakhontov, S. E. (1957). Kategoriya glagola v kitajskom yazyke. = The category of verb in Chinese. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta. (In Russ.)
3. Zhu, Dexi. (1982). Lectures in Grammar. Beijing: Commercial Press. (In Chinese)
4. Guo, Rui (2002). Research on Parts of Speech in Modern Chinese. Beijing: Commercial Press. (in Chinese)
5. Kolpachkova, E. N. (2019) O sovremennykh podkhodakh k opisaniyu chastej rechi v kitajskom yazyke = Modern approach to the description of parts of speech in Chinese. In E. V. Senina (Ed.). Kitajskij yazyk: aktual'nye voprosy yazykoznanija, perevodovedeniya i lingvodidaktiki. 1, 65–75. Moscow: MGIMO (U). (In Russ.)

6. Kondrashevskij, S. A. (2008). Functions and grammatical forms of adjectives in Zhu Dexi's and Dragunov's theories. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie (pp. 89–98) (In Russ.)
7. Khrakovskij, V. S. (1973). Transformaciya i derivaciya = Transformation and Derivation. Problems of structural grammar (pp. 489–507). Moscow: Nauka. (In Russ.)

Информация об авторе

Колпачкова Е. Н. – кандидат филологических наук,
доцент кафедры китайской филологии
Санкт-Петербургского государственного университета

Information about the author

Kolpachkova E. N. – PhD of Philology, Associate Professor,
Department of the Chinese Philology, St. Petersburg

Статья поступила в редакцию 03.06.2021; одобрена после рецензирования 02.07.2021; принята к публикации 05.07.2021

The article was submitted 03.06.2021; approved after reviewing 02.07.2021; accepted for publication 05.07.2021

Научная статья

УДК 811.113.6, 811.111

DOI 10.52070/2542-2197_2021_10_852_61

СТРАТЕГИИ ВЕЖЛИВОСТИ В РЕЧЕВОМ АКТЕ ОБРАЩЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ И ШВЕДСКОМ ЯЗЫКАХ

Н. Ю. Линевич

Институт гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия, natalia.kgd@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу языковых средств выражения просьбы в шведском и английском языках с учетом стратегий вежливости. Вербализация просьбы в рассматриваемых языках происходит, главным образом, с помощью стратегий негативной вежливости, языковой репрезентацией которых являются косвенный характер высказываний, семантическая минимизация, а также имперсонализация. Для шведского языка характерно использование меньшего количества стратегий в одном высказывании, что существенно понижает его косвенность по сравнению с английским языком.

Ключевые слова: стратегии вежливости, семантическая минимизация, имперсонализация, субъектно-объектная ориентированность, косвенные вопросы, просьба

Для цитирования: Линевич Н. Ю. Стратегии вежливости в речевом акте обращения в английском и шведском языках // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 10 (852). С. 61–76. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_10_852_61

Original article

POLITENESS STRATEGIES IN THE SPEECH ACT OF ADDRESS IN ENGLISH AND SWEDISH

N. Yu. Linevich

Institute for the Humanities, Baltic Federal University named after I. Kant, Kaliningrad, Russia, natalia.kgd@gmail.com

Abstract. The paper deals with the analysis of request patterns in Swedish and English both in terms of their differences and similarities. The implementation of request patterns in the languages in question occurs mainly with the help of negative politeness strategies modifying their imposition. The speakers tend to use indirect constructions (questions), semantic minimization, as well as impersonalization. The

Swedish language is characterized by the fewer number of politeness strategies per utterance, which lowers its indirectness compared to the English language.

Key words: politeness strategies, semantic minimization, impersonalization, speaker-hearer-oriented formulas, interrogatives, requests

For citation: Linevich, N. Yu. (2021). Politeness strategies in the speech act of address in English and Swedish. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(852), 61–76. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_10_852_61

Введение

Вежливость в выражениях просьбы представляется как особенно важный аспект, так как просьба обязывает слушающего к определенным действиям и представляет по своей природе некое вмешательство в его личное пространство. Говорящий выбирает уровень вежливости в соответствии с тем, насколько серьезно будет восприниматься «давление» просьбы ее адресатом. В том случае, когда говорящий не выражает просьбу должным образом, желаемая цель не будет достигнута, слушающий может оказаться в затруднительном положении, или социальные отношения в целом окажутся под угрозой [Фурменкова, 2005]. П. Дурст-Андерсен относит английский и скандинавские языки к языкам, ориентированным на говорящего, а любое выражение просьбы, с его точки зрения, подразумевает под собой начало переговоров, которое завершается либо «подписанием контракта, либо его неподписанием» [Durst-Andersen, 2011].

В данной статье мы опираемся на ставшие классикой работы П. Браун и С. Левинсона, а также модель социальной дифференциации языка У. Лабова – А. Швейцера – В. Заботкиной, в основе которой лежит взаимодействие стратификационной и ситуативной осей вариативности языка [Фурменкова, 2005].

По стратификационной оси анализ проводился с учетом одного из трех прагматических параметров, а именно социально-экономического, где нами учитывался критерий «уровень образования». Гендерный и параметр возраста остались за рамками данной статьи. По ситуативной оси принимались во внимание ролевые отношения участников коммуникации (симметричные / асимметричные), тональность ситуации (официальная / неофициальная). Материалом для исследования послужили данные анкетирования, проведенного среди 100 информантов (50 шведов и 50 англичан) на примере трех коммуникативных ситуаций, где респонденты должны были предложить свои варианты

высказываний. Сначала были обобщены все предложенные формулы, а затем определена степень их вежливости.

Проиллюстрируем всё вышесказанное на примере первой коммуникативной ситуации, где респондент обращается к профессору с просьбой открыть окно во время лекции. Анализ результатов опроса информантов не выявил существенных различий между шведским и английским языками. Данная коммуникативная ситуация оценивается, как нарушающая Принцип вежливости представителями обеих культур. Так, молодая английская респондентка 29 лет с высшим образованием посчитала неуместным и неприемлемым обращаться с подобной просьбой к профессору и нарушать тем самым занятие:

Realistically I would probably not disturb the whole class by doing this but for the sake of argument I might put up my hand and say: Excuse me but would you mind opening the window a small crack? It's quite warm in here. – Извините, не могли бы Вы приоткрыть окно? Здесь очень жарко.

Непрямой способ выражения просьбы в данном примере вербализуется посредством сложной косвенно-вопросительной конструкции, ориентированной на слушающего. Помимо стратегий «выражайтесь косвенно» и «извиняйтесь» в данном ответе задействована еще одна стратегия дистанцирования «минимизируйте степень вмешательства», вербализованная посредством номинативной конструкции, содержащей сему уменьшительности *a small crack* (*чутьочку*). Такую же точку зрения разделяет и шведский респондент с высшим образованием 24 лет, который считает неуместным и неприемлемым обращаться с подобной просьбой к профессору, нарушая тем самым занятие. Свою просьбу он бы сформулировал через развернутое субъектно-ориентированное высказывание:

Ursäkta, det är jättevarmt är inne. Går det bra om jag öppnar fönstret? – Извините, здесь очень жарко. Ничего, если я открою окно?

Как показали данные анкеты, 100 % ответов английских и шведских респондентов в этой ситуации составили косвенные вопросы. Данный вывод в отношении английских респондентов совпадает с результатами исследования Ольги Рыковой Ибсен, посвященного директивным высказываниям в английском, русском и датском языках [Rykov Ibsen 2016].

Из всего многообразия косвенных вопросов значительную часть составили высказывания с модальными глаголами (81% шведских ответов и 95% английских ответов).

Мы предлагаем проанализировать полученные результаты исходя из двух параметров: 1) степень вежливости вопросов; 2) субъектно-объектная ориентированность.

1. Анализ ответов респондентов по степени вежливости высказывания

В таблице 1 приведены самые частотные синтаксические структуры, выделенные нами, исходя из параметра *степень вежливости* (возрастания косвенности высказывания).

Таблица 1

Степень вежливости вопросов

Шведский язык	Английский язык
<p>1) вопрос о <u>возможности говорящего</u> сделать что-либо (модальный глагол <i>kan</i> + отрицание + / - актуализатор вежливости <i>fä</i>)</p> <p><i>Kan vi inte öppna ett fönster?</i> <i>Kan vi inte fä öppna fönstret?</i></p>	<p>1) вопрос о <u>возможности</u> адресата выполнить просьбу (модальный глагол <i>can</i> + модификатор вежливости <i>please</i>)</p> <p><i>Can you open the window please?</i></p>
<p>2) вопрос о <u>возможности адресата</u> сделать что-либо (модальный глагол <i>kan</i> + модификатор вежливости <i>är du snäll</i>)</p> <p><i>Kan du öppna fönstret är du snäll?/</i> <i>Kan du vara snäll och öppna fönstret?/</i> <i>Kan du öppna fönstret en liten stund?</i></p>	<p>2) вопрос о <u>возможности</u> адресата выполнить просьбу (модальный глагол в сослагательном наклонении + модификатор вежливости <i>please</i>)</p> <p><i>Could you please open the window?</i></p>
<p>3) безличная конструкция (модальный глагол в сослагательном наклонении <i>skulle</i> + инфинитив)</p> <p><i>Skulle det gå bra att öppna fönstret? /</i> <i>Skulle det vara tänkbart att öppna fönstret för vädring en stund?</i> <i>Skulle det kunna gå att öppna fönstret en stund?</i></p>	<p>3) вопрос о <u>возможности говорящего</u> сделать что-либо (модальный глагол в сослагательном наклонении + актуализатор вежливости <i>please</i>)</p> <p><i>Could we have some air, please?</i> <i>Could we please have a window opened?</i></p>

<p>4) вопрос о возможности адресата сделать что-либо (модальный глагол в сослагательном наклонении <i>skulle</i> + инфинитив <i>kunna</i> + актуализатор вежливости <i>är du snäll</i>) <i>Skulle du kunna öppna fönstret är du snäll?</i></p>	<p>4) вопрос о желании адресата выполнить какое-либо действие (модальный глагол в сослагательном наклонении) <i>Would you mind opening the window?</i></p>
---	--

Итак, анализ частотности употребления выделенных синтаксических структур в зависимости от уровня образования привел к следующим выводам.

Преобладающей синтаксической структурой в ответах английских респондентов с высшим образованием стала структура 4, обладающая наибольшей степенью вежливости. Например:

Would you mind opening the window / if we had the window open please / if I open the window please? – Вы не возражали бы против того, чтобы открыть окно?

Ее использовали в своих ответах 40% респондентов. Затем следует структура 2, выделенная в 27% ответов респондентов данной группы. Например:

Could you please open the window? – Вы могли бы, пожалуйста, открыть окно?

Структура 3 оказалась немаркированной по параметру *образование*. Ее использовали в своих ответах 27% всех английских респондентов. Например:

Could we have some air / a window opened please? – Можно нам немного воздуха /открыть окно?

Структура 1, наделенная наименьшей степенью вежливости из всех выделенных структур, маркирована параметром без высшего образования в ответах анкеты.

Преобладающей синтаксической структурой в ответах шведских респондентов с высшим образованием стала также структура 4, обладающая наибольшей степенью вежливости. Например:

Skulle du kunna öppna fönstret är du snäll? – Мог бы ты открыть окно, пожалуйста?

За ней следует синтаксическая структура 3:

Skulle det gå bra att öppna fönstret ett tag? – Можно было бы открыть ненадолго окно?

На третьем месте находится структура 2, которой воспользовались представители обеих групп независимо от уровня образования:

Kan du öppna fönstret är du snäll? / Kan du vara snäll och öppna fönstret? / Kan du öppna fönstret en liten stund? – Можешь ты, пожалуйста, открыть окно?

При этом второй по частотности употребления среди представителей с высшим образованием оказалась структура 1, обладающая наименьшей степенью вежливости в нашей классификации:

Kan vi inte öppna ett fönster? / Kan vi inte få öppna fönstret? – Не можем мы открыть окно?

Тот факт, что ответы английских респондентов с высшим образованием отличаются от ответов респондентов без высшего образования, в то время как ответы шведских респондентов с высшим образованием совпадают с ответами респондентов без высшего образования, а также то, что синтаксическая структура с наименьшей степенью вежливости выделена среди ответов шведских респондентов среднего класса, позволяет сделать дополнительный вывод о том, что в английской коммуникативной культуре нейтральный уровень вежливости сдвинут в сторону формальной вежливости, в то время как в шведской коммуникативной культуре он сдвинут в сторону низкого уровня, т. е. в сторону неформальной вежливости.

2. Анализ ответов респондентов с точки зрения субъектно-объектной ориентированности

С точки зрения субъектно-объектной ориентированности мы выделяем два основных типа вопросительных высказываний:

1) объектно-ориентированные, т. е. ориентированные на слушающего:

шв. Kan du öppna fönstret en liten stund?

англ. Can you open the window please?

2) субъектно-ориентированные, т. е. ориентированные на говорящего:

шв. Skulle vi kunna öppna fönstret?

англ. Could we have some air in this class please?

При этом как в шведской, так и английской коммуникации вежливость высказывания возрастает при переносе нагрузки на говорящего.

В таблице 2 продемонстрированы результаты нашего анализа в зависимости от параметра субъектно-объектной ориентированности.

Таблица 2

Субъектно-объектная ориентированность в вопросах

Шведский язык	Английский язык
Респонденты с высшим образованием	
Объектно-ориентиров. – 40 % <i>Skulle du kunna öppna fönstret är du snäll? (Мог бы ты открыть окно, пожалуйста?)</i> <i>Kan du öppna fönstret är du snäll? / Kan du vara snäll och öppna fönstret? (Можешь ты открыть окно, пожалуйста?)</i>	Объектно-ориентиров. – 50 % <i>Would you / Could you mind opening the window? (Вы не возражали бы открыть окно?)</i>
Субъектно-ориентиров. – 28,5 % <i>Det är så varmt skulle vi kunna öppna fönstret? (Так жарко, могли бы мы открыть окно?)</i> <i>Kan vi inte få öppna fönstret? (Не можем мы открыть окно?).</i>	Субъектно-ориентиров. – 20 % <i>Could we please have a window opened? (Могли бы мы, пожалуйста, открыть окно?)</i> <i>Could we have some air, please?</i>
	Объектно-субъектно-ориентир. – 20 % <i>Would you mind if I open the window please? (Вы не возражали бы, если я открою окно?)</i> <i>Would you mind if we had the window open please? (Вы не возражали бы, если бы мы открыли окно?)</i>
Респонденты без высшего образования	

<p>Объектно-ориентиров. – 66,6 % <i>Kan du öppna fönstret en liten stund?</i> (Ты можешь открыть окно ненадолго?)</p>	<p>Объектно-ориентиров. – 50 % <i>Can you open the window please?</i> <i>(Вы можете открыть окно, пожалуйста?)</i></p>
<p>Субъектно-ориентиров. – 33,3 % <i>Ska vi öppna fönstret?</i> (Окно откроем?)</p>	<p>Субъектно-ориентиров. – 50 % <i>Could we have some air, please?</i></p>

Параметр субъектно-объектной ориентированности не явился ведущим в данной коммуникативной ситуации при сравнении высказываний в шведском и английском языках. Напротив, он, скорее, показал, что сходств среди двух языков наблюдается больше, нежели различий. Единственным принципиальным отличием рассматриваемых языков явилось наличие в английском языке комбинированной косвенно-вопросительной конструкции, ориентированной на слушающего и содержащей косвенный вопрос о возможности говорящего выполнить просьбу:

Would you mind if I open the window please? – Вы не возражали бы, если я открою окно?

3. Анализ ответов респондентов в зависимости от уровня образования

Стратегии вежливости дистанцирования «выражайтесь косвенно», «задавайте вопросы» реализуются во всех шведских и английских высказываниях независимо от уровня образования респондентов. При этом в шведских высказываниях респондентов с высшим образованием добавляется стратегия «извиняйтесь» (*Excuse me / Sorry*) в 24 % ответов, в то время как в английском языке этой стратегией пользуется 60 % респондентов с высшим образованием:

шв. *Ursäkta, det är väldigt varmt här. Jag undrar om vi kunde öppna ett fönster?* – Извините, здесь очень жарко. Интересно, могли бы мы открыть окно?

англ. *Excuse me, could you please open the window, it's rather hot in here?* – Извините, могли бы Вы открыть окно, здесь достаточно жарко?

Стратегия «будьте пессимистом» (при помощи сослагательного наклонения, выражающего гипотетичность) реализуется лишь в 51,5 %

ответов всех шведских респондентов, в то время как в английском языке этой стратегией пользуются 93 % английских респондентов.

Стратегия «минимизируйте степень вмешательства» используется в равной степени шведскими респондентами (*en liten stund, ett tag, lite, en stund*), так и английскими (*a small crack, any chance, some, a bit, a little*) в 60 % высказываниях вне зависимости от уровня образования.

Стратегия «выводите адресата из дискурса», когда смещение коммуникативной нагрузки переносится с адресата на самого говорящего, реализуется в 24 % всех шведских ответов с высшим образованием и 10 % ответов английских респондентов. Основными языковыми средствами реализации данной стратегии в рассматриваемых языках явились пассивный залог и безличные конструкции.

шв. *Är det OK att öppna fönstret lite?* – Можно ли приоткрыть окно?

англ. *Would it be ok to have the window open?*

Проанализированный материал позволил сделать вывод о том, что респонденты, помимо стратегий вежливости дистанцирования, также использовали и стратегию вежливости сближения, а именно – «включение в деятельность и адресата и говорящего» (объединяющее «мы»).

Таблица 3

Стратегия «объединяющее *мы*»

Шведский язык	Английский язык
Респонденты с высшим образованием	
<i>Any chance we could have the window opened?</i> 33 % <i>Could we please have a window opened?</i> 20 %	<i>Jag undrar om vi kunde öppna ett fönster</i> (Интересно, могли бы мы открыть окно). 24, 1 %
Респонденты без высшего образования	
<i>Could we have some air in this class please?</i> 50 %	<i>Ska vi öppna fönstret?</i> (Откроем окно?) 50 %

Как видно из таблицы 3, данная стратегия в большей степени используется представителями без высшего образования в обоих рассматриваемых языках.

Анализ используемых стратегий в сравниваемых языках позволил выявить следующую тенденцию. Респонденты с высшим образованием используют больше стратегий вежливости в своих ответах. Данная закономерность в большей степени характерна для английской коммуникативной культуры. В шведских ответах, как правило, используются в среднем одна-две стратегии. Ср.

англ. Excuse me but would you mind opening the window *a small crack*? It's quite warm in here. – Извините, не могли бы Вы *приоткрыть* окно? Здесь очень жарко.

В данном ответе задействованы три стратегии:

- 1) «выражайтесь косвенно»;
- 2) будьте пессимистом;
- 3) «извиняйтесь»;
- 4) «минимизируйте степень вмешательства».

шв. Skulle du vilja öppna fönstret? – Ты хотел бы открыть окно?

В шведском ответе представлены две стратегии: «выражайтесь косвенно» и «будьте пессимистом».

Как известно, чем больше стратегий вежливости использовано в одном высказывании, тем более косвенно оно выражено, а значит, по мнению Т. В. Лариной, в нем сведены до минимума нажим, давление на адресата, уменьшается категоричность побуждения, тем самым увеличивается степень вежливости [Ларина, 2009].

Таким образом, вопросительные высказывания с наибольшей степенью вежливости характерны для представителей с высшим образованием в обоих языках, в то время как высказывания с наименьшей степенью – для представителей без высшего образования.

Вторая коммуникативная ситуация представляет собой асимметричный тип ситуации, когда подчиненный респондент должен обратиться к своему начальнику с определенной просьбой. В данном случае с просьбой одолжить книгу. Нам интересно было проследить, будут ли варьироваться ответы в зависимости от отношений субординации. Среди предложенных респондентами синтаксических структур, помимо выделенных нами выше появилась еще одна группа, посредством которых реализуется косвенный вопрос. Речь идет о субъектно-ориентированных высказываниях, содержащих косвенный вопрос о возможности

говорящего выполнить просьбу. Данный тип синтаксической структуры занимает самое высокое положение в нашей классификации. В английском языке высокая степень вежливости данного типа достигается за счет смещения временного плана (прошедшее время):

I was wondering if *I could* borrow it *for a bit* to help me with some research I'm doing?

Приведенный выше тип синтаксической структуры характерен для ответов английских представителей с высшим образованием. Проанализируем этот ответ с точки зрения используемых в нем стратегий. Помимо стратегий вежливости отдаления «выражайтесь косвенно», «задавайте вопросы», «предлагайте выбор» (так как данный ответ содержит вопрос) также реализуются такие стратегии, как «будьте пессимистом» (при помощи сослагательного наклонения, выражающего гипотетичность), стратегия «выводите адресата из дискурса» (смещение коммуникативной нагрузки переносится с адресата на самого говорящего – использование личного местоимения *I* вместо *you*) и стратегия «минимизируйте степень вмешательства» (*for a bit*).

Анализ показал, что в шведском языке преобладающей синтаксической структурой в ответах респондентов независимо от уровня образования стала структура 2, обладающая наименьшей степенью вежливости в нашей классификации и представленная конструкцией «модальный глагол *kan* + / - актуализатор вежливости *få*». Например: *Kan jag få låna boken xxx?* (Я могу одолжить книгу...?). Данное наблюдение позволяет нам сделать вывод, что структура 2 является немаркированным средством выражения просьбы в шведской коммуникации для выражения нейтральной вежливости. На втором месте среди ответов шведских респондентов с высшим образованием стоит структура 4 со смещением нагрузки с адресата на самого говорящего: *Skulle jag kunna få låna boken av dig?* (Мог/ла бы я одолжить у тебя книгу?). Далее следует не представленная ранее структура, в которой степень вежливости ответа увеличивается за счет косвенного вопроса с *Jag undrar* (Интересно / Хотелось бы знать) + модальный глагол в сослагательном наклонении:

Jag undrar om jag skulle kunna få låna din bokom... – Интересно, мог / могла бы я одолжить у тебя книгу о...

В английском языке преобладающей синтаксической структурой в ответах респондентов независимо от уровня образования стала структура 3, которая представлена модальным глаголом в сослагательном наклонении и актуализатором вежливости *please*. Например:

Could I borrow [book] for a few days please? / Could I possibly borrow it please? – Я мог бы одолжить книгу на пару дней?

Преобладающей синтаксической структурой в ответах английских респондентов без высшего образования стала структура 1, которая претерпевает небольшое видоизменение, обусловленное асимметричностью ситуации. В ответах представителей последней группы в большей степени реализуется стратегия «выводите адресата из дискурса», что подразумевает смещение коммуникативной нагрузки с адресата на самого говорящего, например:

Can I borrow your book please? – Можно мне, пожалуйста, одолжить твою / Вашу книгу.

С точки зрения субъектно-объектной ориентированности значительную часть составили субъектно-ориентированные высказывания в обоих языках, как более вежливые, что представляется вполне логичным, учитывая асимметричность ситуации («снизу-вверх»). Так, доля субъектно-ориентированных ответов в шведском языке составила 80%, в английском – 87,5%. Данный вывод позволяет нам также утверждать, что в асимметричных ситуациях («снизу-вверх») в обоих языках наблюдается тенденция к использованию стратегии «вывод адресата из дискурса».

Третья коммуникативная ситуация также относится к асимметричному типу ситуации, когда начальник должен обратиться к своему подчиненному с определенной просьбой. В данном случае меняется вектор субординации, и коммуникация принимает нисходящее направление.

Анализ показал, что преобладающей синтаксической структурой в ответах английских респондентов с высшим образованием стала структура 2, представленная модальным глаголом *can* в сослагательном наклонении и актуализатором вежливости *please*. Например:

Could you please do me a favour and get me some stamps? – Могли бы Вы сделать мне одолжение и купить несколько марок?

Любопытным, на наш взгляд, явилось употребление экспрессивного оценочного прилагательного *huge* (*огромный*) в ответе представительницы верхних слоев среднего класса:

Could you do me a *huge* favour and pick me up a pack too please? – Могли бы Вы сделать мне *огромное* одолжение и захватить одну пачку для меня тоже?

Очевидно, что семантика данной речевой формулы содержит элемент преувеличения, так как в ситуации было оговорено, что изначально подчиненный идет за покупкой для себя. Однако в имплицативном смысле этого ответа кроется искреннее желание говорящего сделать приятное собеседнику [Brown, Levinson, 1987]. Таким образом, в этом ответе реализуются такие стратегии негативной вежливости, как «выражайтесь косвенно», «задавайте вопросы», но кроме того, и стратегия сближения «преувеличивайте», имеющая целью проявить внимание к собеседнику, подчеркнуть интерес к нему, оказать коммуникативную поддержку, продемонстрировать свою симпатию.

В ходе нашего исследования подобное использование данной стратегии на материале шведского языка не было выявлено.

Именно в данной коммуникативной ситуации мы встречаемся с единичным случаем использования прямого эксплицитного способа выражения просьбы в английском языке представителем без высшего образования посредством императивного высказывания: *Get me fags when you are there...* (*Купи мне сигареты...*). Этот пример интересен тем, что он подтверждает сложившуюся в классической теории по прагматике точку зрения о том, что такие вежливые императивы, как правило, употребляются с неформальной лексикой [Aijmer, 1996]. Выбор прямой стратегии обусловлен, на наш взгляд, существенным сокращением социальной дистанции между начальником и подчиненным в рассматриваемом классе и большей неформальностью общения, к которой стремятся представители без высшего образования.

В шведском языке преобладающей синтаксической структурой в ответах респондентов независимо от уровня образования стала структура 4, обладающая высокой степенью вежливости в нашей классификации и представленная конструкцией «модальный глагол в сослагательном наклонении *skulle* + инфинитив *kunna*». Например:

Skulle du kunna köpa några frimärken åt mig? – Ты мог бы купить несколько марок для меня?

На втором месте среди ответов шведских респондентов независимо от уровня образования стоит структура 2, представленная только модальным глаголом *kan* + инфинитив без модификатора вежливости *är du snäll* (*пожалуйста*):

Kan du köpa några frimärken till mig? – Ты можешь купить несколько марок для меня?

Полученные результаты позволяют нам сделать вывод, что структуры 2 и 4 являются немаркированными средствами выражения просьбы в асимметричной ситуации обращения начальника к подчиненному в шведской коммуникации. Это говорит о том, что социально-экономический параметр не является ведущим в данной коммуникативной ситуации.

С точки зрения субъектно-объектной ориентированности все ответы как шведских, так и английских респондентов составили объектно-ориентированные высказывания в обоих языках, что представляется вполне логичным, учитывая нисходящую направленность коммуникации.

Заключение

На основе проведенного исследования можно сделать вывод о том, что ситуация выражения просьбы по-разному воспринимается респондентами в зависимости от уровня образования в рассматриваемых языках. В них прослеживается прямая зависимость между степенью вежливости языкового средства выражения просьбы и уровнем образования респондента. Так, чем выше уровень образования респондента, тем выше степень вежливости используемого им высказывания. Однако косвенность высказываний в рассматриваемых языках будет отличаться. Для английского языка характерно использование большего количества стратегий в одном высказывании, что существенно повышает его косвенность по сравнению со шведским языком. Тот факт, что ответы шведских респондентов с высшим образованием совпадают с ответами респондентов без высшего образования, в то время как ответы английских респондентов отличаются в зависимости от уровня образования, а также то, что синтаксическая структура с наименьшей степенью вежливости выделена среди ответов шведских респондентов с высшим образованием, позволяет

сделать дополнительный вывод о том, что в шведской коммуникативной культуре он сдвинут в сторону низкого уровня, т. е. в сторону неформальной вежливости, в то время как английской коммуникативной культуре нейтральный уровень вежливости сдвинут в сторону формальной вежливости. Параметр субъектно-объектной ориентированности не явился ведущим в рассмотренных нами коммуникативных ситуациях при сравнении ответов респондентов в шведском и английском языках. Напротив, он скорее показал, что два рассматриваемых языка имеют больше сходств, чем различий. При этом как в шведской, так и английской коммуникации перенос нагрузки на говорящего значительно повышает вежливость высказывания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Фурменкова Т. В.* Средства реализации принципа вежливости в американском варианте современного английского языка (на примере речевых актов обращения, просьбы, приветствия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2005.
2. *Durst-Andersen P.* Linguistic supertypes: a cognitive – semiotic theory of human communication. Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2011.
3. *Rykov Ibsen O.* An empirical cross-linguistic study of directives. A semiotic approach to the sentence forms chosen by British, Danish and Russian speakers in native and ELF contexts. Doctoral dissertation in Intercultural Business Communication. Copenhagen Business School, 2016.
4. *Ларина Т. В.* Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. Москва. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009.
5. *Brown P., Levinson S. C.* Politeness, some universals in language usage. Cambridge : Cambridge University Press, 1987.
6. *Aijmer K.* Conversational routines in English: Convention and creativity. Routledge, 1996.

REFERENCES

1. Furmenkova, T. V. (2005). Sredstva realizatsiy prinzipa vezhlivosti v amerikanskom variante sovremennogo angliyskogo yazyka (na primere rechevykh aktov obrascheniya, pros'by, privetstviya) = The linguistic means of the politeness principle implementation in modern American English (in address, request and greeting speech acts): PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)

2. Durst-Andersen, P. (2011). Linguistic supertypes: a cognitive – semiotic theory of human communication. Berlin ; New York : Walter de Gruyter.
3. Rykov Ibsen, O. (2016). An empirical cross-linguistic study of directives. A semiotic approach to the sentence forms chosen by British, Danish and Russian speakers in native and ELF contexts. Doctoral dissertation in Intercultural Business Communication. Copenhagen Business School.
4. Larina, T. V. (2009). Kategoriiia vezhливosti i stil' kommunikatsii: сопоставление англиiskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsii = Category of Politeness and Communication Style: Comparison of English and Russian Linguistic and Cultural traditions. Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi. (In Russ.)
5. Brown, P., Levinson, S. C. (1987). Politeness, some universals in language usage. Cambridge : Cambridge University Press.

Информация об авторе

Линеvич Н. Ю. – старший преподаватель Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта

Information about the author

Linevich N. Yu. – Senior Lecturer at the Institute for the Humanities, Baltic Federal University named after I. Kant

Статья поступила в редакцию 03.06.2021; одобрена после рецензирования 02.07.2021; принята к публикации 05.07.2021

The article was submitted 03.06.2021; approved after reviewing 02.07.2021; accepted for publication 05.07.2021

Научная статья

УДК 81.255.4

DOI 10.52070/2542-2197_2021_10_852_77

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА
С КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ
ТЕКСТОВ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ**

Е. Р. Варина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
manaeva-elizaveta@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена особенностям перевода текстов общественно-политической тематики с китайского языка на русский, а также классификации и анализу ошибок, допускаемых при переводе подобных текстов. В средствах массовой информации с каждым днем появляется всё больше информации о политике, экономике и социальной жизни КНР. На этом фоне возрастает потребность в высококвалифицированных профессиональных переводчиках. Анализ имеющихся переводов и разбор типичных ошибок также имеет важное значение.

Ключевые слова: общественно-политический перевод, СМИ, переводческая ошибка, политический термин, штамп, имя собственное

Для цитирования: Варина Е. Р. Некоторые аспекты перевода с китайского языка на русский текстов общественно-политической тематики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 10 (852). С. 77–86. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_10_852_77

Original article

**SOME ASPECTS OF CHINESE TO RUSSIAN TRANSLATION
OF TEXTS ON SOCIAL AND POLITICAL TOPICS**

E. R. Varina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, manaeva-elizaveta@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of Chinese to Russian translation of texts on social and political topics, as well as the classification and analysis of mistakes made when translating such texts. Every day more and more information about the politics, economy and social life of the PRC appears in the media. In view of

deepening of Russian-Chinese cooperation, the need for highly qualified professional translators is growing. Analysis of such translations and review of most common errors are important too.

Key words: sociopolitical translation, mass media, translation mistake, political term, cliché, proper name

For citation: Varina, E. R. (2021). Some aspects of Chinese to Russian translation of texts on social and political topics. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(852), 77–86. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_10_852_77

Введение

Важность общественно-политической сферы жизни современного общества невозможно переоценить. В средствах массовой информации по всему миру с каждым днем появляется всё больше информации о политике, экономике и социальной жизни КНР, и российские периодические издания не являются исключением. Ввиду стремительного увеличения масштабов российско-китайского сотрудничества, а также сближения России и Китая на фоне давления западных стран, развязывания торговых и информационных войн, всё чаще возрастает потребность в высококвалифицированных профессиональных переводчиках. Осуществление грамотного и четкого перевода текстов общественно-политической тематики имеет сегодня особо важное значение, количество переводов общественно-политических текстов растет, и, как следствие, возникает необходимость анализа данных переводов. Несмотря на популярность изучения китайского языка в России и всё увеличивающееся количество специалистов, владеющих китайским, всё еще отмечаются ошибки, допускаемые при работе с общественно-политическими статьями.

Некоторые аспекты перевода текстов общественно-политической тематики с китайского языка на русский и типичные переводческие ошибки

Переводчик должен уметь в полном объеме, грамотно и точно передавать смысл исходного текста, соблюдая при этом нормы переводящего языка. Ключевое условие осуществления адекватного перевода – это высокий уровень владения переводчиком как иностранным, так и родным языком. Часто переводческие ошибки связаны с недостаточным знанием китайского языка и отсутствием должной

практики работы с неадаптированными китайскими статьями. Любой китайский текст представляет сложность уже на этапе анализа материала для перевода. Ввиду недостаточного опыта переводчик не всегда может правильно определить границы той или иной языковой единицы, что ведет к наиболее грубой из всех возможных ошибок – искажению смысла оригинала.

Однако тексты общественно-политической тематики выделяются среди других текстов на китайском языке и обладают рядом особенностей. Во-первых, синтаксис подобных текстов весьма специфичен – отмечается преобладание сложных предложений с несколькими грамматическими основами или же предложений осложненных. В китайском тексте важную роль играет порядок слов, который отличается от других языков строгостью и четкостью. «В китайском языке члены предложения обычно выражаются неморфологизованными средствами и синтаксическая функция слова, а, следовательно, и его квалификация как члена предложения в значительной степени зависят от места, занимаемого словом в строе предложения» [Карпека, 2019, с. 16].

Как известно, предложение в китайском языке строится по базовой схеме «Подлежащее – Сказуемое – Дополнение». Ввиду синтаксических особенностей текстов общественно-политической тематики, начинающие переводчики испытывают сложность в правильном грамматическом разборе предложения и определении его грамматической основы. Также трудности вызывает анализ и перевод второстепенных членов предложения. Для общественно-политических текстов характерны громоздкие атрибутивные комплексы, рамочные структуры и объёмные предложные конструкции, что серьезно затрудняет работу по отысканию грамматической основы. В китайском предложении подлежащее и сказуемое или же сказуемое и дополнение могут быть «разорваны» длинной предложной конструкцией, что опять же объясняется фиксированным порядком слов. Для синтаксиса русского текста подобные черты не являются характерными, а, следовательно, вызывают у начинающих переводчиков массу сложностей. Неверный анализ грамматической структуры предложения может привести к смысловым ошибкам или же вольному переводу.

Лексика общественно-политических текстов разнородна. «В публицистических произведениях в зависимости от потребностей,

связанных с конкретной тематикой этих произведений, широко используется терминологическая лексика, общеэкономическая и общевойенная, а также иногда и более специальная терминология, употребляемая в науке и технике или в промышленном и сельскохозяйственном производстве» [Горелов, 1979, с. 24].

Исходное предложение	Ошибочный перевод	Вариант правильного перевода
上海合作组织成立以来, 经历了时间检验, 成为欧亚地区和国际事务中重要的建设性力量。	С момента образования ШОС прошла испытание временем, а также <i>стала представлять евразийский регион</i> и превратилась в конструктивную силу в международных делах.	С момента образования ШОС прошла испытание временем, стала <i>важной конструктивной силой как в евразийском регионе</i> , так и в решении международных вопросов.

Различия общественно-политических текстов на русском и китайском языках прослеживается и на уровне лексики. Китайский текст, как правило, более избыточен, детализирован. Порой переводчик часто стремится к передаче абсолютно всех языковых единиц исходного предложения, что, в свою очередь, приводит к буквализму в переводе и затрудняет его восприятие реципиентом.

Исходный перевод	Ошибочный перевод	Вариант правильного перевода
以建设性方式妥善处理问题	Конструктивным и надлежащим способом разрешать вопросы	Конструктивно подходить к решению вопросов
国元首在亲切友好的气氛中就共同关心的国际和地区问题深入交换意见	Главы двух стран в теплой дружеской атмосфере обменялись мнениями по международным и региональным вопросам, затрагивающим <i>основные обеспокоенности</i> друг друга	Главы двух стран в теплой дружеской атмосфере обменялись мнениями по международным и региональным вопросам, представляющим <i>взаимный интерес</i>

Также одной из характерных лексических особенностей текстов общественно-политической тематики является употребление устойчивых выражений, штампов. В этом плане трудности связаны с подбором точных аналогов данных штампов в русском языке. Например, одной из наиболее типичных ошибок является перевод такого штампа, как 广泛交换意见 букв. 'широко обменяться мнениями'. Такой перевод можно назвать буквальным, нарушающим правила лексической сочетаемости в русском языке. Наиболее подходящим аналогом в переводящем языке, на наш взгляд, будет «обменяться мнениями по широкому кругу вопросов».

Приведем другой пример переводческой ошибки, связанной с незнанием устойчивых выражений:

成员国加强政治、经济、安全、人文等领域合作 – Участники укрепляют сотрудничество в политике, экономике, безопасности и в области гуманитарных наук.

В данном случае сложность вызвал перевод клишированного выражения 人文合作 – *гуманитарное сотрудничество*.

Другой характерной особенностью текстов общественно-политической тематики является употребление так называемой политической терминологии. «Политическая терминология, особенно характерная для газетно-информационного стиля, обладает теми же основными чертами, которые свойственны и научно-технической терминологии. Вместе с тем они обнаруживают и некоторые отличия, связанные с меньшей строгостью и упорядоченностью терминологических систем в общественно-политической сфере, а также с зависимостью значений ряда терминов от соответствующих идеологических концепций» [Комиссаров, 1990, с. 118]. В Китае СМИ являются инструментом идеологического воспитания и политической пропаганды, возможно, даже в большей степени, нежели в ряде других стран. При работе с подобными текстами переводчику необходимо учитывать внутреннюю и внешнюю политическую обстановку, а также владеть политической терминологией, используемой в настоящее время в данной стране. Несмотря на то, что терминология общественно-политических текстов, действительно, менее строга нежели научно-технических текстов, ошибки, связанные с неточным подбором эквивалента таких терминов на русском языке, будут сразу бросаться в глаза. Например:

发挥中国特色社会主义制度优势 – «раскрыть преимущества социалистической системы с китайскими особенностями».

Данная фраза была переведена с использованием неточного эквивалента известного политического термина 中国特色社会主义 – «социализм с китайской спецификой». Подобная ошибка, возможно, не приведет к грубому смысловому искажению информации оригинального текста, однако продемонстрирует незнание переводчиком реалий страны, на знание языка которой он претендует.

Важной чертой общественно-политических текстов является частое употребление имен собственных. На сегодняшний день отмечается большое количество ошибок в транскрибировании китайских имен. Такие ошибки «отчасти можно объяснить тем, что разительные перемены в экономике КНР и, как следствие этого, возросшие международные и экономические контакты Китая с другими странами, значительно возросшая степень международной значимости событий, происходящих в экономике, политике, культуре и спорте Китая, начались относительно недавно: еще 20–30 лет назад проблема правильной передачи китайских антропонимов, топонимов и других видов имен собственных не была столь актуальной, как в наши дни поскольку сфера их использования в русском языке была значительно уже» [Рахимбекова, 2013].

Сегодня же если имя Си Цзиньпина научились правильно транскрибировать, то некоторые китайские имена и фамилии вызывают сложность до сих пор, даже несмотря на наличие общепринятой системы транскрибирования китайских имен на русский язык – таблицы Палладия. «Палладица», как часто ее называют, была создана отцом Иакинфом (Н. Я. Бичуриным) еще в 1839 г. и доработана впоследствии отцом Палладием (П. И. Кафаровым). Так, всё еще наблюдаются уже ставшие традиционными ошибки в записи следующих фамилий: известную китайскую фамилию Чжан (张 – Zhang) часто неправильно записывают как «Джан» или «Джанг», неверно транскрибируют переднеязычные и заднеязычные финали (汉 Han – «Хан») вместо «Хань»).

Рассмотрим еще один пример: «Пастух Чжу Кеминг спас шестерых марафонцев во время землетрясения». В данном случае мы видим ошибку в передаче имени пастуха 朱克铭 (Zhu Keming – Чжу

Кэмин). Особое же удивление вызывает тот факт, что некоторые периодические издания до сих пор неправильно записывают имя Мао Цзэдуна (毛泽东): «120 лет Мао *Цзедуну*». Подобные ошибки можно объяснить лишь халатностью и непрофессионализмом переводчика.

Если проблема перевода китайских имен собственных легко решается использованием таблицы Палладия, то перевод иностранных имен, записанных китайскими иероглифами, представляет собой сложную, а иногда и вовсе нерешаемую задачу. При записи иностранного имени китайскими иероглифами, как правило, преследуется цель фонетического подobia звучанию данного имени в исходном языке. Однако стоит понимать, что абсолютной схожести звучания достигнуть невозможно из-за серьезных различий в фонетических системах китайского и, например, европейских языков. Это затрудняет работу переводчику, ведь не всегда понятно, что за персоналия кроется за тем или иным иероглифическим комплексом. Некоторые имена в иероглифической записи могут исказиться до неузнаваемости. Рассмотрим пример:

世界卫生组织总干事谭德塞 – Генеральный директор ВОЗ Тедрос Аданом Гебрейесус.

В данном случае обращаться к таблице Палладия нет никакого смысла, ведь полученный перевод будет в корне неверным – *Тань Дэсай*. Несмотря на очевидность данной ошибки, такой вариант имени Генерального директора ВОЗ иногда встречается в ряде переводных СМИ.

Существует и другая проблема перевода иностранных имен собственных с китайского на русский. Часто в некоторых регионах Китая закрепляются разные варианты иероглифической записи одного и того же имени. Например, фамилию бывшего президента США Д. Трампа в китайских СМИ, как правило, записывают следующим образом «特朗普 – Tè lǎng pǔ». В данном случае определить перевод фамилии довольно-таки легко ввиду фонетического сходства с оригинальным именем. Однако та же самая фамилия в тайваньских и гонконгских СМИ часто записывается как «川普 – Chuān pǔ» или даже «川建国 – Chuān jiànguó». Последний вариант представляет собой шутивную версию данного имени собственного. По мнению многих китайцев, меры администрации Трампа, направленные против Китая,

в действительность же пошли стране на пользу, способствовали развитию Китая (建国 – букв. ‘строить государство’). Не зная этого, переводчик может испытывать серьезные затруднения в ходе работы с общественно-политическими текстами. Единственной правильной стратегией в таких случаях является поиск прецедентного перевода того или иного имени.

Наконец, к серьезным искажениям смысла приводит банальная нехватка фоновых знаний у переводчиков. Залог успешного перевода любого текста кроется в глубоком понимании проблем, затрагиваемых в том или ином тексте. Переводчики не всегда правильно работают со справочными и дополнительными материалами, останавливаются лишь на поверхностном знакомстве с вопросом, не проверяют факты. Это часто ведет к неправильному переводу имен собственных (по иероглифам, которыми записываются китайские фамилия и имя, часто нельзя понять, принадлежат они мужчине или женщине), топонимов, занимаемых должностей, названий документации и т.д. Например, имя официального представителя МИД КНР 华春莹 (Hua Chunying – Хуа Чуньин) довольно часто неверно переводят в мужском роде, опираясь на тот факт, что, как правило, эту должность в Китае априори занимает мужчина.

Несмотря на то, что мы живем в эпоху глобализации, а новости с упоминанием китайских лидеров освещаются всеми мировыми СМИ, тем не менее, мы можем наблюдать большое количество ошибок и в переводе должностей государственных служащих КНР. Еще несколько лет назад должность «国家主席 – Председатель КНР» часто переводили как «Президент КНР», что в корне неверно. Возможно, определенное влияние оказал и английский язык, в котором данная должность звучит как «President of People’s Republic of China». Сегодня подобная ошибка в российских СМИ встречается всё реже. Однако точный перевод должности, занимаемой на настоящий момент Ли Кэцяном, до сих пор вызывает затруднения у некоторых журналистов и переводчиков даже авторитетных СМИ. Рассмотрим пример:

国务院李克强总理和夫人应巴西总统的邀请抵达里约热内卢 – По приглашению Президента Бразилии премьер-министр КНР Ли Кэцян прибыл в Рио-де-Жанейро.

Данный перевод не вполне корректен, так как переводчик основывался на названии аналогичной должности в государственном аппарате

РФ. Официальное же название должности Ли Кэцяна – «Премьер Госсовета КНР». Это следует учитывать и при переводе следующей фразы:

国务院总理李克强12月2日同俄罗斯总理米舒斯京共同主持中俄总理第二十五次定期会晤。– Премьер Госсовета КНР Ли Кэцян и премьер-министр РФ Михаил Мишустин 2 декабря провели 25-ю регулярную встречу на уровне глав правительств Китая и России.

Назвать данный формат двусторонних консультаций «встречей премьер-министров» опять же будет не вполне корректно. Следует подобрать универсальное название данной должности, которое в равной степени соответствует и китайским, и российским реалиям.

Заключение

Таким образом, следует отметить, что общественно-политические тексты представляют большой интерес для перевода с лексической, синтаксической и культурологической точек зрения, однако наряду с этим подобные тексты изобилуют разного рода переводческими сложностями. Лексика подобных текстов разнообразна: помимо строго клишированных фраз, здесь же мы встречаем языковые единицы и из других стилей – термины, фразеологизмы, реалии и т. д. Синтаксис общественно-политических текстов довольно сложен, работа с подобным строем текста часто требует от переводчика применения таких трансформаций, как членение предложения, перестановка, опущение, добавление и т. д. Безусловно, нельзя недооценивать роль фоновых знаний при работе с подобными текстами, а также умение правильно работать со справочной литературой. Тематика общественно-политических текстов обширна и многообразна, поэтому начинающему переводчику необходимо, наряду с постоянным повышением уровня владения иностранным языком, непрерывно наращивать знания о внутренней и внешней политике КНР, ее роли на международной арене.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Карпека Д. А.* Синтаксис китайского языка. Москва : Восточный экспресс, 2019.
2. *Горелов В. И.* Стилистика современного китайского языка. Москва: Просвещение, 1979.

3. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). Москва: Высшая школа, 1990.
4. Рахимбекова Л. Ш. Как писать китайские имена? // Мосты. 2013. Вып. 1(37). С. 38–48.
5. Большой китайско-русский словарь. URL: <http://bkrs.info/index.php>

REFERENCES

1. Карпека, D. A. (2019). Sintaksis kitajskogo yazyka = Syntax of the Chinese language. Moscow: Vostochnyj ekspres. (In Russ.)
2. Gorelov, V. I. (1979). Stilistika sovremennogo kitajskogo yazyka = Stylistics of the modern Chinese language. Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.)
3. Komissarov, V. N. (1990). Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty) = Translation theory (linguistic aspects). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
4. Rakhimbekova, L. Sh. (2013). How do we write Chinese proper names. Mosty, 1(37), 38–48. (In Russ.)
5. Bol'shoj kitajsko-russkij slovar' = Large Chinese-Russian Dictionary. <http://bkrs.info/index.php> (In Russ.).

Информация об авторе

Варина Е. Р. – старший преподаватель кафедры китайского языка переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Varina E. R. – Senior Lecturer of the Faculty of Translation and Interpretation, Chinese Language Department, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 03.06.2021; одобрена после рецензирования 02.07.2021; принята к публикации 05.07.2021

The article was submitted 03.06.2021; approved after reviewing 02.07.2021; accepted for publication 05.07.2021

Научная статья

УДК 811. 521

DOI 10.52070/2542-2197_2021_10_852_87

**ТИП ОРИЕНТАЦИИ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА
ПЕРСОНАЛЬНОГО ДЕЙКСИСА
(на материале японских диалогических текстов)**

В. А. Медюлянова

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Республика Беларусь, viktoriya.vi@mail.ru

Аннотация. В статье на материале японских диалогов с позиций функционального подхода рассматривается такая характеристика персонального дейксиса, как тип ориентации при построении высказывания. Данная характеристика определяется точкой зрения говорящего на представляемое в речи событие, т.е. коммуникативной перспективой высказывания, которая обуславливает персональный дейксис с эгоцентричным либо с неэгоцентричным типом ориентации. Эгоцентричный тип ориентации персонального дейксиса способствует декодированию лица при имплицитном на него указании.

Ключевые слова: персональный дейксис, коммуникативная перспектива, пассивные конструкции, эгоцентризм, имплицитное указание

Для цитирования: Медюлянова В. А. Тип ориентации как характеристика персонального дейксиса (на материале японских диалогических текстов) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 10(852). С. 87–101. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_10_852_87

Original article

**TYPE OF ORIENTATION AS A FEATURE OF PERSON DEIXIS
(on the material of Japanese dialogical texts)**

V. A. Medjulianova

Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus, viktoriya.vi@mail.ru

Abstract. Based on the material of Japanese dialogues and functional approach, the article deals with such a feature of person deixis as the type of orientation when constructing a statement. This feature is set by the speaker's point of view on the event represented in speech, i.e. communicative perspective of the statement, which

determines two types of person deixis: with egocentric or nonegocentric orientation. The egocentric type of orientation contributes to person decoding when implicitly pointing at the person.

Key words: person deixis, communicative perspective, passive constructions, egocentricity, implicit pointing

For citation: Medjulianova, V.A. (2021). Type of orientation as a feature of person deixis (on the material of Japanese dialogical texts). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(852), 87–101. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_10_852_87

Введение

Целью настоящего исследования является установление такой характеристики персонального дейксиса (ПД), как тип ориентации при построении высказывания в японской речи. Названная характеристика определяется тенденцией к выбору той или иной коммуникативной перспективы высказывания и, как предполагается, может способствовать декодированию лица, если оно не эксплицировано. В связи с этим в настоящей работе мы ставим следующие задачи: 1) на материале японского языка выявить тенденцию в выборе коммуникативной перспективы высказывания и средства ее реализации; 2) определить роль типа ориентации ПД для декодирования лица при имплицитном ПД.

Коммуникативная перспектива может быть определена как точка зрения говорящего на роли участников в событии, которое описано высказыванием. В соответствии с ней задается порядок следования элементов пропозиции, таких как Агенс, Пациенс, Предикат и т.п. [Селиверстова, Прозорова, 1992]. Важным при рассмотрении коммуникативной перспективы, с нашей точки зрения, является понятие активности / пассивности действия. В теории функциональной грамматики активность представляет действие как исходящее от субъекта, который выступает в позиции подлежащего (например, *Мы рассматриваем это понятие*). Под пассивностью понимается «такое представление действия, при котором субъект устраняется с указанной позиции и ее занимает объект» [Бондарко 1991, с. 129–130] (например, *Это понятие рассматривается нами*). В рамках теории функциональной грамматики пассивность трактуется более широко. К пассивным конструкциям относится не только пассивный залог, маркированный формой глагола, но и неканонические (лексические в своей основе) пассивные конструкции, являющиеся по своей форме активными [там же].

Объектом исследования в данной работе являются устные высказывания, отражающие субъектно-объектное взаимодействие ролей с категориальной семантикой лица (*Агенс – Экспериенцер, Бенефактор – Бенефициант* и др.), которым в текущем акте коммуникации соответствуют говорящий и слушающий. Семантические роли активно действующего субъекта-лица, к которым относятся роли Агенса, Бенефактора и др., объединены в макророль «Актор». Термин «макророль» заимствован из референциально-ролевой грамматики Р. Ван Валина. К макророли «не-Актор» (по Р. Ван Валину *Undergoer* [Van Valin, 2001, с. 31]) относятся роли пассивных действий (восприятий), такие как *Экспериенцер, Пациенс, Бенефициант* и др.

Источником материала исследования послужили 350 диалогов, представляющих собой скрипт аниме «Брошенный кролик» (яп. ウサギドロップ). Из реплик диалогов методом сплошной выборки было отобрано 218 глагольных конструкций, содержащих указание на распределение субъектно-объектных ролей между собеседниками.

Понятие эгоцентризма в исследованиях дейксиса

К. Бюлер, одним из первых исследовавший дейксис с точки зрения «бодрствующего» индивида и его «наличной перцептивной ситуации», выделил систему субъективной ориентации «**Я – Здесь – Сейчас**» [Бюлер, 1993]. Данной субъективной системе координат соответствует эгоцентрическое указание, ориентированное относительно говорящего и реализуемое с помощью дейктических слов (эгоцентриков). Поэтому при подходе к исследованию дейксиса в традициях К. Бюлера (нормативная теория дейксиса) под эгоцентричностью нередко подразумевают субъективность языковых средств в речи говорящего [Бенвенист, 1974; Падучева, 2011].

Следует подчеркнуть, что К. Бюлера прежде всего интересовал психологический аспект восприятия индивидом себя в системе координат «**Я – Здесь – Сейчас**» на основе субъективной ориентации в физическом пространстве и отражение этого восприятия в речи. При этом говорящий субъект, определяющий себя как «**Я**», выступает в качестве носителя роли эго. «Остальные дейктические выражения в речи говорящего получают свое определение по отношению к этому ориентиру» [Бурлакова, 1988, с. 85]. При такой трактовке очевидно, что эгоцентричность лексических дейктиков и, в частности, таких средств ПД,

как личные местоимения, в силу ориентационных свойств индивида безусловна и вряд ли оспорима.

Однако анализ речевых высказываний показывает, что указание на лицо в них может осуществляться имплицитно, без привлечения лексических средств, либо языковыми единицами, большими, чем слово. Таким образом, возникает необходимость рассмотрения ПД на уровне синтаксической семантики.

Согласно теории функционального синтаксиса, изложенной в работе А. Мустайоки, говорящий, конструируя предложение, должен определить свою точку зрения на ситуацию, им выражаемую. Это предполагает выбор следующих позиций:

- а) с точки зрения какого из актантов описано положение дел (выбор ориентации);
- б) какими членами предложения выражаются разные актанты (выбор диатезы);
- в) как высказывание делится на тему и рему (выбор актуального членения предложения) [Мустайоки, 2006, с. 41].

Указанные позиции составляют, по сути, понятие коммуникативной перспективы высказывания.

Например, мысль, выраженная предложением (1) *Я получила от Вас новогодний подарок*, может быть также представлена следующими вариантами предложений: (2) *Вы подарили мне новогодний подарок*, (3) *Мне был подарен Вами новогодний подарок* и др. Иначе говоря, автором речи в зависимости от коммуникативного замысла избирается определенная коммуникативная перспектива высказывания, отображающая взаимодействие ситуативного набора семантических ролей. В настоящей работе указанием на лицо с эгоцентричным типом ориентации мы будем считать такое указание в высказываниях, в которых действие направлено от говорящего, как в примере (1), либо говорящий выводится на первый план посредством помещения в тему высказывания (пример 3). Указание на лицо с направленностью действия не от говорящего (пример 2) мы будем считать ПД с неэгоцентричным типом ориентации.

Такое понимание эгоцентризма отличается от принятого в нормативной теории дейксиса произвольностью выбора ориентации и ее характером. Ориентация осуществляется не в физическом пространстве, а в семантике синтаксиса при конструировании высказывания. Она не обусловлена внутренним осознанием говорящего себя как эгоцентра,

а избирается произвольно с учетом различных факторов (культурных, прагматических и др.).

Выбор коммуникативной перспективы и ориентация ПД в японском диалоге

Наше исследование показывает, что при выражении субъектно-объектных отношений, в которых в роли субъекта и объекта выступают говорящий и адресат, преимущественным является эгоцентричный тип ориентации. Это значит, что японские фразы из диалогического дискурса, подразумевающие вовлечение говорящего и адресата в денотативную ситуацию, ими описываемую, характеризуются выражением направленности действия «от себя», т. е. от говорящего. Приведем несколько примеров:

- (4) *Watashi wa sonna koto hajimete kuchi ni suru.* – Я такое говорю впервые.
- (5) *Watashi wa sonna koto hajimete iwareta.* – Мне такое говорят впервые (*досл.* ‘Я такое дело впервые сказан’¹).
- (6) *O-sewa ni narimashita.* – Вы много сделали для меня (*досл.* ‘[Вашей] заботой стал’).
- (7) *Risuto wo misete-moraeba.* – Если Вы позволите взглянуть мне на список... (*досл.* ‘Список показав получить если...’).

В приведенных примерах говорящий отводит себе роль главного действующего лица в высказывании. Причем не важно, кем говорящий является на семантическом уровне – *Актером* или *не-Актером*.

В языках номинативного строя, к которым относятся как русский, так и японский языки [Алпатов, URL], главная роль или, в терминах теории актуального членения, наивысший коммуникативный ранг отводится синтаксическому субъекту [Плунгян, 2011]. Подлежащее, которому на глубинном уровне, как правило, соответствует макро-роль «Актер», занимает первую позицию в предложении. Предложение при этом принимает форму исходной диатезы. В японском языке

¹ Буквальный перевод японских примеров следует считать таковым только условно, поскольку некоторые грамматические показатели японского языка не находят соответствий в русском языке. Такой перевод приводится исключительно в исследовательских целях.

синтаксическому субъекту может предшествовать тема высказывания – топик, который подлечит особому грамматическому выделению и может не совпадать с синтаксическим субъектом. Топик в силу первичности занимает в синтаксической структуре японского предложения еще более приоритетную позицию, чем субъект в случае их несопадения.

Как показывает материал исследования, синтаксическая роль топика или субъекта в тех случаях, когда говорящему соответствует макророль «не-Актор», обеспечивается в японском языке следующими синтаксическими средствами, каждое из которых можно отнести в широком смысле к инструменту пассивных залоговых преобразований.

1. Прямой пассив. Он представляет лицо как объект прямого воздействия другого лица, стихии и т. п. и образуется по аналогии с русским языком от переходных глаголов, что типично для пассивных конструкций во многих языках мира [Алпатов, 2008] (пример 8).

(8) *Watashi wa kikarete mo inai.* – Меня даже не спрашивают (*досл.* ‘Я даже не спрашиваем’).

2. Непрямой пассив, представляющий лицо как объект косвенного воздействия¹. В отличие от прямого пассива, он обозначает две ситуации: собственно событие и негативное воздействие этого события на субъект [там же]. Так, в примере (9) пассивная форма глагола *паку* «плакать» сообщает о том, что плач доставил говорящему беспокойство.

(9) *Voku wa tonari no aka-chan ni nakareta.* – У меня по соседству плакал ребенок, [и этот плач меня беспокоил].

Специфика непрямого пассива заключается в том, что он может быть образован и от непереходных глаголов. Поэтому смысл предложений такого типа может быть передан в русском языке с помощью глубокой трансформации, вследствие чего говорящий не всегда получает первую роль в высказывании (например: *Плач ребенка по соседству меня раздражал*).

К частному случаю непрямого пассива мы относим конструкции с декаузативным глаголом, эксплицирующим негативное воздействие

¹ В настоящей работе не рассматриваются пассивные формы в функции выражения почтительного отношения к лицу, о котором идет речь в высказывании.

Актора. При этом *Актор* не входит в семантическую структуру глагола и соотносится с объектом своего воздействия через синтаксическую или контекстуальную связь (пример 10).

- (10) *Kinari kiete bikkuri shita.* – [Ты] внезапно исчез, и [я] испугался или [Меня] напугало [твое] внезапное исчезновение.

3. Бенефактив с грамматикализованными глаголами *morau / itadaku* «получать»¹. Данная конструкция обозначает действие в интересах и по просьбе говорящего, поэтому нередко используется как смысловой аналог императива (ср. *Откройте, пожалуйста, окно и Я попрошу Вас открыть окно*). Просьба, оформленная таким образом, фактически означает запрос на получение действия говорящим от адресата (пример 11).

- (11) *Sore dake wa yakusoku shite itadakemasu ka?* – Только это пообещайте (досл. ‘Это только пообещав получить можно?’).

В. И. Головнин называет такой бенефактив глагольной формой с оттенком страдательного залога, поскольку «действие совершается в интересах лица, выраженного подлежащим, по его просьбе, но не это лицо является субъектом действия. Деятель (если он выражается) оформляется так же, как при страдательном залоге» [Головнин, 1986, с. 156].

4. Конструкции с глаголами, семантика которых не предполагает ролей Актора для первого актанта. Одним из таких «пассивных» глаголов является глагол *naru* «становиться». Самой яркой иллюстрацией его применения, влекущего смену коммуникативного ранга говорящего, является речевое клише *O-sewa ni narimashita* (пример 12). К подобным глаголам относятся и члены конверсивных глагольных пар, которые в качестве подлежащего семантизируют макророль «не-Актор», например, глагол *получать* (яп. *morau, itadaku*) из пары «давать – получать», глагол *слушать* (яп. *kiku*) из пары «говорить – слушать», а также декаузативные глаголы, например *находиться* (яп. *mitsukaru*) из пары «находить – находиться, быть найденным» (пример 13) и др.

- (12) *Rin ga o-sewa ni narimashita.* – Спасибо, что [Вы] позаботились о Рин (досл. ‘Рин [Вашей] заботой стала’).
- (13) *Kamisama ni mitsukatta ra batsu ga ataru ne?* – Если Бог узнает, накажет, да? (досл. ‘Богом обнаружится если, наказание достанется?’).

¹ Здесь под бенефактивом понимается бенефактивная конструкция.

Пассивный залог, широкое и частотное использование которого в японском языке отмечается также и японскими исследователями, приводит к изменению коммуникативного ранга участников ситуации, необходимому для реализации эгоцентричного типа ориентации [Okutsu, 1983]. Происходящее залоговое преобразование можно определить как мену диатезы, при которой синтаксическому субъекту будет соответствовать «пассивная» семантическая роль – макророль «не-Актор», выполняемая говорящим.

Таким образом, в японском диалоге установлена следующая тенденция. При построении высказываний, отображающих ситуацию с вовлечением говорящего и адресата, автор речи склонен к выбору коммуникативной перспективы с меной диатезы или без, подразумевающей оформление роли говорящего темой или синтаксическим субъектом в предложении. Если говорящему (1-му лицу) соответствует активная макророль «Актор», предложение строится по схеме исходной диатезы. Если 1-му лицу принадлежит пассивная макророль «не-Актор», говорящий для сохранения первой позиции в предложении прибегает к пассивным преобразованиям. Отсюда правомерно сделать вывод, что персональный дейксис в японской речи характеризуется эгоцентричным типом ориентации.

Эгоцентричный тип ориентации как фактор, способствующий декодированию лица при имплицитном указании

В ходе анализа языкового материала было установлено, что ПД в свыше, чем половине случаев осуществляется имплицитно, т. е. без использования каких бы то ни было формальных показателей, прямо либо косвенно указывающих на закодированное говорящим лицо. Лицо при этом, если его наличие в событии подразумевается семантикой предикатных конструкций, декодируется путем логических выводов на основе сказанного, т. е. инференциально, в связке с невербальными средствами коммуникации (последние не входят в объект исследования). Инференция как «правдоподобное заключение» носит неоднозначный, неопределенный, необязательный характер [Падучева, 2004, с. 509, 171]. Некоторые инференции имеют когнитивную основу, т. е. «возникают в силу самых общих законов мышления» и связаны с наличием знаний о мире [там же, с. 447]. Таким образом,

инференции основываются на разных видах общего у собеседников знания, которое есть не что иное, как presupпозиция. Элемент общего знания, убеждений, разделяемых собеседниками, определяется как прагматическая presupпозиция [Падучева, 1977].

Ранее было установлено, что ПД в японском диалоге характеризуется эгоцентричным типом ориентации, который реализуется в определенных случаях пассивными преобразованиями. Следовательно, использование пассивных конструкций при синтаксически невыраженном субъекте может актуализировать эгоцентрическую или *Я-ориентирующую* presupпозицию, которая указывает на 1-е лицо глагола. Это предположение подтверждается следующими данными. Из 57 предложений, образованных с помощью пассивных синтаксических конструкций, в 41 (72 %) субъектом при глаголе является имплицитное 1-е лицо. В остальных случаях пассивные глагольные конструкции имеют имплицитных референтов как 2-го лица (*Ты-ориентирующая presupпозиция*), так и одновременно 1-го и 2-го лица.

Для окончательных выводов был проведен анализ всех случаев употребления пассивного залога в материале исследования (57 предложений). Анализ показал, что на актуализацию персонально ориентирующих presupпозиций оказывает влияние модальность предложения, а именно – иллюкутивная модальность и модальность обусловленности (см. таблицу 1).

Таблица 1

**Состав предложений с пассивными конструкциями
по видам модальности**

Обусловленность Иллокутивная модальность	Всего пред- ложений	Необусловленная модальность				Обусловленная модальность	
		Я	%	Ты	%	Я, Ты и др.	%
Всего, в т. ч.:	57 (100 %)	41	72	12	21	4	7
утвердительная	46 (100 %)	40	87	2	4	4	9
неутвердительная, т. ч.:	11 (100 %)	1	9	10	91	0	0
вопросительная	8 (100 %)	1	12	7	88	0	0
побудительная	3 (100 %)	0	0	3	100	0	0

Иллокутивная модальность предложения может быть утвердительной и неутвердительной. Она выражает коммуникативную

цель говорящего: утверждение, побуждение или вопрос [Падучева 2016]. В 87% утвердительных предложений субъектом при глаголе в пассивных конструкциях является 1-е лицо. Практически такой же показатель (91%) составляет доля глаголов, соотносящихся со 2-м лицом в неутвердительных предложениях. При этом глагол соотносится со 2-м лицом в 88% вопросительных предложений. Очевидно, последнее связано с коммуникативной установкой говорящего на информацию, которая неизвестна ему, но известна собеседнику (примеры 14–16).

- (14) Kawaii no katte moratta? – [Тебе] купили что-то красивое?
- (15) Mendou ni makikomare-takunakattan janai no? – Разве [ты] хотел быть втянутым в эти хлопоты?
- (16) Ore ni mo oite-ikareru tte omotta ka? – Думал, и мною [ты] [будешь] брошен?

В побудительных предложениях в нашей выборке глагол всегда соотносится со 2-м лицом. Семантика повеления 2-му лицу императивных конструкций подчиняет и референцию «пассивного» глагола, тем самым образуя *Ты-ориентирующую пресуппозицию* (примеры 17–18).

- (17) Sonna no dame desu. Mottekinasai tte iwareta ra mottekinasai. – Так нельзя. Сказано [тебе] принести, значит, неси.
- (18) Watashi ni iwarete mo toriaezu shiyakusho ni soudan shite. – Я скажу [тебе], но сначала проконсультируйся в мэрии.

В группе утвердительных предложений 9% составляют предложения, глаголы в которых могут соотноситься как с 1-м, так и со 2-м лицом. Данные предложения содержат компонент обусловленной модальности, описывающей «возможность... реализация которой зависит от определенного фактора» [Плунгян, 2011, с. 321–322]. Они могут строиться как с помощью специальных конструкций условного наклонения (пример 19), так и без них (пример 20). Обусловленная модальность придает высказыванию обобщенно-личное значение при имплицитном указании на лицо.

- (19) Boushi kaburanai to okorareru yo. – Если не надеть (не наденешь) шапку, будут ругать.

- (20) Muri da yo ne. Shigoto kubi ni nat-chau. – По-другому нельзя. Иначе уволят.

Таким образом, утвердительная модальность предложений без компонента обусловленности актуализирует пресуппозицию указания на 1-е лицо. Неутвердительная модальность актуализирует пресуппозицию указания на 2-е лицо. Остальные 2% случаев имплицитного указания в утвердительных предложениях и 1% – в неутвердительных предложениях не соответствуют данной импликацией. Это обусловлено тем, что языковой и ситуативный контексты (примеры 21 и 22 соответственно) могут указывать на любое другое лицо, нейтрализуя действие персонально ориентирующих пресуппозиций.

- (21) Warui, Rin. Omae no kimochi made ki ga mawaranakatta. Oitekebori ni sareta tte iu sabishii jijitsu. – Прости, Рин. О твоих чувствах не подумал. Печальный факт, что [ты] оказалась брошенной.

В примере (21) на протяжении монолога речь идет о референте *Рин*, которому соответствует 2-е лицо, что обозначено (хоть и в possessивной форме) личным местоимением *omae* «ты». Субъект предиката *oitekebori ni sareta* «был брошенным» будет кореферентен *Рин* до появления нового тематического субъекта. В данном случае указание на лицо имплицитировано широким, т. е. выходящем за рамки предложения, языковым контекстом, а также ситуативным контекстом, в котором находятся собеседники.

Пример (22) отражает ситуацию действительности, в которой девочка думает, что совершила проступок.

- (22) Вопрос девочки: *Okorareru?* – [Меня] будут ругать?

Ответ взрослого, смотрящего на последствия «проступка»:

Okorareru youna koto janai shi warawareru koto de mo nai. – Нет ничего такого, за что [тебя] можно ругать или смеяться [с тебя].

Несмотря на вопросительную модальность, референтом субъекта в вопросе будет 1-е лицо, а в ответе, соответственно, 2-е лицо. Декодирование лица в последнем примере основывается исключительно на знании текущей ситуации, в которой находятся собеседники.

Таким образом, использование различных пассивных синтаксических конструкций при имплицитном указании на лицо в японском

диалоге приводит к актуализации персонально ориентирующих пресуппозиций, на действие которых оказывает влияние модальность предложения. Утвердительная модальность предложений без компонента обусловленности актуализирует пресуппозицию указания на 1-е лицо; неутвердительная – пресуппозицию указания на 2-е лицо. Однако, широкий языковой и ситуативный контексты имеют приоритетное значение при декодировании лица, нейтрализуя действие указанных персонально ориентирующих пресуппозиций.

Заключение

На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что при построении высказываний в японской речи, отображающих ситуацию с вовлечением говорящего и адресата, говорящий склонен к выбору коммуникативной перспективы, подразумевающей оформление роли говорящего темой или синтаксическим субъектом в предложении с меной диатезы или без. Если говорящему (1-му лицу) соответствует активная макророль «Актор», предложение строится по схеме исходной диатезы. Если 1-му лицу принадлежит пассивная макророль «не-Актор», говорящий для сохранения первой позиции в предложении прибегает к пассивным преобразованиям. Отсюда правомерно сделать вывод, что персональный дейксис в японском языке характеризуется эгоцентричным типом ориентации.

Эгоцентричный тип ориентации ПД, реализуемый в описанном выше случае пассивными конструкциями, в диалогической речи при имплицитном ПД, приводит к актуализации персонально ориентирующих пресуппозиций. На действие последних оказывает влияние модальность высказывания. Утвердительная модальность высказываний без компонента обусловленности актуализирует пресуппозицию указания на 1-е лицо; неутвердительная – пресуппозицию указания на 2-е лицо. Широкий языковой и ситуативный контексты имеют приоритетное значение при декодировании лица, нейтрализуя действие указанных персонально ориентирующих пресуппозиций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Селиверстова О. Н., Прозорова Л. А. Коммуникативная перспектива высказывания // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность /

- неопределенность / отв. ред. А.В.Бондарко. Санкт-Петербург : Наука, 1992. Гл. 2. С. 189–231.
2. *Бондарко А. В.* Активность / пассивность // Теория функциональной грамматики: персональность. Залоговость / отв. ред. А.В.Бондарко. Санкт-Петербург: Наука, 1991. Гл. 2. С. 128–141.
 3. *Van Valin R. D. Jr.* An introduction to syntax. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001.
 4. *Бюлер К.* Теория языка: репрезентативная функция языка: пер. с нем., общ. ред. и комм. Т.В.Бульгиной. Москва: Прогресс, 1993.
 5. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика / пер. с фр. ; под ред., вступ. ст. и комм. Ю.С.Степанова. Москва: Прогресс, 1974.
 6. *Падучева Е. В.* Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 3–18.
 7. *Бурлакова В. В.* Дейктические категории в тексте // Проблемы современного теоретического и синхронно-описательного языкознания. Вып. 3. Ленинград, 1988. С. 85–88.
 8. *Мустайоки А.* Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. Москва: Языки славянской культуры, 2006.
 9. *Алпатов В. М.* Японский язык // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/4919813> (accessed: 14.10.2020).
 10. *Плунгян А. В.* Введение в грамматическую семантику : грамматические значения и грамматические системы языков мира. Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2011.
 11. *Алпатов В. М.* Теоретическая грамматика японского языка: в 2 кн. Москва: Нагалис, 2008. Кн. 2.
 12. *Головнин И. В.* Грамматика современного японского языка. Москва : Изд-во МГУ, 1986.
 13. *Okutsu K.* (1983). なぜ受け身か: 視点からのケーススタディー // 国語学. # 132, P. 65–80. [奥津敬一郎. (1983).なぜ受け身か: からのケーススタディー (Why passive?: A case study in light of point of view). 国語学, 第132集. (ページ 65–80). (In Jap.)
 14. *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. Москва : Языки славянской культуры, 2004.
 15. *Падучева Е. В.* Понятие презумпции в лингвистической семантике // Семиотика и информатика. 1977. Вып. 8. С. 91–124.
 16. *Падучева Е. В.* Модальность // Русская корпусная грамматика. 2016. URL: <http://rusgram.ru/Modal'nost'#23> (accessed 20.11.2020).

REFERENCES

1. Seliverstova, O. N., Prozorova, L. A. (1992). Kommunikativnaja perspektiva vyskazyvanija = Communicative perspective of utterance. In A. V. Bondarko (ed.), *Teorija funkcional'noj grammatiki: Sub#ektnost'. Ob#ektnost'. Kommunikativnaja perspektiva vyskazyvanija. Opredeljonnost' / Neopredeljonnost'* (pp. 189–231). Ch. 2. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)
2. Bondarko, A. V. (1991). Aktivnost' / passivnost' = Activity / Passivity. A. V. Bondarko (ed.), *Teorija funkcional'noj grammatiki: Personal'nost'. Zalogovost'* (pp. 128–141). Ch. 2. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)
3. Van Valin, R. D., Jr. (2001). *An introduction to Syntax*. Cambridge : Cambridge Univ. Press.
4. Bjuler, K. (1993). *Teorija jazyka: reprezentativnaja funkcija jazyka = Theory of Language: the representational function of language*. Moscow: Progress. (In Russ.)
5. Benvenist, Je. (1974). *Obshhaja lingvistika = General Linguistics*. Moscow: Progress, 1974. (In Russ.)
6. Paducheva, E. V. (2011). Jegocentricheskie valentnosti i dekonstrukcija govornjashhego = Egocentric valencies and speaker deconstruction. *Voprosy jazykoznanija = Topics in the study of language*, 3, 3–18. (In Russ.)
7. Burlakova, V. V. (1988). Dejkticheskie kategorii v tekste = Deictic categories in text. *Problemy sovremennogo teoreticheskogo i sinhronno-opisatel'nogo jazykoznanija. Problems of modern theoretical and synchronous-descriptive linguistics*, 3, 85–88. (In Russ.)
8. Mustajoki, A. (2006). *Teorija funkcional'nogo sintaksisa: ot semanticheskikh struktur k jazykovym sredstvam = Functional syntax theory: from semantic structures to linguistic means*. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury. (In Russ.)
9. Alpatov, V. M. *Japonskij jazyk = The Japanese language*. <https://bigenc.ru/linguistics/text/4919813> (In Russ.)
10. Plungjan, A. V. (2011). *Vvedenie v grammaticheskiju semantiku: grammaticheskie znachenija i grammaticheskie sistemy jazykov mira = Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of languages of the world*. Moscow: Ros. gos. gumanitar. un-t. (In Russ.)
11. Alpatov, V. M. (2008). *Teoreticheskaja grammatika japonskogo jazyka: v 2 kn. Kn. 2. = Theoretical grammar of the Japanese language. Vol. 2*. Moscow: Natalis. (In Russ.)
12. Golovnin, I. V. (1986). *Grammatika sovremennogo japonskogo jazyka = Modern Japanese grammar*. Moscow: Izd-vo MGU. (In Russ.)
13. Okutsu, K. (1983). なぜ受け身か: 視点からのケーススタディー// 国語学. № 132, P. 65–80. [奥津敬一郎. (1983).なぜ受け身か: からのケーススタディー = Why passive?: A case study in light of point of view. 国語学, 第 132集. (ページ 65–80). (In Jap.)

14. Paducheva, E. V. (2004). Dinamicheskie modeli v semantike leksiki = Dynamic models in lexical semantics. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury. (In Russ.)
15. Paducheva, E. V. (1977). Ponjatie prezumpcii v lingvisticheskoj semantike = The notion of presumption in linguistic semantics. Semiotics and Informatics, 8, 91–124. (In Russ).
16. Paducheva, E. V. (2016). Modal'nost' = Modality. Русская корпусная грамматика = Russian corpus grammar. <http://rusgram.ru/Modal'nost'#23> (In Russ.)

Информация об авторе

Медюлянова В. А. – аспирант кафедры общего языкознания
Минского государственного лингвистического университета

Information about the author

Medjulianova V.A. – Postgraduate Student of the General Linguistics Department,
Minsk State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 03.06.2021; одобрена после рецензирования
02.07.2021; принята к публикации 05.07.2021

The article was submitted 03.06.2021; approved after reviewing 02.07.2021;
accepted for publication 05.07.2021

Научная статья

УДК 811+811.531

DOI 10.52070/2542-2197_2021_10_852_102

**ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА КОЛЛОКАЦИЙ
С КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ**

Т. С. Мозоль

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,
yoondanhee@gmail.com

Аннотация. Коллокации используются в большом количестве в любом языке, без них невозможна нормальная речь. Проблема описания и классификации коллокаций корейского языка в целом и проблема перевода коллокаций с корейского языка на русский, в частности являются недостаточно исследованными. В данной статье рассматриваются подходы к определению и классификации термина «коллокация», а также предложена классификация коллокаций корейского языка с точки зрения перевода их на русский язык.

Ключевые слова: коллокации, обучение переводу, корейский язык, интерференция в переводе

Для цитирования: Мозоль Т. С. Проблема перевода коллокаций с корейского языка на русский // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 10(852). С. 102–111. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_10_852_102

Original article

THE TRANSLATION OF KOREAN COLLOCATIONS INTO RUSSIAN

T. S. Mozol

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, yoondanhee@gmail.com

Abstract. Collocations are widely used in any language; without collocations normal speech is impossible. The problem of describing and classifying collocations in the Korean language in general and the problem of translating collocations from Korean into Russian remain insufficiently studied. This paper aimed to study approaches to the definition and classification of collocations and propose a classification of collocations in the Korean language from the point of view of translation studies.

Key words: collocations, translation teaching, Korean language, interference in translation

For citation: Mozol, T. S. (2021). The translation of Korean collocations into Russian. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 10(852), 102–111. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_10_852_102

Введение

В последние годы в лингвистике большое внимание уделяется проблеме изучения коллокаций, что обусловлено актуальными задачами в области преподавания иностранных языков, а также необходимостью разработки и составления словарей коллокаций для изучающих иностранные языки. Проблема изучения коллокаций заслуживает не меньшего внимания и в области обучения переводу. Коллокации используются в любом языке, без них невозможна нормальная речь, а «неверное их создание или использование ведет к нарушению коммуникации и к неправильному восприятию ее членов, последствия чего могут отрицательно сказаться на процессе и результате коммуникации в целом» [Некрасова, 2017, с. 121]. При этом в том, что «мы говорим, слушаем или читаем», общее количество коллокаций, как правило, составляет почти 70% [Hill, 2000].

Коллокации отражают культуру языка, его особенности и традиции употребления слов в речи. Коллокации представляют собой привычное сочетание слов для носителей языка, однако в процессе перевода даже опытные переводчики, прекрасно владеющие иностранным языком, допускают ошибки, им приходится задумываться, возможно ли в языке перевода сочетание тех или иных слов.

Носители языка используют коллокации в своей речи интуитивно, для этого им не требуется обращаться к словарю за исключением отдельных сложных случаев. Коллокации представляют собой привычное сочетание слов для носителей языка, однако в процессе перевода под влиянием интерференции коллокации становятся серьезной переводческой проблемой.

Данный факт подтверждается исследованиями ошибок, которые допускают студенты в процессе обучения переводу [Аракин, 2005]. Все ошибки обучающихся могут быть условно разделены на две группы: ошибки, обусловленные недостаточными знаниями учебного материала (т. е. индивидуальные) и ошибки устойчивого характера, которые являются типичными для всех или для большинства носителей данного языка. Несомненно, что изучение явления интерференции при переводе коллокаций в определенной языковой

паре, изучение способов перевода коллокаций поможет избежать в дальнейшем студентам-переводчикам большого количества ошибок, совершаемых под влиянием родного языка.

В данной статье будут рассмотрены различные подходы к определению и классификации коллокаций, а также несоответствия при переводе коллокаций с корейского языка на русский.

Подходы к определению и классификации коллокаций

Коллокации можно отнести к числу «сложных явлений, которые имеют относительно недолгую историю изучения, представляя собой особое явление, по сравнению с другими единицами языка, находящееся между свободными и устойчивыми словосочетаниями» [Онал, 2018, с. 169].

Термин «коллокация» не имеет достаточной однозначности, ученые предлагают разные подходы к определению данного термина. В теоретической грамматике термином «коллокация» обычно называют словосочетание, состоящее из двух или более слов, имеющих признаки синтаксически и семантически целостной единицы, в котором выбор одного из компонентов осуществляется по смыслу, а выбор второго зависит от выбора первого [Некрасова, 2017]. В широком смысле термин «коллокация» можно трактовать как словосочетание из двух или более слов, которые имеют тенденцию совместного употребления [Sinclair, 1991].

Условно можно разделить существующие подходы к определению термина «коллокация» на статистические и фразеологические. Так, П. Дюран предлагает следующий статистический подход к определению термина «коллокация», основанный на результатах исследований корпусной лингвистики: «Коллокации – это сочетания одного или нескольких слов, которые употребляются совместно чаще, чем по отдельности» [Durrant 2009, с. 158].

Другой подход основывается на принципах хранения в памяти и воспроизводства коллокаций носителями языка. Так, Э. Рэй предлагает понимать под термином «коллокация» непрерывную или дискретную последовательность слов или других смысловых компонентов, которые связаны между собой, т.е. хранятся и извлекаются из памяти целыми блоками [Wray, 2000].

Полное и системное исследование коллокаций на примере русского языка проведено российским лингвистом Е. Г. Борисовой, при этом автор рассматривает коллокации как «несвободные», или устойчивые, словосочетания и сопоставляет их с «другими фразеологизмами», таким образом включая данные единицы в фразеологический фонд языка. В качестве важного свойства коллокаций Е. Г. Борисова выделяет «невозможность предсказания сочетаний на основе значений входящих в них компонентов» [Борисова, 1995, с. 11–13]. Как отмечает Э. Бялек, с точки зрения перевода коллокацию можно рассматривать как цельный комплекс, компоненты которого не переводятся отдельно, т.е. смысл коллокации «опирается на значения ее компонентов, но не равняется их сумме» [Бялек, 2004, с. 224].

В данной работе под термином «коллокация» мы будем понимать устойчивое или фразеологическое словосочетание, последовательность слов, в основе которой лежит привычная для данного языка семантико-грамматическая взаимообусловленность элементов, а выбор одного компонента зависит от другого.

Помимо разных подходов к определению самого термина «коллокация», существуют и различные подходы к классификации коллокаций.

Так, М. В. Влавацкая выделяет пять основных типов коллокаций: традиционные (общеупотребительные), экспрессивные, окказиональные, этнокультурные и терминологические [Влавацкая, 2015].

Лингвист Э. Бялек, в свою очередь, предлагает выделять три основные группы коллокаций: глагольно-именные, атрибутивные и адвербиальные [Бялек, 2004].

К. В. Регинина, Т. П. Тюрина и Л. И. Широкова в соответствии с характером связи между компонентами устойчивых словосочетаний предлагают разделить их на субъектно-предикативные, представляющие собой сочетание подлежащего и сказуемого, и на предикативные сочетания, выполняющие функцию сказуемого, а также атрибутивные и адвербиальные [Регинина, Тюрина, Широкова, 1976].

Следует отметить, что не существует единого или единственно правильного подхода к определению термина «коллокация», различные подходы выделяют разные признаки, что отражает многомерность данного понятия. Рассмотрим возможный подход к классификации корейских коллокаций с точки зрения проблемы их перевода на русский язык.

Классификация и перевод коллокаций корейского языка

С учетом существующих классификаций коллокаций (в частности, классификации, предложенной Э. Бялек) мы разработали возможную классификацию коллокаций корейского языка по синтаксическому принципу.

1. Именные коллокации (существительное + существительное)

무기 수출입	– торговля оружием
연락 사무소	– пункт связи
돈 세탁	– отмывание денег
확산 위험	– угроза распространения

2. Глагольно-именные (существительное + глагол)

법을 적용하다	– применять закон
자산을 동결하다	– замораживать капитал
제재를 완화하다	– смягчать санкции
협정을 맺다	– заключить соглашение

3. Атрибутивные коллокации (прилагательное + существительное)

전략적 인내	– стратегическое терпение
법적 근거	– правовая основа
인도주의적 지원	– гуманитарная помощь

4. Адвербиальные коллокации (наречие + глагол)

부분적으로 완화하다	– частично ослаблять
급진적으로 강화하다	– стремительно усиливать

При переводе с корейского языка на русский иногда не совпадают части речи компонентов коллокаций, так как данные языки являются разноструктурными. Приведем наиболее типичные примеры несоответствий частеречной принадлежности элементов, возникающих в процессе перевода.

1. Изменение частеречной принадлежности одного из компонентов коллокации

Большое количество примеров изменения частеречной принадлежности при переводе было обнаружено среди именных коллокаций (существительное + существительное) корейского языка, которые часто передаются в русском языке атрибутивными коллокациями (прилагательное + существительное).

금융 거래	– финансовые операции
행정 명령	– административный указ
경제 관계	– экономические отношения
군수 품목	– материально-техническое обеспечение
안전고도	– безопасная высота
최대속도	– максимальная скорость

2. Компрессия двухкомпонентной коллокации в одно слово

При переводе корейских коллокаций на русский язык количество компонентов может сокращаться.

시험 발사	– испытание
폭파 사건	– взрыв
적용 해제	– отмена
마약 거래	– наркоторговля
개선이 이루어지다	– совершенствоваться, улучшаться
기동성능	– маневренность
방향을 잡다	– ориентироваться

3. Изменение лексического значения одного из компонентов коллокации

В корейском языке можно найти большое количество коллокаций, при переводе которых на русский язык не допускается дословный перевод. Существование подобных коллокаций связано с разным языковым мышлением носителей русского и корейского языков.

• 법을 듣다	– принимать закон
법	– закон
듣다	– входить, поднимать, взять

- 관세율을 적용받다 – облагаться таможенными тарифами
관세율 – таможенные тарифы
적용받다 – штрафовать, наказывать
- 제재를 받다 – подвергаться санкциям
제재 – санкции
받다 – получать, принимать
- 조치를 취하다 – предпринимать меры
조치 – меры
취하다 – брать, обрывать
- 전기를 맞다 – находиться на пороге перемен
전기 – перемена, переворот
맞다 – встречать, принимать
- 큰 전기 – важный переломный момент
큰 – большой
전기 – переломный момент
- 첫선을 보이다 – представить первую партию
첫선 – первая партия
보이다 – виднеться, выглядеть, показывать
- 이름을 붙이다 – давать название
이름 – название, имя
붙이다 – приклеивать, прикреплять
- 높은 중량 – большой вес
높다 – высокий
중량 – вес
- 빠른 속도 – высокая скорость
빠르다 – быстрый
속도 – скорость

4. Изменение лексического значения всех компонентов.

Такого рода коллокации свойственны в большей степени художественным текстам и представлены в виде фразеологизмов.

Рассмотрим примеры, в которых оба компонента коллокации корейского языка меняют свое лексическое значение при переводе на русский.

- 보조를 맞추다 – соответствовать, идти в ногу
- 보조 – шаг
- 맞추다 – сравнивать, соответствовать
- 거슬러 올라가다 – датироваться, восходить к...
- 거슬러 – двигаться в противоположную сторону
- 올라가다 – подниматься
- 그대로 살아 있다 – оставаться без изменений
- 그대로 – точно так же
- 살아 있다 – жить

Таким образом, в процессе перевода с корейского языка на русский у значительной части коллокаций происходит изменение частеречной принадлежности или лексического значения компонентов.

Заключение

Проблема перевода коллокаций корейского языка является недостаточно изученной. Схожие по смыслу, однако различающиеся в плане выражения словосочетания в значительной степени могут осложнять процесс перевода. Проблема перевода коллокаций в языковой паре «корейский-русский языки» требует дальнейшего более глубокого изучения с точки зрения частной теории перевода, что станет основой для разработки словарей коллокаций, пособий по переводу с корейского языка на русский и т. д. Включение в процесс подготовки переводчиков изучение семантико-структурных особенностей коллокаций будет способствовать формированию практических навыков двустороннего перевода.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Некрасова О. А. Лингвистические коллокации английского языка и факторы, влияющие на процесс их образования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Лингвистика. 2017. Вып. 5. С. 120–132.

2. Hill J. Revising priorities: From grammatical failure to collocational success. In M. Lewis. (Ed.). *Teaching Collocation: Further Developments in the Lexical Approach*. Hove, UK: Language Teaching Publications. 2000. Pp. 47–69.
3. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. Москва : ФИЗМАТЛИТ, 2005.
4. Онал И. О. Коллокация как объект изучения в отечественной и зарубежной науке: диахронический аспект // *Вопросы языкознания в мультикультурном пространстве современного мира*. Новосибирск : Изд-во ЦРНС, 2018. С. 169–191.
5. Sinclair J. *Corpus, concordance, collocation*. Oxford: Oxford University Press, 1991.
6. Durrant P. Investigating the viability of a collocation list for students of English for academic purposes. *English for Specific Purposes*. 2009. # 28, 157–169.
7. Wray A. Formulaic sequences in second language teaching: Principle and practice. *Applied Linguistics*. 2000. # 21, 463–489.
8. Борисова Е. Г. Коллокации. Что такое и как их изучать. Москва: Филология, 1995.
9. Бялек Э. Коллокации как единица перевода // *Cuadernos de Rusística Española*. 2004. № 1. С. 223–231.
10. Влавацкая М. В. Комбинаторная лексикология: функционально-семантическая классификация коллокаций // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 11 (53). С. 56–60.
11. Регинина К. В., Тюрина Т. П., Широкова Л. И. Устойчивые словосочетания русского языка. Москва: Русский язык, 1976.

REFERENCES

1. Nekrasova, O. A. (2017). Factors influencing the process of English linguistic collocations. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 5, 120–132. (In Russ.)
2. Hill, J. (2000). Revising priorities: From grammatical failure to collocational success. In M. Lewis. (Ed.). *Teaching Collocation: Further Developments in the Lexical Approach* (pp. 47–69). Hove: Language Teaching Publications.
3. Arakin, V. D. (2005). *Sravnitel'naja tipologija anglijskogo i russkogo jazykov = Comparative typology of English and Russian languages*. Moscow: Fizmatlit (In Russ.)
4. Onal, I. O. (2018). *Kollokacija kak ob'ekt izuchenija v otechestvennoj i zarubezhnoj nauke: diahronicheskiy aspekt = Collocation as an object of study in Russian and abroad: the diachronic aspect*. *Linguistic studies in the modern multicultural world* (pp. 169–191). Novosibirsk: CRNS. (In Russ.)

5. Sinclair, J. (1991). *Corpus, concordance, collocation*. Oxford: Oxford University Press.
6. Durrant, P. (2009). Investigating the viability of a collocation list for students of English for academic purposes. *English for Specific Purposes*. # 28. Pp. 157–169.
7. Wray, A. (2000). Formulaic sequences in second language teaching: Principle and practice. *Applied Linguistics*, 21, 463–489.
8. Borisova, E. G. (1995). *Kollokacii. Chto takoe i kak ih izuchat' = Collocations. Definitions and research approaches*. Moscow: Filologija (In Russ.)
9. Bjalek, Je. (2004). Collocation as a translation unit. *Cuadernos de Rusistica Española*, 1, 223–231. (In Russ.)
10. Vlavatskaya, M. V. (2015). Combinatorial Lexicology: Functional and Semantic Classification of Collocations. *Philology. Theory and Practice*, 11(53), 56–60. (In Russ.)
11. Reginina, K. V., Tjurina, T. P., Shirokova, L. I. (1976). *Ustojchivye slovo-sochetaniya russkogo jazyka = Russian Language Collocations*. Moscow: Russkij jazyk. (In Russ.)

Информация об авторе

Мозоль Т.С. – кандидат педагогических наук, доцент,
заведующая кафедрой восточных языков переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Mozol T.S. – PhD (Pedagogy), Associate Professor,
Head at the Department of Oriental languages,
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 03.06.2021; одобрена после рецензирования 02.07.2021; принята к публикации 05.07.2021

The article was submitted 03.06.2021; approved after reviewing 02.07.2021;
accepted for publication 05.07.2021

Научная статья

УДК 811.113.4

DOI 10.52070/2542-2197_2021_10_852_112

**РАССОГЛАСОВАННОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И МЕСТОИМЕННЫХ ЛЕКСЕМ
ПО РОДУ И ЧИСЛУ В ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ**

А. А. Немцева

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия, anastdansk@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются случаи рассогласованного употребления существительных с местоименными лексемами в датском языке по роду и числу. Примеры показывают, что всё чаще в датском языке важнее оказывается семантическое согласование местоимений с существительными. По-видимому, это связано с актуальным для датского языка разграничением денотатов на дискретные и недискретные. В категории числа наблюдается схожая тенденция. Для выражения недискретных денотатов может употребляться неопределенное местоимение *poget* с существительными в форме множественного числа.

Ключевые слова: неопределенные местоимения, категория рода, категория числа, прагматика, дискретность / недискретность, вещественные существительные, семантическое согласование, датский язык, антропоцентрическая грамматика

Для цитирования: Немцева А. А. Рассогласованное употребление существительных и местоименных лексем по роду и числу в датском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 10 (852). С. 112–125. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_10_852_112

Original article

**THE PHENOMENON OF GENDER AND NUMBER NON-AGREEMENT
IN THE USE OF NOMINAL AND PRONOMINAL LEXEMES
IN THE DANISH LANGUAGE**

A. A. Nemtseva

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia, anastdansk@yandex.ru

Abstract. The article deals with the instances of gender and number non-agreement in the use of nominal and pronominal lexemes in Danish. The material of the research enables the author to conclude that in the Danish language, more often than not,

semantic noun-pronoun agreement appears to be vital. It may well be assumed that the phenomenon has to do with the differentiation between discrete or non-discrete denotata in Danish. As for the category of number, the tendency is the same. For example, non-discrete denotata may be expressed by the plural form of the indefinite pronoun 'noget'.

Key words: indefinite pronouns, the category of gender, the category of number, pragmatics, discreteness vs. non-discreteness, concrete nouns, semantic agreement, the Danish language, anthropocentric grammar

For citation: Nemtseva, A. A. (2021). The phenomenon of gender and number non-agreement in the use of nominal and pronominal lexemes in the Danish language. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 10(852), 112–125. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_10_852_112

Введение

В современном датском языке становятся достаточно частотными примеры рассогласованного употребления существительных с местоименными лексемами, когда местоименные лексемы среднего рода употребляются с существительными общего рода самой различной семантики, а также, когда местоименные лексемы, которые обычно употребляются с неисчисляемыми существительными, встречаются с существительными в форме множественного числа.

Эти две тенденции, имеющие отношение к семантическим особенностям категории рода и числа у датских существительных, как представляется, связаны между собой. Как показывает анализ, они имеют отношение к актуальным для датского языка понятиям дискретности / недискретности. Материал данного исследования является важной частью коллективного проекта антропоцентрической грамматики датского языка [Никуличева, 2019].

Вопрос о разграничении дискретных и недискретных денотатов затрагивали датские лингвисты Л. Ельмслев и О. Хансен. Л. Ельмслев в статье «Om numerus og genus» использовал понятие «det uformede» (букв. 'бесформенное'), описывая недискретные денотаты [Hjelmslev, 1956]. О. Хансен, анализируя недискретные денотаты, пользовался термином «uafgrænset» (букв. 'неограниченное') [Hansen, 1927; Hansen, 1961]. В грамматике датского языка Л. Хельтофта и Э. Хансена также исследуется вопрос о рассогласованном употреблении существительных с местоименными лексемами. Авторы грамматики вводят понятие «genuskonflikt» (букв. 'конфликт по роду').

Датские лингвисты, однако, в основном обращали внимание на рассогласованное употребление вещественных существительных и видели в употреблении местоименной формы среднего рода *noget* своего рода артикль при таких существительных [Hansen, 1927].

Однако, как показывает языковой материал, рассогласованное употребление охватывает самые различные разряды существительных и может быть связано не только с местоимением *noget*, но и с другими местоименными лексемами.

Рассогласованное употребление существительных с местоименными лексемами по роду

В грамматике датского языка Л. Хельтофта и Э. Хансена [Heltoft, Hansen, 2011] анализируется рассогласованное употребление не только с *noget* и с существительными общего рода, но и с существительными среднего рода, обозначающих конкретные предметы или живые лица, с прилагательными общего рода:

Postbuddet bliver sur over det her. – Почтальон рассердится из-за этого.

В данном примере существительное среднего рода *postbud* употребляется с прилагательным общего рода. По-видимому, это связано с тем, что перед нами существительное, обозначающее живое существо, в связи с чем говорящий выбирает форму прилагательного общего рода, поскольку это соответствует семантике общего рода.

Похожий пример, когда при исчисляемом существительном среднего рода употребляется местоименная форма общего рода, встретился нам в сериале «Наследники»:

Der er *ikke nogen museum*. – Там нет никакого музея.

Однако, говоря о рассогласованном употреблении, стоит отметить, что наиболее частотны в датском языке употребления существительных общего рода с местоимением среднего рода *noget*.

Интересно, что с одним и тем же существительным возможно употребление как местоимений общего, так и среднего рода. О. Хансен [Hansen, 1967] приводит примеры с существительным общего рода *portvin* с местоименными лексемами как общего, так и среднего рода:

Nar De nogen portvin (til 10 kr)? – У Вас есть портвейн (за 10 крон)?

Nar De noget portvin? – У Вас есть портвейн?

В первом вопросе речь идет о разновидности портвейна (тот, который стоит 10 крон), во втором – о портвейне как веществе, т. е. о каком-то количестве портвейна.

Неопределенное местоимение среднего рода *noget*, как показывают примеры, употребляется с существительными общего рода самой различной семантики. Чаще всего встречается употребление с вещественными существительными:

Jeg har brug for *noget voks*. – Мне нужен воск.

Jeg har *ikke noget mælk*. – У меня нет молока (букв. 'у меня нет никакого молока').

Jeg har pakket *noget mad* til dig. – Я собрал тебе кое-какую еду.

Jeg henter lige *noget olie*. – Я сейчас принесу масла.

В данных контекстах употребление *noget* напоминает, с одной стороны, функцию артикля, что отмечал в своих работах О. Хансен, а с другой – употребляется для обозначения какого-то количества вещества, т. е. выражает партиитивность (какое-то количество воска, масла и т. д.). Такая партиитивность выражается в русском языке с помощью родительного партиитивного (чаю). В. В. Виноградов, анализируя такие окончания, выделял категорию вещественности [Виноградов, 1986]. Как представляется, в датском языке оформляет категорию вещественности именно местоимение *noget*.

Всё чаще встречается употребление *noget* с абстрактными существительными. И это неслучайно, О. Хансен еще в 1927 г. (а позже и в 1961 г.) объединял абстрактные и вещественные существительные понятием *uafgrænset* (неограниченное), противопоставляя их конкретным исчисляемым денотатам (*afgrænset*) [Hansen, 1927; Hansen, 1961].

Рассогласованное употребление абстрактных существительных и местоименной формы среднего рода *noget* чаще употребляется в гипотетических контекстах и имеет значение «какой-то, какой-нибудь»:

Det gør han for at finde *noget mening* med tingene. – Он делает это, чтобы найти какой-то смысл во всем.

Jeg vil prøve at finde *noget livsglæde* i min ægtefælle og i mit arbejde. – Я хочу попробовать найти какую-то радость в моем супруге и в моей работе.

В данных примерах существительные общего рода *mening* и *livsglæde* употребляются с местоименной формой среднего рода *noget*. По-видимому, здесь говорящему важно было найти хоть какой-то смысл, хоть какую-то радость.

Интересно, что то же существительное может употребляться и с неопределенным артиклем:

De har **en spontanitet** og **en livsglæde**, som jeg virkelig værdsætter. – У них есть спонтанность и радость жизни, которые я очень ценю.

Можно предположить, что такое употребление позиционно обусловлено и связано с последующим определительным придаточным.

Употребление *noget* с абстрактными существительными может быть связано и с прагматическими факторами. В данном примере говорящий выражает свое безразличие к ситуации (что-нибудь поесть).

Gider du købe **noget mad** i aften til dig og Hannah? – Ты не купишь что-нибудь поесть (какой-нибудь еды) себе и Ханне?

В следующем примере говорящий не уверен, что у человека заикание, он не в состоянии определить понятие точно. Возможно, это связано с тем, что говорящий не уверен в том, что человек страдает именно заиканием, а может быть – это небольшое нарушение речи:

Nogle amerikanske forskere har været inde på, at han kæmper med **noget stammen**, som stadigvæk hænger ved. – Некоторые американские исследователи говорили о том, что он борется с каким-то заиканием (с какой-то формой заикания), которое всё еще остается.

Интересно, что всё чаще встречаются примеры рассогласованного употребления *noget* с исчисляемыми существительными общего рода. Так, в следующем примере человек рассказывает, почему он решил закончить гимназию и сдать выпускной экзамен в возрасте 54-х лет:

På grund **af noget stressende sygdom**, synes jeg, tiden var inde. – Из-за кое-какой болезни, связанной со стрессом, я считаю, что настало время.

Kan du genkende, at du måske pludselig mister kontakten til – det kunne være **noget familie** eller nogle nære venner, fordi der pludselig opstår **noget sygdom** eller **noget død, noget sorg**, som er svære at håndtere? – Вы знаете такое, когда внезапно теряешь контакт, например, с родственниками

или с близкими друзьями, потому что внезапно обнаруживается какая-то болезнь или смерть, горе, с которыми трудно справиться?

В этих примерах исчисляемое существительное общего рода *sygdom* употребляется с местоименной формой *noget*. В первом примере это связано с желанием говорящего не уточнять, о какой болезни идет речь. В последнем примере имеется в виду любая болезнь. Кроме того, в последнем примере еще три существительных общего рода употребляются с формой *noget*. В сочетании с существительным *familie* имеется в виду лексико-семантический вариант «родственники», с существительными *død* и *sorg* имеет значение «какой-то».

Значение «какой-то» чаще всего встречается с существительными событийной семантики:

Mads har inviteret til sådan *noget sammenkomst*. – Мадс пригласил на праздник.

Alexander har været til *noget gymnasiefest*. – Александр был на какой-то вечеринке в гимназии.

С существительным *fest* нам встретилась и лексема *lidt*, которая обычно употребляется с неисчисляемыми существительными:

Vi holder lige *lidt fest*. – Мы тут немножко веселимся.

По-видимому, в данном примере *lidt* имеет наречную функцию и относится, скорее, к глаголу.

Особого внимания заслуживает анализ примеров с исчисляемыми существительными, обозначающими еду. Такие существительные могут выступать в двух лексико-семантических вариантах. Они могут быть исчисляемыми существительными и употребляться с неопределенным артиклем, когда имеется в виду целый фрукт, овощ и т. д.:

Den består af en skive dåseananas med en halv dåsefersken klasket ovenpå. Det er i hvert fald nemt; men jeg vil vove at påstå, at det er lige så hurtigt at skære *en frisk ananas* ud som at åbne dåser. – Оно (блюдо) состоит из дольки ананаса из банки с половиной дольки консервированного персика. Во всяком случае, это легко; но осмелюсь утверждать, что порезать целый ананас так же быстро, как и открыть банку.

Bordet står dækket med skinnende, hvid dug, fint porcelæn og *en dampende, stegt gås*, fyldt med svesker og æbler. – На столе сверкающая

белая скатерть, хороший фарфор и горячий запеченный гусь, начиненный черносливом и яблоками.

Однако в ряде случаев такие существительные могут иметь лексико-семантический вариант «масса» и употребляться с лексемами среднего рода:

Jeg er ved at lave *mojito*. Du kan få det med *noget lime*. – Я делаю мохито. Могу сделать мохито с лаймом.

Jeg tror, der er *noget gås*. – Я думаю, что это гусь.

Der er *noget ananas*. – Там есть ананас.

В первом примере говорится о каком-то количестве лайма, во втором примере – о мясе гуся, блюде из гуся, в третьем – речь идет о кусочках ананаса.

Выражение разных лексико-семантических вариантов в зависимости от употребления встречаем и у других существительных:

Du må kunne lave *noget kunst* uden at blande os i det. – Ты, должно быть, в состоянии создать какое-то произведение искусства, не вмешивая нас.

Vi er nødt til *at få noget dokumentation* på bordet. – Мы вынуждены иметь какие-то документы.

Så skal vi lige til *noget sport*. – Потом мы идем на спорт.

Er der *noget overtro* også? – Существуют ли у вас какие-то приметы?

Der er også *noget skønlitteratur*. – Там есть еще кое-что из художественной литературы.

Все эти примеры объединяет то, что употребление *noget* делает эти существительные более конкретными. В первом примере речь идет о произведении искусства, а не об искусстве в целом; во втором – какой-то документ, подтверждающий предположение; в третьем – говорящий имеет в виду какой-то вид спорта. В следующем примере абстрактное существительное *overtro* (*суетверие*) приобретает более конкретное значение – примета. В последнем примере подразумеваются книги.

Употребляясь без *noget* такие существительные имеют абстрактное значение и не могут употребляться с неопределенным артиклем или с неопределенным местоимением:

Hvis vi laver det museum, så har det givet noget mening, at hun har brugt hele sit liv på *kunst*. – Если мы сделаем этот музей, тогда то, что она всю свою жизнь посвятила искусству, приобретет смысл.

Таким образом, местоименная лексема *noget* может придавать абстрактному существительному более конкретное значение. Интересно, что, употребляясь с конкретными существительными, *noget*, наоборот, переводит их в разряд абстрактных:

Vi skal finde *noget maske*. – Нам надо найти какую-то маску.

В данном случае речь идет о средстве защиты.

Как масса предстает в следующих примерах и исчисляемое существительное *vaccine* с лексемой *mere*, которая обычно в датском языке употребляется с неисчисляемыми существительными:

Mere vaccine på vej til nordjyske hospitaler – Больше вакцины в больницах Северной Ютландии.

Den næste gruppe vi tager fat på, når vi får *mere vaccine*, er de selvhjulpne ældre over 85 år. – Следующая группа, к которой мы обратимся, когда получим больше вакцин, – это пожилые люди после 85, которые сами себя обслуживают.

Рассогласованное употребление существительных с местоименными лексемами встречается и с другими лексемами:

Nu tror jeg, vi tager en pause med *det der ferie*. – Теперь, думаю, нам нужна пауза от этого всего отдыха.

Det er så Signes kontor. Til al hendes hamp. – Это кабинет Сигне. Для ее дела с коноплей.

Hamp? – С коноплей?

Det der industrihamp, som hun kører. – Ну, конопля, выращиванием которой она занимается.

Примечательно, что *al* согласуется с существительным *hamp* по роду, в отличие от лексемы *det*.

Важно отметить, что существительные при таком рассогласованном употреблении не меняют свою родовую принадлежность, о чем свидетельствуют формы прилагательных:

Der bliver *noget sproglig indpakning* her. – Здесь мы наблюдаем какое-то языковое выражение.

Однако нам встретился пример употребления притяжательного местоимения среднего рода с существительным общего рода:

Det jeg oplever nu i det arbejde jeg har med *mit økologi*. – букв. 'Это я чувствую в своей работе с моей экологией'.

Таким образом, рассогласованное употребление существительных общего рода с местоименными лексемами среднего рода может быть связано с тем, что местоимение *noget* получает артиклевую функцию (с вещественными существительными), с прагматическими факторами (нежелание говорящего раскрывать содержание денотата) или для выражения лексико-семантического варианта «масса» (какое-то количество).

Рассогласованное употребление существительных с местоименными лексемами по числу

В категории числа намечается тенденция к употреблению местоименных лексем среднего рода с существительными в форме множественного числа. Так, О. Хансен в монографии «Moderne dansk» 1967 г. приводит пример: *noget sager* – *какие-то дела*, хотя в 1961 г. он отрицал это [Hansen, 1961].

Тенденции рассогласованного употребления по числу связаны, в основном, с сочетаниями с местоименными лексемами единственного числа и существительными в форме множественного числа. Однако нам встретился интересный пример семантического согласования существительного с прилагательным при нарушении грамматической нормы:

Nu er min mors plante kommet “hjem”, og hele familien er *taknemmelige*. – Сейчас цветок моей мамы вернулся домой, и вся семья очень благодарна.

В данном примере при собирательном существительном единственного числа *familie* употребляется прилагательное в форме множественного числа.

Всё чаще в устной речи можно услышать употребление *noget* с существительными во множественном числе:

Det betyder, at hverdag med *noget mundbind, noget afstand*, med *noget forsamlingsbegrænsninger* alt muligt. – Это означает будни с масками, дистанцией, с какими-то ограничениями на количество людей, которые могут собираться вместе.

В данном примере местоименная лексема *noget* употребляется с существительным в форме множественного числа *forsamlingsbegrænsninger*. На такое употребление, как представляется, влияют прагматические факторы. Говорящий, выбирая такую форму, показывает, что не очень осведомлен об этих ограничениях (какие-то, что-то вроде). Однако такое употребление может быть связано и с влиянием предшествующих сочетаний (*noget mundbind, noget afstand*).

Особенно частотны случаи употребления формы *noget* с существительными, обозначающими еду, в форме множественного числа:

For mig er en bøf noget, man nyder. Den ligger her på tallerken og så har man salaten der, så har man *noget kartofler, ris* eller hvar man nu har. – *букв.* 'Для меня бифштекс – это что-то, чем ты наслаждаешься. Он лежит на тарелке, а рядом у тебя салат, картошка, рис или что-то еще'.

По-видимому, в данном примере существительное в форме множественного числа *kartofler* предстает в лексико-семантическом варианте «масса». Здесь имеется в виду какое-то количество картошки.

Der er *lidt grøntsager* her. – Здесь есть немного овощей.

Однако *noget* может употребляться и с другими исчисляемыми существительными, когда денотаты мыслятся как нерасчлененное множество:

Der var *lidt mennesker*. – Было мало людей.

Такое сочетание можно перевести на русский язык как «мало народа».

Der er alt for *lidt børn*, der har de her rettigheder. – Слишком мало детей имеют эти права.

Der har været *lidt konflikter* med Holly. – Мы немного конфликтовали с Холли (с Холли было мало конфликтов).

В последнем примере *lidt* относится скорее к глаголу (*немного конфликтовать*).

Эти примеры напоминают контексты с существительными общего рода в форме единственного числа тем, что в данном случае денотаты тоже мыслятся как масса, как нерасчлененное множество, т. е. как недискретная однородная совокупность [Плунгян, 2000].

Таким образом, *noget*, употребляясь с существительными в форме множественного числа, переводит их в разряд собирательных: «Слова, обозначающие совокупность лиц, предметов, мыслимых как коллективное или собирательное единство, как одно неделимое целое» [Виноградов 1986, с. 135].

Кроме того, существует и другой способ выражения недискретности во множественном числе, когда местоимение единственного числа *nogen* употребляется с существительными в форме множественного числа в вопросительных, отрицательных и условных предложениях.

Nar du gjort dig **nogen tanker** om, hvordan teatret kan udvikles? – Ты думал (букв. 'сделал какие-либо мысли') о том, как театр может развиваться?

Stop med at tage Zelboraf og søg omgående lægehjælp, hvis du har **nogen symptomer** på en allergisk reaktion. – Прекратите принимать зельбораф и немедленно обратитесь к врачу, если у вас какие-то симптомы аллергической реакции.

Семантическое согласование, которое в ряде случаев оказывается важнее грамматического согласования, связанное с употреблением лексем *noget*, *lidt*, *det*, – не новое явление в датском языке. В датском языке имеются формы, которые полностью лексикализировались. Среди таких форм отрицательное местоимение *ingen*, *sådan* и *meget*:

Men der er **ingen tvivl** om, at Burg er 100 procent solidarisk med sine gæster. – Нет никаких сомнений в том, что Бург на сто процентов солидарен со своими гостями.

Jeg var lige blevet færdig med gymnansiet og havde absolut **ingen idé** om, hvad jeg nu ville. – Я только что закончил гимназию и не имел ни малейшего представления о том, чем я хочу заниматься.

Der er **ingen vand** til at vaske sig med, og drikkevand får flygtningene ved at smelte den beskidte sne. – Нет никакой воды, чтобы помыться, а питьевую воду беженцы получают, растапливая грязный снег.

В первом примере *ingen* употребляется с существительным в форме множественного числа, во втором – с существительным общего рода, в третьем – с существительным среднего рода.

Процесс лексикализации затронул и лексему *sådan* – такой, которая в устной речи часто употребляется только в форме общего рода единственного числа, в том числе и с существительными среднего рода, а также с существительными во множественном числе [Mikkelsen, 1975]:

Jeg regner med, at jeg bedre kan klare mig i naturen. Jeg er tit ude i skoven, og så er det rart nok at lære sådan nogle ting. – *букв.* 'Я рассчитываю, что смогу лучше ориентироваться в природе'. Я часто бываю в лесу, так что приятно научиться таким вещам.

Gå til EF og bed om penge og støtte til sådan et arbejde – Обратись в ЕС и попроси о деньгах и поддержке на такую работу.

Кроме того, местоименная лексема с количественной семантикой *meget*, которая употребляется с неисчисляемыми существительными для обозначения большого количества недискретных денотатов, давно стала в датском языке неизменяемой: *meget kaffe* – много кофе, *meget vand* – много воды.

Заключение

Как показывает языковой материал, рассогласованное употребление датских существительных связано с употреблением местоименных лексем среднего рода с существительными общего рода, а также с употреблением местоимений единственного числа с существительными в форме множественного числа. Как показывают примеры, связано такое употребление с важным для датского языка представлением денотатов как дискретных / недискретных. Недискретность может выражаться в датском языке с помощью местоименных лексем среднего рода.

Таким образом, семантическое согласование оказывается важнее грамматического, когда в высказывании содержатся недискретные денотаты.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Никуличева Д. Б. К разработке проекта антропоцентрической грамматики датского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 1 (817). С. 254–268.

2. *Hjelmslev L.* Om numerus og genus // Festskrift til Christen Møller på 70-årsdagen 11.juni. Borgen, 1956. S. 167–190.
3. *Hansen A.* Bestemt og ubestemt substantiv. Kjøbenhavn : Arnold Busck, 1927.
4. *Hansen A.* Vort vanskelige sprog. Kbh.: Grafisk forlag, 1961.
5. *Heltoft L., Hansen E.* Grammatik over det danske sprog. Syddansk Universitetsforlag, 2011.
6. *Hansen A.* Moderne dansk, bind II. Kbh.: Grafisk forlag, 1967.
7. *Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове): учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Русский язык и литература». Москва: Высшая школа, 1986.
8. *Плунгян В. А.* Общая морфология. Введение в проблематику. Москва : Эдиториал УРСС, 2000.
9. *Mikkelsen K.* Dansk ordføjningslære. Kbh., 1975.

REFERENCES

1. Nikulicheva, D. B. (2019). Outlines of the Project “Anthropocentric Grammar of the Danish Language”. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanitarian Sciences, 1 (817), 254–268. (In Russ.)
2. Hjelmslev, L. (1956). Om numerus og genus. Festskrift til Christen Møller på 70-årsdagen 11.juni. Borgen. S. 167–190.
3. Hansen, A. (1961). Bestemt og ubestemt substantiv. Kjøbenhavn : Arnold Busck.
4. Hansen, A. (1961). Vort vanskelige sprog. Kbh.: Grafisk forlag.
5. Heltoft, L., Hansen E. (2011). Grammatik over det danske sprog. Syddansk Universitetsforlag.
6. Hansen, A. (1967). Moderne dansk, bind II. Kbh.: Grafisk forlag.
7. Vinogradov, V. V. (1986). Russkij yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove): Uchebnoe posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchihsya po special'nosti «Russkij yazyk i literatura» = The Russian language. The grammatical doctrine of the word: A textbook for university students of «The Russian language and literature» program. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
8. Plungian, V. A. (2000). Obshaja morfologia. Vvedenie v problematiku = General morphology: introduction. 1st (ed.). Moscow: Jeditorial URSS. (in Russ.)
9. Mikkelsen, K. (1975). Dansk ordføjningslære. Kbh.

Информация об авторе

Немцева А. А. – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры германской и кельтской филологии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Information about the author

Nemtseva A. A. – PhD in Philology, Senior Lecturer at the Department of German and Celtic Studies at Lomonosov State University

Статья поступила в редакцию 03.06.2021; одобрена после рецензирования 02.07.2021; принята к публикации 05.07.2021

The article was submitted 03.06.2021; approved after reviewing 02.07.2021; accepted for publication 05.07.2021

Научная статья

УДК 81.22

DOI 10.52070/2542-2197_2021_10_852_126

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АКАДЕМИИ ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКА ПО СОЗДАНИЮ
НОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В УСЛОВИЯХ КОРОНАВИРУСА**

А. И. Полищук¹, В. О. Кокликов²

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹polyshuk20@mail.ru

²vladimir.koklikov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается деятельность Академии персидского языка и литературы по созданию новой исконно персидской терминологии взамен используемым в официальных СМИ заимствований, связанных с коронавирусом. Сопоставляется частотность употребления предлагаемых терминов с распространенными заимствованиями и выявляется контекст использования альтернативных вариантов. Делается вывод о необходимости введения в лексический запас тематической терминологии, предлагаемой Академией персидского языка.

Ключевые слова: персидский язык, заимствования, частотность, коронавирус, устойчивые выражения

Для цитирования: Полищук А. И., Кокликов В. О. Деятельность академии персидского языка по созданию новой терминологии в условиях коронавируса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 10 (852). С. 126–137. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_10_852_126

Original article

**ACTIVITIES OF THE PERSIAN LANGUAGE ACADEMY TO CREATE
A NEW TERMINOLOGY IN THE CONTEXT OF CORONAVIRUS**

A. I. Polishchuk¹, V. O. Koklikov²

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹polyshuk20@mail.ru

²vladimir.koklikov@yandex.ru

Abstract. The article examines how Academy of Persian Language and Literature faces a challenge of loanword replacement and creation of a native Persian coronavirus-related terminology for usage in the official media. Proposed terms' frequency is compared with common loanwords and the context of alternative options is identified.

We conclude that it is necessary to introduce some of thematic terminology proposed by the Academy of the Persian language into vocabulary.

Key words: Persian language, loanwords, frequency, coronavirus, collocations

For citation: Polishchuk, A. I., Koklikov, V. O. (2021). Activities of the Persian language academy to create a new terminology in the context of coronavirus. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 10(852), 126–137. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_10_852_126

Введение

Терминологический пласт лексики персидского языка исторически формировался из заимствований языков тех стран, с которыми развивались отношения в соответствующих областях. Как отмечает Е. Л. Гладкова, заимствования также объясняются тем, что «ряд специалистов получают высшее образование за пределами Ирана – в различных европейских странах, и, естественно, им удобнее пользоваться привычными для них иностранными словами [Гладкова, 2013]. Подобная ситуация привела к тому, что с середины 30-х годов XX века в Иране начала свою работу по терминологическому строительству Академия персидского языка и литературы. Необходимость создания научной терминологии также обосновывается стремлением к популяризации науки [там же]. Если до Исламской революции деятельность Академии была направлена прежде всего против арабских и тюркских заимствований, что объяснялось негативным отношением к арабоисламскому культурному наследию со стороны династии Пехлеви, то послереволюционная Академия больше не ставит задачу изгнания арабизмов, а основное внимание уделяет борьбе с заимствованиями из западных языков как проявлением чуждой исламу культуры и иного образа жизни.

Деятельность Академии персидского языка, а также выводы о ее эффективности, ранее уже рассматривались рядом исследователей. Так, В. А. Генералов отмечает, что «согласно пуристической тенденции, европейские лексемы заменяются персидскими, хотя, по всей вероятности, они продолжают использоваться, несмотря на жесткие пуристические запреты, в некоторых научно-технических изданиях и в обиходе иранской технической интеллигенции» [Генералов, 2017]. Степень использования утвержденных Академией персидского языка и литературы лексических эквивалентов европеизмов и американизмам в современной прессе была рассмотрена А. Н. Сухоруковым на примере газеты «Иран» [Сухоруков, 2010]. При этом, как отмечает

О. М. Сотова, частотность употребления заимствованных терминов свидетельствует о том, что процесс освоения слов иностранной лексики опережает деятельность по созданию и адаптации в языке их эквивалентов [Сотова, 2018].

Статья посвящена современному этапу деятельности Академии персидского языка и литературы. В работе рассматриваются предлагаемые Академией эквиваленты для лексических заимствований по теме «эпидемия коронавируса». Актуальность работы связана с продолжением эпидемии коронавирусной инфекции. Обстоятельства, в которых оказался весь мир в начале 2020 года, обусловили общественный интерес к текстам, содержащим специализированную лексику на тему коронавируса. Таким образом, научно-популярный, распространенный характер получили термины, ранее относившиеся к узкоспециализированным, а также в обиход вошли новые термины, возникшие и распространившиеся в ходе борьбы с этой новой эпидемиологической угрозой.

Частотный анализ и сравнение употребляемости заимствований и терминологии, создаваемой Академией, позволит обосновать необходимость в пополнении необходимого лексического запаса, который бы позволил эффективно изучать материал на персидском языке по данной проблематике.

Термины, предложенные Академией персидского языка

Академия персидского языка и литературы направила президенту Исламской Республики Иран письмо 26 апреля 2020 г., в котором сообщалось о неоправданном использовании чиновниками и в СМИ заимствований по теме коронавируса, и просила президента вынести ответственным органам предупреждение и использовать предлагаемые Академией персидские эквиваленты. Копия письма также была направлена министру здравоохранения и медицинского образования, руководителю Штаба по борьбе с коронавирусом в Тегеране, а также главе Организации гостелерадиовещания Ирана¹. Предложенный список содержит следующие термины, анализ частотности которых будет проведен в статье:

№	Заимствование (اوانویسی فارسی)	Иностранное слово	Персидский эквивалент
---	-----------------------------------	----------------------	--------------------------

¹ URL: <https://www.isna.ir/news/99023122973>

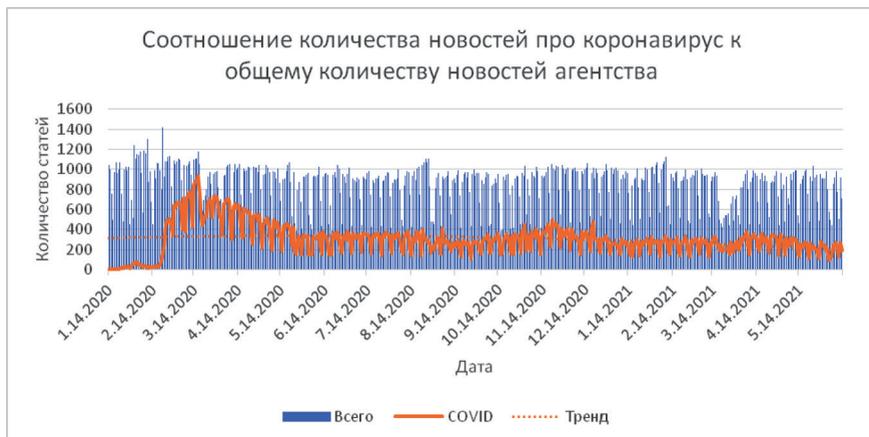
1	پروتکل	Протокол	شیو نامہ شیو نامہ
2	اپدیمی	Эпидемия	یری-گ-مہ ہمہ گیری
3	اپیدمیولوژی	Эпидемиология	ہمہگیر شناسی
4	اپیدمیولوژیست	Эпидемиолог	ہمہگیر شناس ہمہ گیر شناس
5	اپیدمیک	Эпидемический	ہمہگیر ہمہ گیر
6	پاندمی	Пандемия	دنیاگیری также используется ہمہگیری جهانی
7	پاندمیک	Пандемический	دنیاگیری
8	آندمیک	Эндемический	دنیاگیری
9	تلہ مدیسین تلہمدیسین	Телемедицина	دور پزشکی
10	تست	Тест	آزمایش
11	تست آنتی بادی تست آنتی بادی	Тест на антитела	آزمایش پادتن
12	ویدئو کنفرانس	Видеоконференция	دورسخنی
13	پنومونیا، پنومونی	Пневмония	ذات الریه، سینہ پہلو ذات الریه، سینہ پہلو
14	انکوباسیون	Инкубационный период	دورہ نہفتگی
15	ونتیلاتور	Аппарат ИВЛ	دستگاہ تنفس مصنوعی
16	رہسپراتور	Маска, респиратор	(1) ماسک اکسیژن (2) ماسک
17	سیستم مونیٹورینگ	Система мониторинга	سامانہ پایش
18	سانٹائیزر	Санитайзер	ضد عفونی کنندہ، محلول ضد عفونی کنندہ
19	شیلڈ، فیس شیلڈ	Защитный экран, маска-щиток	محافظ صورت

В таблице приведены различные возможные варианты написания слов, по которым осуществлялся дальнейший поиск.

Корпус текстов

Для решения задач, поставленных в данной работе, был собран корпус текстов с экстралингвистической разметкой на тему «эпидемии коронавируса». Корпус собран на основе материалов иранского информационного агентства IRNA. В него вошли тексты, содержащие упоминание о коронавирусной инфекции: کرونا، کوید، کوید-19، کوید. На 14.06.2021 отфильтрованный корпус содержит 155724 статей и 80653303 токена (части речи).

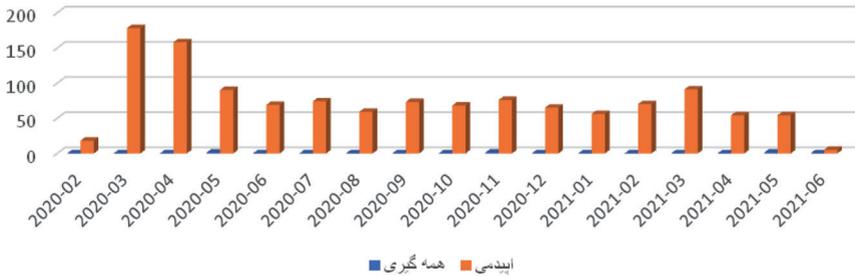
Количество текстов про коронавирус, входящих в общий корпус текстов составленный по всем материалам информагентства с 01.01.2020 по 14.06.2021, наглядно демонстрирует актуальность проблематики.

Анализ терминологии, предлагаемой Академией персидского языка и литературы

Проверка частотности употреблений заимствований и их персидских эквивалентов дала следующие результаты. Термин شیوه نامه *šivenāme* используется реже термина «протокол» پروتکل *protokol* почти в шесть раз (10131 случаев употребления против 59101). Однако стоит отметить, что термин پروتکل более многозначен и может относиться также к другим сферам, в частности, дипломатической. Для терминов со значением «эпидемия» همه گیری *hamegiri* и یمدی پا *epidemi* интересным представляется отображение результатов в виде диаграммы,

так как на ней зафиксировано изменение в частоте употребления персидского термина в апреле 2020 г.:

Кроме того, для термина «эпидемиология» более употребляемым осталось заимствованное слово (51 против 1188 случаев употребления). То же самое касается и профессии «эпидемиолог» – 57 против 248. При этом в качестве прилагательного «эпидемический» используется в основном образованное на основе персидского همه گیری *hamegiri*, а не образованное от заимствования اپیدمیک *epidemik*.

В случае с «пандемией» ситуация обстоит иначе: پاندمی *pāndemi* прижилось в СМИ лучше, чем придуманный Академией دنیاگیری *donyāgiri* или همه گیری جهانی *hamegiri-ye jahāni* (1228 против 4937 случаев употребления). Образованное из заимствования پاندمیک *pāndemik* также более распространено, чем دنیاگیر *donyāgiri*. Для обозначения термина «эндемичный» Академия предлагает использовать распространенное персидское слово بومی *bumi*, первое значение которого в словаре – местный, туземный, автохтонный [Персидско-русский словарь 1985, с. 227], в связи с чем его частотность в корпусе выше заимствования آندمیک *āndemik*.

Что же касается терминов для современных реалий, таких как «телемедицина» и «видеоконференция», то тут предлагаемые Академией эквиваленты заимствований оказались бессильны и не употребляемы. Зафиксировано всего три случая использования دورسنخنی *dursoxani*, тогда как ویدئوکنفرانس *videokonferāns* использовалось 1258 раз. Интересным кажется и такой термин, как «тест на антители». Персидский новояз встречается ровно в два раза чаще – 16 против 32 случаев использования. Однако обратная картина наблюдается для

термина «аппарат ИВЛ»: ونتيلاٲور ventilātor используется в три раза чаще, чем دستگاه تنفس مصنوعى *dastgāh-e tanafos-e masnu 'i* (1849 против 560) и защитной маски-экрана для лица: 618 случаев использования заимствования из английского shield *šild* و فيس شيلد *feys šild* против 191 случая использования предлагаемого термина محافظ صورت *mohāfez-e surat* (состоящего из слов арабского происхождения).

Примечательно, что упомянутые Академией заимствования رسيپراتور *respirātor* و سانيٲايزر *sānitāyzer* почти не встречались. Преимущественно вместо них используются персидские эквиваленты. Лишь один раз встретился термин مونيٲورينگ سيستم *sistem-e monitoring*. Однако в слово «мониторинг» также может употребляться как отдельно, так и в сочетании с персидским سامانه *sāmāne*, так же переводимым как «система». Кроме того, персидские термины для «инкубационного периода», «пневмонии» встречаются гораздо чаще.

Интересным представляется этимологический анализ корней, используемых в созданных Академией словах. Хотя в них преобладают исконно персидские корни (*dur* – далеко, *soxan* – речь), в том числе и созданные еще в шахский период для замены арабизмов (*pezeški* – медицина вместо арабского طب *tebb*), тем не менее, часто используются и арабские (*masnu 'i* – искусственный, *surat* – лицо). Это означает, что Академия в целом отказалась от пуристических тенденций применительно к арабизмам и учитывает языковую реальность, в которой более 60% слов современного персидского языка составляют слова арабского происхождения.

Авторами также проведен анализ словосочетаний, в которых используются рассмотренные термины.

ИВЛ:

به دستگاه و نتيلاٲور متصل بودن *be dastgāh-e ventilātor mottasel budan*
(быть подключенным к аппарату ИВЛ)

به دستگاه و نتيلاٲور وصل بودن *be dastgāh-e ventilātor vasl budan*
(быть подключенным к аппарату ИВЛ)

زير / تحت دستگاه و نتيلاٲور قرار داشتن *zir-e / taht-e dastgāh-e ventilātor qarār daštan*
(находиться на (букв. ‘под’) аппарате ИВЛ)

با استفاده از ونتیلاتور تنفس کردن *bā estefāde az ventilātor tanaffos kardan*
(букв. ‘дышать, используя аппарат ИВЛ’)

Пандемия:

جانباختگان پاندمی کرونا *jānbāxtegān-e pāndemi-ye koronā*
(жертвы пандемии коронавируса)

مبتلایان پاندمی کرونا *mobtālāyān-e pāndemi-ye koronā*
(букв. ‘болеющие пандемией коронавируса’)

شیوع پاندمی کرونا *šoyu ‘-e pāndemi-ye koronā*
(распространение пандемии коронавируса)

دوران پاندمی کرونا *dowrān-e pāndemi-ye koronā*
(период пандемии коронавируса)

بحران پاندمی کرونا *bohrān-e pāndemi-ye koronā*
(кризис пандемии коронавируса)

جانباختگان پاندمی کرونا *kontrol-e pāndemi-ye koronā*
(контроль над пандемией коронавируса)

Эпидемия:

مهيار اپیدمی *mahār-e epidemi*
(обуздание эпидемии)

کنترل اپیدمی *kontrol-e epidemi*
(контроль эпидемии)

همهگیر *modiriyyat-e epidemi*
(управление эпидемией)

Протокол:

رعایت پروتکل *re ‘āyat-e protokol*
(соблюдение протокола)

اجرای پروتکل *ejrā-ye protokol*
(выполнение протокола)

انجام پروتکل *anjām-e protokol*
(выполнение протокола)

اعمال پروتکل *e 'māl-e protokol*
(букв. 'исполнение протокола')

Тест:

более частотный – انجام تست کرونا *anjām-e test-e koronā*
(тестирование на коронавирусе)

انجام آزمایش کرونا *anjām-e azmāyeš-e koronā*
(тестирование на коронавирусе)

Если провести этимологический анализ слов, используемых в этих словосочетаниях, можно сказать, что в них присутствуют в большом количестве как исконно персидские (*dastgāh* – прибор, *dāštan* – иметь, *jānbāxtegān* – жертвы), так и арабские (*estefāde* – использование, *modiriyyat* – управление *šoyu'* – распространение, *bohrān* – кризис), а также западноевропейские слова, прочно вошедшие в язык (*kontrol*, *epidemi*). Арабские и европейские слова, в целом, преобладают при обозначении конкретных терминов и процессов, относящихся к пандемии. Очень часто исконно персидское слово имеет свой арабский синоним (например, *zir / taht* – под, *anjām / ejrā* – выполнение). Более короткие европейские слова (*test*) могут употребляться чаще их исконных синонимов (*āzmāyeš*).

В самом Иране инициативы Академии персидского языка и литературы не в первый раз воспринимают с откровенным скептицизмом. По мнению ряда иранских экспертов, такое исторически сложившееся отношение к инициативам Академии связано как с личной неприязнью к представителям данного института, так и политизацией происходящих процессов, отражаемых в языке. С другой стороны, реакция общества на персидские эквиваленты для прижившихся слов является проявлением внимания к вопросам формирования новой лексики. Вместе с тем иранские лингвисты сходятся во мнении относительно растущей роли СМИ и сети Интернет в «приживлении» новых персидских слов¹. Среди трудностей, вызванных новой лексикой, можно отметить, что некоторые из предложенных Академией терминов не несут тот же смысл, что заложен в заимствованиях. Наглядный пример этого – слово «видеоконференция». Ряд терминов в результате словотворчества «разросся» из одного слова до нескольких, тем самым

¹ URL: <https://www.isna.ir/news/99041713150>

утратив лаконичность, характерную для специальной лексики. Среди других трудностей, с которыми мы сталкиваемся, рассматривая предлагаемую лексику, – наличие нескольких вариантов терминов, т. е. для одного иноязычного слова предлагается сразу несколько эквивалентов.

Заключение

Рассмотрев частотность употребления заимствований и терминов, предлагаемых Академией персидского языка и литературы по теме коронавируса, можно утверждать о вхождении в активную лексику ряда новых слов, а также появление новых значений у существовавших лексических единиц. В персидском языке наблюдаются тенденции к замещению существовавшей терминологии новой лексикой, создаваемой специалистами Академии на базе типичных словообразовательных моделей персидского языка. Деятельность Академии персидского языка и литературы по разработке и внедрению новой терминологии представляется очень продуктивной и необходимой для пополнения и стандартизации новой терминологии и свидетельствует о государственном подходе к развитию национального языка в ИРИ. Приведенные в статье данные подчеркивают необходимость актуализации имеющихся знаний о персидской терминологии в связи с появлением новых реалий и развитием технологий.

Дальнейшие исследования в этом направлении позволят выявить контекстуальность использования тех или иных терминов, а также убедиться в эквивалентности лексики при переводе. Подобные результаты могли бы дать более полное представление о том, как глобализационные процессы и научно-техническое развитие в мире влияют на адаптацию к современным условиям соответствующей персидской терминологии. С точки зрения этимологического происхождения используемых Академией корней, можно сказать, что ею используются как персидские, так и широко распространенные арабские корни, хотя исконно персидские корни всё же преобладают. Это говорит о прагматичном отношении к арабскому лексическому материалу в современной Академии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Гладкова Е. Л.* Пути развития общественно-политической лексики современного персидского языка / Московский государственный институт международных отношений (У) МИД России, кафедра индоиранских и африканских языков. Москва: МГИМО (У), 2013.
2. *Генералов В. А.* Некоторые тенденции развития лексикона современного персидского языка // Евразийское научное объединение. 2017. № 11 (33). Т. 2. С. 141–145.
3. *Сухоруков А. Н.* Анализ лексики газеты «Иран» как показателя пуристических тенденций в современном персидском языке // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2010. № 3. Т. 23 (62). С. 79–84.
4. *Сотова О. М.* Деятельность академии языка и литературы Ирана в контексте внутренней политики государства // Гуманитарные технологии в современном мире: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., Калининград, 17–19 мая 2018 года. Калининград : Западный филиал РАНХиГС, 2018. С. 201–203.
5. Персидско-русский словарь : в 2 т. [Свыше 60000 слов] / с прим. грамMAT. очерка перс. яз. / АН СССР, Ин-т востоковедения ; сост. М. Н. Османов и др. Москва: Русский язык, 1985. Т. 1.

REFERENCES

1. Gladkova, E. L. (2013). Puti razvitiya obshchestvenno-politicheskoy leksiki sovremennogo persidskogo yazika = Ways of developing socio-political vocabulary of modern Persian. Moscow: MGIMO(U). (In Russ.)
2. Generalov, V. A. (2017). Nekotorie tendencii razvitiya leksikona sovremennogo persidskogo yazika = Some trends in the development of the vocabulary of the modern Persian language. Evraziyskoe nauchnoe obyedinenie, 11 (33). Vol. 2. (In Russ.)
3. Sukhorukov, A. N. (2010). Analiz leksiki gazetii “Iran” kak pokazatelya puristicheskikh tendency v sovremennom persidskom yazike = Analysis of the vocabulary of the newspaper “Iran” as an indicator of puristic tendencies in the modern Persian language. Uchenie zapiski Tavricheskogo nacionalnogo universiteta im. V. I. Vernadskogo, 3, 79–84. T. 23(62). (In Russ.)
4. Sotova, O. M. (2018). Deyatelnost akademii yazika I literaturi Irana v kontekste vnutrenney politiki gosudarstva = The activities of the Academy of Language and Literature of Iran in the context of the internal policy of the state. Gumanitarnie tehnologii v sovremennom mire (pp. 201–203). Kaliningrad: RANHiGS. (In Russ.)

5. Persidsko-russkij slovar': v 2 t. [Svyshe 60000 slov] / s prim. grammat. ocherka pers. jaz. / AN SSSR, In-t vostokovedenija ; sost. M. N. Osmanov i dr. = Persian-Russian Dictionary. Moscow: Russkij jazyk. (In Russ.)

Информация об авторах

Полищук А. И. – кандидат исторических наук, заслуженный профессор, доцент кафедры восточных языков переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

Кокликов В. О. – старший преподаватель кафедры восточных языков переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

Information about the authors

Polishchuk A. I. – PhD (History), Professor emeritus, Associate Professor, Department of Oriental Languages, Faculty of Translation, Moscow State Linguistic University

Koklikov V. O. – Senior Lecturer, Department of Oriental Languages, Faculty of Translation, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 03.06.2021; одобрена после рецензирования 02.07.2021; принята к публикации 05.07.2021

The article was submitted 03.06.2021; approved after reviewing 02.07.2021; accepted for publication 05.07.2021

Научная статья

УДК 811.521

DOI 10.52070/2542-2197_2021_10_852_138

ЭКСПРЕССИВНАЯ ФУНКЦИЯ ЯПОНСКИХ ОНОМАТОПОЭТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РАССКАЗАХ ЭДОГАВЫ РАМПО

Н. Г. Румак

Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, koyamaneko@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются онomatopoэтические единицы, отобранные методом сплошной выборки из текстов японского автора Эдогавы Рампо. Посредством статистического и контекстуального анализа, а также анализа словарных дефиниций подтверждается гипотеза о том, что изменение плотности онomatopoэтических единиц на единицу объема текста может свидетельствовать об использовании онomatopoэтических слов в творчестве этого автора в качестве одного из средств художественной выразительности.

Ключевые слова: японский язык, онomatopoэтическая лексика, средства художественной выразительности, Эдогава Рампо

Для цитирования: Румак Н. Г. Экспрессивная функция японских онomatopoэтических единиц в рассказах Эдогавы Рампо // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 10 (852). С. 138–149. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_10_852_138

Original article

EXPRESSIVE FUNCTION OF JAPANESE ONOMATOPOETIC WORDS IN SHORT STORIES BY EDOGAWA RANPO

N. G. Rumak

Institute of African and Asian Studies, Lomonosov Moscow State University,
koyamaneko@yandex.ru

Abstract. The authors analyze onomatopoetic words selected by continuous sampling method from the texts of the Japanese writer Edogawa Ranpo. By methods of statistic and contextual analysis, and by analysis of dictionary definitions the authors confirm the theory which states that change of density of onomatopoetic words in a text unit might prove the usage of onomatopoetic words as means of expression in the author's works.

Key words: the Japanese language, onomatopoeic words, means of expression, Edogawa Ranpo

For citation: Rumak, N. G. (2021). Expressive function of Japanese onomatopoeic words in short stories by Edogawa Ranpo. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 10(852), 138–149. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_10_852_138

Введение

Среди функций ононапоэтических единиц, наряду с привлечением внимания, созданием ритма, уточнением значения некоторых глаголов регулярно выделяется также экспрессивная функция [Osaka, 1999; Schourup, 1993]. Кроме того, некоторые исследователи рассматривают ононапоэтическую лексику в контексте ее метафорического и метонимического употребления, очевидно, относя ононапоэтические слова к средствам художественной выразительности японского языка [Борисова, 2019; Fass, 1988; Tomoda, 1984; Yamanaka, 2008].

Цель настоящего исследования – верифицировать гипотезу о функционировании ононапоэтических слов в качестве одного из средств выразительности, для этого ставятся следующие задачи: 1) отобрать из рассматриваемых текстов ононапоэтические единицы методом сплошной выборки; 2) провести статистический анализ отобранных единиц, уделяя внимание изменению плотности ононапоэтических слов на единицу текста; 3) при необходимости провести анализ словарных дефиниций и подвергнуть рассматриваемые единицы контекстуальному анализу для выявления особенностей употребления разных семантических категорий этих единиц в тексте.

Исследуемый материал

В процессе работы над переводом на русский язык произведений классика японского детективного жанра – Эдогавы Рампо – мы подробно изучили пять из восьми рассказов цикла «Детектив Акэти Когоро» (цикл включает в себя восемь рассказов, две повести и два романа) [Edogawa, 2017] и считаем возможным сделать некоторые предварительные выводы о функционировании ононапоэтических единиц в произведениях этого писателя.

Методика проведения исследования

Из текстов пяти рассказов методом сплошной выборки была отобрана 291 ононапоэтическая единица. Среди них обнаружено

119 уникальных единиц, остальные единицы повторяются или являются структурными и фонетическими вариантами типа *фуцүфуцү / буцүбуцү, киракира / кирарикирари* и т. п. Бросается в глаза неравномерность распределения этих единиц в тексте, что и позволило нам высказать описанную выше гипотезу.

Статистический анализ изучаемых единиц позволяет оценить не только количество единиц в тексте и частотность употребления различных семантических категорий оноματοпозитиков, но и определить плотность распределения единиц в тексте. Анализ словарных дефиниций и семантический, а также контекстуальный анализ позволяет уточнить элементы значений, релевантные для создания тактильного, визуального, аудио и других эффектов синестетического воздействия на реципиентов текста.

Связь с предшествующими исследованиями

При рассмотрении функции японской оноματοпеи неоднократно отмечалась важная роль, которую оноματοпозитические единицы играют для непосредственной передачи чувств, эмоций и ощущений носителя языка благодаря явлению синестезии, что создает «эффект присутствия» [Osaka, 1999; Schourup, 1993].

С. Томода указывает на некоторое сходство между оноματοпозитическими выражениями и метафорами, особенно при рассмотрении обоих явлений в качестве «символического концепта» [Tomoda, 1984, с. 191]. Говоря в первую очередь о метафорическом «расширении» значения оноματοпозитических единиц, Н. Г. Румак также утверждает, что оноματοпозитические лексемы могут интерпретироваться реципиентом текста как метафоры, так как единицы и выводимые из нее (например, эмоциональное состояние, ассоциирующееся с движением или физическим состоянием, которое связано со звуком, передаваемым звукоподражанием) [Румак, 2017].

Вместе с тем, если исходить из утверждения о том, что оноματοпозитические единицы «не описывают, а создают непосредственное ощущение», их можно рассматривать и как вариант метонимии, так как, по утверждению Д. Фэсса, который перефразирует Дж. Лакоффа и М. Джонсона, «в метонимии одна сущность выступает вместо другой, в то время как метафора – способ, при котором одна сущность рассматривается, как другая» [Fass, 1988, с. 177]. Нам представляется,

что метафоричность оноματοпоэтических единиц является, скорее, внутренней характеристикой, будучи заключенной в значении единицы, так как она позволяет ассоциировать звук с образом движения, а образ движения – с эмоцией. Реципиент же, вероятно, воспринимает эти единицы метонимически как замещающие для него соответствующие звуки, образы и эмоции.

А. Борисова, К. Яманака отмечают гораздо бóльшую частотность метонимии в японской поэзии, при этом Борисова указывает, что «японцу гораздо легче определять понятия исключительно по их пространственной смежности, включенности в контекст, принадлежности к одной группе, одному контексту» [Борисова, 2019, с. 86, 32; Yamanaka, 2008, с. 46]. Можно предположить, что именно метафоричность и метонимичность оноματοпоэтических единиц, а также их «многослойность» – ёмкость значения, когда в одной единице сочетаются звуковые, тактильные, эмоциональные и другие характеристики – является привычным для носителя японского языка средством художественной выразительности, которое позволяет воссоздавать описанную в тексте картину происходящего в сознании реципиента, тем самым оживляя повествование.

Данные, полученные в результате анализа

1. Оноματοпея в рассказе «Призрак»

В самом коротком из рассматриваемых произведений, в рассказе «Ю:рэй» ([Edogawa 2017, с. 874–884] «Призрак» в нашем переводе) на десяти страницах (рабочего файла Word) встречается 54 оноματοпоэтических единицы (из них четыре раза повторяется единица *биккуру* «удивиться, испугаться» (также в форме *бикубику*) и *фу-то* «внезапно», по три раза *су:т-то* «плавно, незаметно», *хеи* «легко» и *суккари* «полностью», по два раза *гаккари* «разочароваться», *дзит-то* «долго, пристально» и *соросоро* «потихоньку» – таким образом, уникальных единиц обнаружено 38). Среди них встречаются звукоподражания (*унъун* «стенать», *додон* «грохот», *дза:* «шорох», *гатян* «звяканье, удар») и звукоизобразительные слова (*тэкутэкутэку асэ-о нагасу* «обливаться потом», *баттари таорэру* «рухнуть плашмя», *тэ-га одзиодзи-то нобиру* «рука робко тянется»).

В этом рассказе ясно видно, что плотность оноματοпоэтических единиц, одна из основных функций которых, как уже было

сказано, – непосредственно выразить чувства носителя языка, передать его ощущения и эмоции, резко повышается при нарастании эмоционального напряжения повествования (сцена, в которой герой рассказа получает странное, пугающее его письмо) и падает почти до нуля при изложении логических выкладок и рассуждений детектива:

Карэ ва тётто-но айда сорэ-о нагамэтэ ита га, **фу**-то наника китанай моно-ни дэмо саватта токи-но ё:-ни, **пой**-то цукуэ-но уэ-ни хооридасита. Соситэ фуан расий мэцуки дэ хэя-но нака-о **кёрокёро** мимавасу но дэ атта.

Сибараку суру то, карэ-но тэ-га **одзюдзи**-то, има хооридасита бакари-но сясин-но хо:-э нобитэ итта. Сикаси хирогэтэ тётто миру то, **пой**-то хооридасу но да... **Дзо:т**-то карэ-но сэнака-о цумэтэй моно-га хаиагатта. Карэ ва икинари соно сясин-о **дзутадзута**-ни хикисайтэ сүто:бу-но нака-ни нагэкому то, **фурафура**-то татиагаттэ, сёсай-кара ни гэдасита.

Какое-то мгновение он разглядывал фотографию и **вдруг**, будто прикоснувшись к чему-то нечистому, **швырнул** фото на стол и **беспокойно** обвел комнату глазами.

Спустя какое-то время его рука **робко** потянулась к листку, который он только что отбросил. Но лишь взглянув на него, он снова **отшвырнул** его в сторону. <... По спине господина Хираты пробежал **холодок**. Он вдруг схватил снимок, изорвал его **в мелкие клочья** и бросил в печку, потом поднялся и на **дрожащих** ногах выбежал из кабинета.

Напротив, на полутора страницах логических выкладок и умозаключений детектива Акэти встречается всего две оноματοпоэтических единицы, и те появляются только тогда, когда детектив, снимая напряжение собеседника, начинает описывать действия своего противника:

О-тэй-э куру ю:бинбуцу мо о-тэй-кара дэру ю:бинбуцу мо, **суккари** карэ ва митэ ита ни со:и аримасэн... Банъиро:-но най о-якусё-но сёруй-ни мо **тёйтёй** нукэмэ-га ару моно дэс нэ.

Я уверен, что он просматривал **всю** почту, которая приходила к Вам в усадьбу, и ту, что Вы отправляли из усадьбы. <...> Даже в тех учреждениях, где никогда не бывает промашек, **нет-нет** да и случается недосмотр.

Более того, если сравнить категории оноματοпоэтических слов, употребленных в том и другом отрывке, видно, что в первом случае, наряду с описанием образа действия (*фу-то саватта* «внезапно

прикоснулся», *пой-то хооридасу* «отшвырнуть, резко отбросить», *дзутадзута-ни хикисасу* «изорвать в мелкие клочки»), что само по себе оживляет картину происходящего, встречается также не меньшее количество единиц, описывающих физическое и / или эмоциональное состояние персонажа (*кёрокёро мимава* «**беспокойно** обвести глазами», *одзиодзи-то нобиру* «**робко** протянуться», *дзо:т-то хаиагару* «пробегаёт **холодок**», *фурафура-то татиагару* «**на дрожащих** ногах»), что, очевидно, должно помочь читателю взглянуть на происходящее глазами героя. Во втором же отрывке автор употребляет лишь единицы, указывающие на степень полноты, интенсивность, частоту совершения действия (*суккари* «полностью, без исключений», *тёйтёй* «часто»), что, безусловно, обогащает текст, однако не так оживляет повествование, как указание на физическое и эмоциональное состояние героя.

Мы намеренно объединяем здесь физическое и эмоциональное состояние, так как одна из особенностей ономастопоэтических единиц – не только позволять значению многозначного слова развиваться от конкретного к более абстрактному за счет метафорического и метонимического переноса, но и одновременно сочетать эти значения в одной и той же единице. Так, *кёрокёро* – это и вращение головой (глазами) в поисках какого-то предмета, и беспокойство из-за невозможности его сразу найти; *фурафура* – как продолжительные колебания (из-за отсутствия стабильности) и «невозможность нормальных движений тела из-за усталости», так и (возможно) «нестабильность настроения, мыслей» (значения приводятся по «Толковому японско-русскому словарю ономастопоэтических слов» [Румак, Зотова, 2012]).

1.2. Сравнение употребления ономастопеи в разных произведениях

Интересные результаты дает сравнение распределения в тексте ономастопоэтических слов в разных произведениях. Например, рассказы «*D-дзака-но сацудзин дзикэн*» ([Edogawa, 2017, с. 835–852] «Убийство на улице D» в нашем переводе) и «*Куротэ-гуми*» ([Edogawa 2017, с. 886–901] «Банда черной руки» в нашем переводе) представляют собой, скорее, запись впечатлений рассказчика от некоторых событий, в них почти отсутствует непосредственное описание происходящего. В обоих рассказах примерно равное количество ономастопоэтических слов (39 единиц на 15 и 38 единиц на 13 страниц соответственно) относительно равномерно распределено по тексту; в обоих рассказах (как, собственно, и в других произведениях)

большая часть ономастических единиц относится к описанию состояния или образа действия, а также степени интенсивности совершения действия, при этом в «Убийстве» сравнительно много (9) звукоподражаний, в то время как в «Банде» звукоподражаний всего два, зато имеется пять единиц, обозначающих физическое (2) и эмоциональное (3) состояние человека.

Можно с уверенностью утверждать, что такое распределение напрямую связано с содержанием произведений. Как сказано ранее, оба рассказа представляют собой, скорее, впечатления и сообщение о произошедших событиях, а не описание происходящего. В «Убийстве» два друга наблюдают за домом и, почувствовав что-то странное, заходят туда и обнаруживают погибшую женщину; далее ведется расследование преступления, герои беседуют и делятся своими соображениями. В «Банде» герой, узнав о происшествии в доме родственника, спешит к нему выразить сочувствие и оказать помощь, после чего приглашает друга-детектива, который и разрешает проблему.

Однако и в том, и в другом произведении есть короткие эпизоды, где действие разворачивается непосредственно «на глазах у читателя»: в «Убийстве» герой сначала «рассеянно» наблюдает за домом напротив, «долго и неподвижно» ждет, когда кто-нибудь выйдет наружу, затем «внезапно» слышит «хлопок» закрывающейся двери и снова «долго и напряженно» вглядывается в дом. Когда же друзья заходят в магазинчик, где обычно «одиоко» сидит кто-то из хозяев, они «врываються» в жилое пространство, «вскрикивают» от увиденного, а потом, напряженно вслушиваясь в то, что происходит снаружи, отмечают «стук» гэта по улице. Таким образом, в этих отрывках преобладают ономастические единицы, описывающие восприятие на слух, визуальное восприятие либо состояние, связанное с непосредственным визуальным восприятием.

В «Банде» плотность ономастических единиц на единицу текста резко повышается только в одном отрывке, когда родственник героя описывает, как он с помощником пытался передать деньги шантажисту. Персонаж «робко» приходит на место преступления, «долго, терпеливо, неподвижно» ждет (его помощник между тем «внимательно» следит за светом фонарика старшего); появившийся преступник «резко» вытягивает вперед руку и «шикает» на человека, который дает ему деньги; далее из кустов «с шорохом» выбирается помощник, «робко» спрашивая,

ушел ли преступник. Таким образом, здесь акцент делается на слуховых ощущениях (герои действуют в сумерках) и на эмоциональном состоянии персонажей.

Напротив, в рассказах «*Синри-сикэн*» ([Edogawa, 2017, с. 854–872] «Психологический эксперимент» в нашем переводе; «Психологический тест» в переводе Г. Дуткиной; далее – «Эксперимент») и «*Янэура-но самтося*» ([Edogawa, 2017, с. 903–926] «Чердак» в нашем переводе) большое внимание уделено действиям и мотивации героев, а главное – подробно описаны кульминационные моменты: совершение убийств. «Чердак» резко выделяется на фоне других рассказов большим количеством онома topoэтических слов: 111 единиц на 20 страниц текста, примерно в два раза больше, чем в других произведениях этого цикла (в «Эксперименте» на 17 страниц текста приходится 49 единиц). Это неудивительно, так как именно этот рассказ посвящен подробному описанию жизни героя, его действий и чувств, в то время как «Эксперимент» сконцентрирован больше на оценочных рассуждениях.

В «Чердаке», как и в других произведениях, концентрация онома topoэтических единиц на единицу текста резко повышается в ключевых для повествования эпизодах: обнаружение героем незакрепленной доски, через которую он может выбираться на чердак; идея воспользоваться ядом; собственно сцена убийства и сцена разоблачения. В «Психологическом эксперименте» таких эпизодов два: сцена убийства, где также резко увеличивается количество онома topoэтических единиц и (несколько в меньшей степени) сцена разоблачения. Сравним две сцены убийства (с сокращениями) из этих двух рассказов.

Карэ ва покэтто-кара, докуяку-но бин-о торидасу то, хиторидэ-ни фуруидасу тэсаки-о, **дзит**-то тамэнагара... **потори-потори-потори**, то сугэки... Сита-но Эндэ ва ун то мо су: то мо иванай но дэс... Сабуро: ва осору осору мэ-о хирайтэ судзиана-о нодзойгэ мимасита. Суру то, Эндэ ва, кути-о **мунямуня** сасэ, рётэ-дэ кутибиро-о суру ё:-на какко:-о ситэ... мата мо я **гу:гу:**-то нэйтэ симау но дэсита... Эндэ ва **фут**-то мэ-о хиракимасита. Соситэ, хансин-о окоситэ, само фусигисо:-ни хэя-но нака-о мимаваситэ имас. Мэмаи дэ мо суру но ка, куби-о футтэ митари... увагото-но ё:-на ими-но най кото-о **буцубуцу**-то цубуйтэ митари... ятто мата макура-ни цукимасита... Сасимо акакатта каоиро-га, дзёдзё-ни самэтэ, ками-но ё:-ни сироку натта ка то омоу то... ибики-га яндэ, до:яра, суу ики, хаку ики-но досу:-га хэттэ кимасита. Футо мунэ-но токоро-га угоканаку натта... Мата кутибиру-га бикубику ситэ, нибуи

кою:-га каэттэ китари симас. Саннэ кото-га ни-сандо курикаэсарэтэ, сорэ-дэ осимаи дэсита. Мо: кар эва угоканай но дэс. **Гуттари**-то макура-о хадзусита као-ни... хохоеми-га укандэ имас.

Вынув из кармана бутылочку с ядом, Сабуро, сдерживая естественное дрожание руки... – **кап! кап! кап!** – вылил несколько капель... Эндо под ним **не пикнул** и даже **не вздохнул**. Сабуро осторожно открыл глаза и, заглянув в отверстие, как раз увидел, как Эндо **почмокал** ртом и попытался вытереть губы, а потом снова **крепко** заснул. <...> Эндо **вдруг** широко открыл глаза, приподнялся на постели и удивленно оглядел комнату. Он потряс головой... как будто у него закружилась голова, пробормотал что-то **невыразительное**... но снова упал на подушку... Красное лицо постепенно остыло и стало белым, словно бумага... В какой-то момент храп прекратился и, кажется, уменьшилось количество вдохов и выдохов. Потом грудь **вдруг** прекратила двигаться... Губы вновь **дрогнули** и вернулось слабое дыхание. Так повторилось два-три раза и вот, наконец, всё закончилось. Эндо больше не двигался. Голова его **безвольно** упала с подушки, и на лице появилась... улыбка.

Интересно, что в этом фрагменте акцент делается на описании состояния жертвы убийства – мы как бы наблюдаем его глазами убийцы. А вот эпизод из «Эксперимента»:

Мокутэки-но изэ-но маэ-ни татта токи дакэ ва... **бикубику**-ситэ дзэнгосаю:-о мимава сита. Карэ ва... ко:сито-о, **сорорисорори**-то сукоси мо ото-о татэнай ё:-ни кайхэй сита... Карэва [ро:ба-но] куби-о симэта. Ро:ба ва нодо-но токоро-дэ **гут**-то ю ё:-на ото-о дасита бакари дэ, тайситэ могаки мо синакатта...

Карэ ва мокутэки-но токонома-э иттэ, рэй-но мацу-но ки-но нэмото-о моттэ, цутиморо томо **суппори**-то уэкибати-кара хикинуйта... Сорэ-кара, карэ ва... хидари-но покэтто-кара... найфу-о торидаситэ ха-о хираку то, синдзо:-о мэгакэтэ **гусат**-то цукисаси, **гуй**-то хитоцу эгуттэ ойтэ хикинуйта...

Сатэ, Фукия ва... фусума-но симари мо васурэнайдэ **юккури**-то гэнкан-э дэтэ кита... Омотэ-но тоори ва тэнки-цудзуки-дэ **каракара**-ни кавайтэ ита... Карэ ва **дзит**-то мими-о сумаситэ, симбо: цуёку омотэдоори-но асиото-о кико:-то сита... **Син**-то ситэ нан-но кэхай мо най. Доко-ка-но ути-дэ кото-о дандзиру ото-га **короринсян**-то сigoку нодокани кикоэто иру бакари да... Фукия ва... дзуйкин-но тиисай ко:эн-о мэдзаситэ **бурабура**-то аруйтэ итта.

И лишь встав перед домом старухи, Фукия вдруг **задрожал**... и стал **опасливо** оглядываться вокруг... Он **очень аккуратно**, так, чтобы не

издать ни звука, открыл и потом закрыл за собой решетчатую дверь... Он... изо всех сил начал душить [старуху] за шею. Старуха лишь издавала горлом какие-то **сдавленные** звуки и даже не очень дергалась.

<...> Он подошел к своей цели – токономе, взял сосновое деревце за основание и вместе с комом земли **целиком** вытащил из горшка... Затем он... вынул из левого кармана... нож, открыл его, **вонзил** старухе в грудь, целясь в сердце, **с силой** повернул и вытащил.

...Итак, Фукия... не забыв закрыть за собой перегородку фусума, **спокойно** вышел в прихожую. <...> Дорожка снаружи по хорошей погоде была **совершенно сухая**. ...Он долго стоял, наострив уши, пытаясь услышать шаги на улице... но было **абсолютно тихо**, не доносилось ни звука. Лишь тихонько раздавался откуда-то издали **перезвон** струн кото. Фукия... **спокойно** пошел дальше в направлении небольшого парка.

Здесь, напротив, автор дает читателю почувствовать эмоциональное состояние героя, увидеть, услышать и почувствовать происходящее его глазами и остальными органами чувств.

Заключение

Таким образом, оставляя для дальнейшего изучения вопрос о сочетании метафорических и метонимических свойств оноματοпоэтических единиц, мы можем с уверенностью утверждать, что наряду с чисто лингвистическими функциями (например, уточнением значений глаголов) оноματοпоэтические единицы могут также выступать в тексте как средство художественной выразительности, оживляя повествование, приближая его к реципиенту-читателю и позволяя читателю погрузиться в описываемые картины, воспринимая их с точки зрения персонажей – непосредственных наблюдателей и / или участников событий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Osaka N.* (ed.). *Kansei-no kotoba-o kenkyu:suru : giongo-gitaigo-ni yomu kokoro-no arikata = To study words of emotions: how to read one's state of mind in onomatopoeic and mimetic words.* Tokyo: Shinyosha, 1999.
2. *Schourup L.* *Nichi-ei onomatope-no taisho: kenkyu: = Comparative study of Japanese and English onomatopoeia.* Gengo. 1993. # 6. Vol. 22. P. 48–55.
3. *Борисова А. С.* Анализ средств художественной выразительности в японском тексте Книги Псалтирь: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2019.

4. Fass D. Metonymy and Metaphor: What's the Difference? Coling Budapest. Vol. 1: International Conference on Computational Linguistics. 1988. P. 177–181. URL: <https://www.aclweb.org/anthology/C88-1036.pdf> (дата обращения 30.08.2020).
5. Tomoda S. Onomatopoeia and Metaphor. Coyote Papers: Working Papers in Linguistics from A-Z, Studies on Native American Languages, Japanese and Spanish. 1984. P. 191–213. URL: <http://hdl.handle.net/10150/226545> (дата обращения 30.08.2020).
6. Yamanaka K. The tradition and transformation of metaphor in Japanese. Metaphors for Learning: Cross-cultural Perspectives. Erich Adalbert Berendt ed. John Benjamins Publishing. 2008. P. 29–52. URL: <https://www.jbe-platform.com/content/books/9789027291608-04yam> (дата обращения 30.08.2020).
7. Edogawa R. Edogawa Ranpo sakuhin-shu: = Collected writings by Edogawa Ranpo. Osaka: Inkunabura. E-book, 2017.
8. Румак Н. Г. Полисемичные ономатопоэтические слова в японском языке // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2017. Вып. 4. С. 20–28.
9. Румак Н. Г., Зотова О. П. Толковый японско-русский словарь ономатопоэтических слов. Москва: Моноггарии, 2012.

REFERENCES

1. Osaka, N. (ed.). (1999). Kansei-no kotoba-o kenkyu:suru : giongo-gitaigo-ni yomu kokoro-no arikata = To study words of emotions: how to read one's state of mind in onomatopoeic and mimetic words. Tokyo: Shinyosha.
2. Schourup, L. (1993). Nichi-ei onomatope-no taisho: kenkyu: = Comparative study of Japanese and English onomatopoeia). Gengo. # 6. Vol. 22. P. 48–55.
3. Borisova, A. S. (2019). Analiz sredstv khudozhestvennoi vyrazitel'nosti v yaponskom tekste Knigi Psaltir' = Analysis of means of expression in the Japanese text of the Book of Psalms: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
4. Fass, D. (1988). Metonymy and Metaphor: What's the Difference? Coling Budapest. Vol. 1: International Conference on Computational Linguistics. P. 177–181. <https://www.aclweb.org/anthology/C88-1036.pdf> (accessed 30.08.2020).
5. Tomoda, S. (1984). Onomatopoeia and Metaphor. Coyote Papers: Working Papers in Linguistics from A-Z, Studies on Native American Languages, Japanese and Spanish. P. 191–213. <http://hdl.handle.net/10150/226545> (accessed 30.08.2020).
6. Yamanaka, K. (2008). The tradition and transformation of metaphor in Japanese. Metaphors for Learning: Cross-cultural Perspectives. E. Adalbert Berendt ed. John Benjamins Publishing. P. 29–52. <https://www.jbe-platform.com/content/books/9789027291608-04yam> (accessed 30.08.2020).

7. Edogawa, R. (2017). Edogawa Ranpo sakuhin-shu: = Collected writings by Edogawa Ranpo. Osaka: Inkunabura. E-book.
8. Rumak, N. G. (2017). Polisemichnye onomatopoeiticheskie slova v yaponskom yazyke = Polysemic onomatopoeitic words in Japanese language. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie, 4, 20–28. (In Russ.)
9. Rumak, N. G., Zotova, O. P. (2012). Tolkovyj yaponsko-russkii slovar' onomatopoeiticheskikh slov = Japanese-Russian dictionary of onomatopoeitic words. Moscow: Monogatari. (In Jap.-Russ.)

Информация об авторе

Румак Н. Г. – кандидат филологических наук,
доцент кафедры японской филологии Института стран Азии и Африки
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Information about the author

Rumak N. G. – PhD of Philology, Associate Professor,
Japanese philology Department, Institute of African and Asian Studies,
Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию 03.06.2021; одобрена после рецензирования
02.07.2021; принята к публикации 05.07.2021

The article was submitted 03.06.2021; approved after reviewing 02.07.2021;
accepted for publication 05.07.2021

Научная статья

УДК 81

DOI 10.52070/2542-2197_2021_10_852_150

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ
ВОЕННЫХ ТЕРМИНОВ
(на материале современного вьетнамского языка)**

В. А. Сербин

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия, vietvladimir@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается проблема пополнения системы военных терминов с помощью семантических средств на материале современного вьетнамского языка. Автор делает теоретический обзор семантических процессов терминообразования, а также приводит практические примеры из военной терминологии современного вьетнамского языка. Выделяются следующие способы семантического терминообразования: терминологизация, межсистемное заимствование лексем, а также некоторые способы перехода военных терминов в разряд общеупотребительной лексики. Материал исследования и представленные выводы могут быть полезны в лексикографии, теории и практике перевода.

Ключевые слова: терминологизация, семантическое терминообразование, межсистемный перенос, военный термин, вьетнамский язык

Для цитирования: Сербин В. А. Семантические способы образования военных терминов (на материале современного вьетнамского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 10 (852). С. 150–162. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_10_852_150

Original article

**SEMANTIC WAYS OF MILITARY TERMINOLOGY FORMATION
(based on modern vietnamese)**

V. A. Serbin

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia, vietvladimir@gmail.com

Abstract. The article discusses the problem of replenishing the system of military terms by means of semantic means on the material of modern Vietnamese. The author makes a theoretical review of the semantic processes of term formation, as well as gives practical examples from the military terminology of the modern Vietnamese

language. The article examines the following ways of semantic terminology formation: terminologization, intersystem lexeme borrowing, as well as some ways of transition of military terms into the category of common vocabulary. The research material and the presented conclusions can be useful in lexicography, theory and practice of translation.

Key words: terminology, semantic term formation, intersystem transfer, military term, the Vietnamese language

For citation: Serbin, V. A. (2021). Semantic ways of military terminology formation (based on modern Vietnamese). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10 (852), 150–162. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_10_852_150

Введение

Терминология представляет собой систему, во многих аспектах связанную с национальным литературным языком, и в первую очередь в семантическом [Косова, 2004].

Наряду со структурным терминообразованием, во вьетнамском языке выделяется еще один способ образования терминов за счет развития их семантического значения. Общеупотребительные слова широко используются во всех сферах человеческой жизни, выражая различные понятия, образуя новые слова. Военный термин же обозначает понятие и называет вещи только в пределах военной сферы. Однако в целях пополнения военно-терминологического фонда в языке зародилось очень динамичное правило, которое заключается в использовании общеупотребительных слов для формирования военных терминов.

Специфичность терминообразовательных процессов проявляется в семантической структуре термина. В военной терминосистеме вьетнамского языка эти виды терминообразования протекают по нескольким направлениям – это специализация значения общеупотребительного слова (терминологизация), расширение семантического значения (метафоризация) и межсистемное заимствование лексем.

В качестве предмета данной статьи мы рассмотрим семантические пути терминообразования в военной терминологии на материале современного вьетнамского языка, а именно явление терминологизации и межсистемного заимствования лексем.

Целью данной работы является комплексное исследование, лингвистическое описание структурно-семантических особенностей терминологического словообразования путем семантического преобразования на примере военной терминологии вьетнамского языка.

Материалом исследования послужил Словарь военных терминов вьетнамского языка с общим количеством 2352 словарных единиц [Trung tâm từ điển bách khoa quân sự, 2007].

Терминологизация

Согласно В. М. Лейчику, существует три вида семантического терминообразования:

- терминологизация, как процесс перехода слов общеупотребительного языка в определенную терминосистему; детерминологизация, как процесс превращения термина в общеупотребительное слово;
- ретерминологизация, как межсистемное заимствование терминов [Лейчик, 1989].

Этой точки зрения также придерживается С. В. Гринев, исследуя терминологизацию как отдельный вид семантического терминообразования. Так, он приводит следующие варианты этого процесса:

- терминологизация общеупотребительного значения слова;
- расширение значения общеупотребительного слова;
- метафоризация значения общеупотребительного слова;
- метонимический перенос значения общеупотребительного слова;
- – межсистемное заимствование лексем [Гринев, 1993].

Терминологизация представляет собой результат взаимодействия военных терминов и общеупотребительной лексики. Благодаря данному процессу создается возможность установить содержательные различия между термином и общеупотребительным словом, провести параллель между термином и соотносимым с ним понятием, разграничить полисемию и омонимию в терминологии, рассмотреть степени развития значения [Косова, 2004].

Под терминологизацией мы понимаем использование исходной языковой оболочки, при расширении или сужении содержательной структуры какого-либо термина. То есть сохранение необходимых семантических признаков для формирования военного термина или же пересмотр какого-либо общеупотребительного понятия с точки зрения военной науки.

Общеупотребительная лексика вьетнамского языка в основном содержит слова исконно вьетнамского происхождения. Они называют конкретные, малоабстрактные предметы, явления, качества, действия, состояния. Соответственно, при заимствовании данных слов

в специальную терминосистему происходит сужение, конкретизация семантических границ понятия: *địa hình* – местность, *bắn* – стрелять, *đồng bằng* – равнина, *bến phà* – паром, *địa bàn* – компас, *sóng* – волна. Так, слово «bắn» в общелитературном языке обладает большим количеством значений:

- bắn 1.** вести отстрел, охотиться – *bắn chim* (отстреливать птиц); **2.** хлестать, разлетаться – *làm bắn bùn người đi đường* (обрызгать грязью проходящего мимо человека), *nước bắn tung toé* (вода хлещет во все стороны); **3.** разг. перепоручать, передавать, переводить – *bắn nợ* (передать долговое обязательство), *bắn tiền vào tài khoản* (перечислить деньги на счет); **4.** перекачивать, передвигать рычагом – *bắn tảng đá sang vệ đường* (перекатить камень на обочину); **5.** скрытно распространять, передавать – *bắn tin* (передать сведения); **6.** охватывать, распространяться по чему-л., проходить сквозь что-л. – *run bắn cả người* (дрожь охватила все тело); **7.** отскакивать, выскакивать, выкатываться – *thằng bé chạy bắn ra đường* (мальчик выскочил на дорогу); **8.** разг. курить кальян (сделанный из бамбуковой трубки); **9.** использовать деньги, материальные ценности для дачи взятки, подкупа – *cứ bắn thật mạnh vào thì tôi được việc* (дай побольше денег и все получишь!). При переходе в военную терминосистему семантическое поле данного понятия сужается к единственному значению «стрелять, вести огонь» – *bắn súng ngắn* (стрелять из пистолета), *bắn cối* (стрелять из миномета), *bắn tỉa* (стрелять из снайперской винтовки), соответственно все многообразие значений этого слова в общелитературном языке опускается [Новый большой вьетнамско-русский словарь, 2012].

Đồng bằng – равнина. В толковом словаре вьетнамского языка имеет значение «ровный, слабохолмистый обширный участок суши, находящийся ниже уровня моря» [Viện Ngôn ngữ học, 2003]. В словаре военных терминов вьетнамского языка данное понятие трактуется следующим образом «относительно ровная и широкая местность, имеющая небольшое колебание высот (до 200 м) и незначительный уклон (до 5°). Хорошо подходит для проведения высадки морского десанта. Обычно обладает твердым грунтом, что благоприятно для совершения маневров механизированных средств, но тяжело для оборудования инженерных сооружений» [Trung tâm từ điển bách khoa quân sự, 2007].

Chính diện – фасад, анфас, воен. фронт (как сторона боевого порядка войск). В толковом словаре вьетнамского языка имеет значение «главная сторона, сторона, расположенная сразу спереди» [Viện Ngôn ngữ học, 2003]. В словаре военных терминов вьетнамского языка данное понятие трактуется следующим образом: «главная сторона, обращенная к противнику, при оперативном построении войск» [Trung tâm từ điển bách khoa quân sự, 2007].

Điểm cao – высота. В толковом словаре вьетнамского языка имеет значение «участок земной поверхности, приподнятый относительно окружающих пространств, таких как горы, холмы, пригорки» [Viện Ngôn ngữ học, 2003]. В словаре военных терминов вьетнамского языка данное понятие трактуется следующим образом: «Точка местности, приподнятая относительно окружающего пространства. В военной сфере высота имеет очень важное значение. При овладении высотой создаются благоприятные условия для наблюдения за противником и тактическое преимущество» [Trung tâm từ điển bách khoa quân sự, 2007].

Таким образом, мы видим, что вышеуказанные военные термины подвергаются сужению, специализации семантического значения, которым они обладают в общелитературном языке.

Согласно вьетнамскому лингвисту Ву Куанг Хао, «в военной терминологии вьетнамского языка доля терминов, образованных путем терминологизации очень мала, и составляет 4%» [Vũ Quang Hào, 1991]. Это говорит о том, что, несмотря на простоту и удобство данного способа, он не может обеспечить универсальность терминообразования.

Во вьетнамском языке также существуют примеры *перехода военного термина в общеупотребительную лексику*, т.е. расширение границ своего функционирования. При этом сам термин подвергается процессу расширения семантического поля путем изменения значения и синтаксических характеристик. Так, термин «*máy bay*» в рамках военной терминосистемы имеет значение «воздушное судно тяжелее воздуха, предназначенное для полетов в атмосфере с помощью силовой установки, создающей тягу, и неподвижного относительно других частей аппарата крыла, создающего подъемную силу». Однако в разговорной речи значение этого слова кардинально меняется, перетекая даже в народный фольклор, обозначая «роман взрослой женщины и молодого парня» – «*phi công trẻ thích lái máy bay già*» (юный летчик, которому нравится летать на старом самолете), где молодой парень это «юный летчик», а женщина это «старый самолет», которым он управляет.

Кроме того, существуют примеры перехода военных терминов в общеупотребительный язык, путем сохранения основного семантического значения, но изменения денотата. Так, термин *chiến dịch* – операция, в военной терминосистеме определяется как «совокупность ударов, боев, сражений, согласованных и взаимосвязанных по цели, времени и месту проведения, проводимых оперативными объединениями одного или нескольких видов вооруженных сил по единому замыслу и плану для решения оперативных или стратегических задач» [Васильев, 2016]. При переходе в разряд общеупотребительной лексики это понятие означает «действие или ряд действий, предпринятых с какой-либо целью, направленных на достижение чего-либо», например, *phát động chiến dịch diệt chuột* – начинать операцию по уничтожению грызунов [Малый академический словарь русского языка, 1999]. В данном контексте слово «операция» имеет не военное, а общезыковое значение.

Некоторые терминологизированные слова активно участвуют в процессе терминологического словообразования, становясь составными частями сложных терминов, например *lưới nguy trang* – маскировочная сеть, *bản đồ địa hình* – карта местности, *phòng ngự thành phố* – оборона города, *điểm cao không chế* – господствующая высота, *chỉ đạo chiến lược* – стратегическое руководство и т. д.

Таким образом, все вышеперечисленные единицы могут быть и общеупотребительными словами, и военными терминами, которые выражают различные значения одного итого же понятия или предмета. Будучи общеупотребительными словами, они передают самые общие семантические характеристики какого-либо понятия, однако после процесса терминологизации данные понятия специализируются и выражают характеристики только в рамках военной науки.

Межсистемное заимствование лексем

Подобно тому, как лексема из общелитературного языка способна проникнуть в определенную терминосистему, так и термин одной научной области может быть подвергнут переосмыслению и войти в терминологическую систему другой науки.

К. Я. Авербух отмечает, что развитие современной науки влечет за собой интеграцию научного знания и «связанное с ней последовательное сближение многих научных дисциплин... В сфере языка это

находит непосредственное отражение в том, что в местах наиболее активных контактов различных научных дисциплин их языки сближаются, взаимно дополняя друг друга, используя терминологию не только той и другой науки, но также и продуцируя новые специфические для появившейся комплексной проблемы термины» [Авербух, 2004].

В. М. Лейчик называет такие термины привлеченными, т. е. это термины, «относящиеся к смежным отраслям знания, но необходимые для построения терминов данной отрасли» [Лейчик, 2007].

Переход терминов из одной терминосистемы в другую представляет собой довольно распространенное явление. Данный процесс происходит в различных терминосистемах и зависит от степени развития конкретной отрасли знаний.

Межсистемному заимствованию лексем, как способу терминообразования, характерна быстрота заимствования терминологических единиц для какой-либо новой области знаний. Это не только влияет на точность специальных понятий при заимствовании терминов, но и упрощает процесс терминообразования.

Особенностью военной терминологии как системы является ее междисциплинарный характер – помимо собственно военных терминов военная терминология вьетнамского языка включает большое количество терминов, заимствованных из других областей науки и техники. Например, *hoá học* – химический, *hợp chất* – смесь, *độ bền* – прочность, *ăn mòn* – коррозия, *công trình* – сооружение.

Межсистемное заимствование терминов представляет собой двунаправленный процесс и в результате приводит к значительному расширению сферы применения терминов. Вьетнамской военной терминосистеме, как и военным терминологиям других языков, присущ путь заимствования терминов нежелезной отдачи. Это объясняется тем, что чисто военные понятия занимают небольшой процент терминологического фонда всего языка. Большую часть составляют общеупотребительные слова, термины других отраслей и заимствованная лексика. Одной из сфер, наиболее активно оперирующей военной терминологией, является сфера **спорта**. Практически во всех видах спорта, помимо основной специальной терминологии, для именования тактических действий используется терминология военная: оборона – *phòng ngự*, нападение – *tấn công*, маневр – *cơ động*, новобранец – *tân binh*, боец – *chiến đấu viên*, полузащитник – *tiền vệ* и т. д. Это

объясняется особенностью менталитета народов мира, в сознании которых война представляет собой устойчивый архетип. Спорт – это своеобразная имитация войны. В других сферах (*медицина*: *полевая хирургия* – *ngoại khoa dã chiến*, *ишемическая атака* – *tấn công thiếu máu cục bộ*; *строительство*: *пистолет для бетона* – *súng bắn bê tông*, *экономика*: *экономическая блокада* – *phong tỏa kinh tế*, *торговая война* – *chiến tranh thương mại* и т. д.) также можно встретить военные термины, но их количество незначительно.

При переходе какого-либо термина в военную сферу из другой области знаний, происходит частичное изменение его семантических характеристик путем специализации значения в военных целях. С точки зрения функционирования эти термины можно разделить на два вида: самостоятельные термины и составные части терминов-словосочетаний. К первым относятся такие термины, как *ăn mòn kim loại* – *коррозия металла*, *bản đồ* – *карта*, *bảo đảm khí tượng-thủy văn* – *гидрометеорологическое обеспечение*, *bức xạ điện tử* – *электрическое излучение*, *cấp cứu đầu tiên* – *первая медицинская помощь* и т. д. Доля таких понятий в составе военной терминологии незначительна и часто носит непостоянный характер, т. е. не фиксируется на постоянной основе в словарях военной терминологии.

Что касается второго вида терминов, то вследствие междисциплинарного характера военной сферы, их доля в составе терминологии достаточно велика. Если в первом случае в состав военной терминологии проникают отдельные самостоятельные термины, то здесь ввиду динамичного развития науки и техники, внедрения новейших достижений в военную сферу, невозможно обойтись лишь только одним запасом слов военной тематики. Например, *nhiên liệu* – *топливо* (*nhiên liệu hạt nhân* – *атомное топливо*, *nhiên liệu tên lửa* – *ракетное топливо*, *tiếp nhiên liệu trên không* – *дозаправка в воздухе*), *napalm* – *напалм* (*bom napalm* – *напалм*), *bán kính* – *радиус* (*bán kính sát thương* – *радиус поражения*, *bán kính hoạt động chiến thuật của máy bay* – *тактический радиус действия авиации*), *dẫn đường* – *навигация* (*dẫn đường trên biển của hải quân* – *морская навигация*, *trạm dẫn đường và chỉ thị mục tiêu* – *станция навигации и целеуказания*) *xác suất* – *вероятность* (*xác suất diệt mục tiêu* – *вероятность уничтожения цели*, *xác suất trúng đích* – *вероятность попадания по цели*), *chất* – *вещества* (*chất nổ* – *взрывчатое вещество*, *chất độc quân sự* – *боевые отравляющие вещества*),

kinh tế – экономика (*kinh tế quân sự* – военная экономика, *kinh tế thời chiến* – экономика на время войны) и т. д.

Межсистемный перенос

В области военной терминологии осуществляется межсистемное заимствование военной лексики в повседневной жизни с помощью метафорического переноса. Для более наглядного понимания данного процесса предлагается рассмотреть ряд примеров с терминами *hành quân*, *cơ động*, *xung trận*, *xung phong* и т. п. Вьетнамцы активно используют военную лексику и термины в повседневной жизни, наделяя данные лексемы иным значением. Это, прежде всего, относится к представителям армии или семей военнослужащих, сравним:

hành quân – как военный термин имеет значение «совершать марш», вне военной сферы данное слово используется в значении «выдвигаться группой из одной точки в другую». (*Ngày mai cả nhà mình sẽ hành quân về bên ngoại nhé.* – Завтра мы всей семьей отправимся к бабушкам!);

cơ động – как военный термин имеет значение «маневрировать, маневр», при употреблении в повседневной жизни используется в значении «перемещаться, переезжать куда-либо» (*Cuối tháng 7 vừa qua, đội tuyển đã cơ động đến thành phố Yeyk để bắt đầu làm quen với thao trường.* – В конце июля команда переехала в г. Ейск, чтобы начать знакомиться с трассой);

xung trận – в военной сфере это понятие имеет значение «бросаться в бой», однако активно используется как метафорический перенос со значением «бросаться в бой с проблемой, болезнью; принимать участие в соревнованиях», ср.: *Hàng trăm nhân viên, sinh viên y được tình nguyện “xung trận” chống dịch COVID-19* – сотни сотрудников, студентов медицинских учебных заведений добровольно «ринулись в бой» против новой коронавирусной инфекции COVID-19;

xung phong – «атаковать, бросаться в атаку», при переходе в общелитературный язык приобретает значение «добровольно браться за что-либо, вызываться» (*Ai giờ tay xung phong lên bảng trả lời câu này sẽ được điểm cao.* – Кто добровольно поднимет руку и выйдет к доске получит оценку на балл выше).

Интересным представляется использование военных терминов в названиях новостных статей невоенного характера. Это объясняется

стремлением авторов статей повлечь внимание общественности. Например:

Chính phủ có 3 “tư lệnh” ngành mới. – «В правительстве появились три новых командующих ведомствами» (*Báo mới*. 12.11.2020). Речь идет о назначении двух руководителей министерств и главы национального банка. Термин «tư lệnh», который имеет значение командующий используется в политическом дискурсе в целях придания руководителям ведомств большей власти.

Nhóm của Tổng thống Trump cố chặn việc xác nhận kết quả bầu cử tại nhiều bang chiến trường. – «Команда президента Трампа пыталась заблокировать подтверждение результатов выборов во многих борющихся штатах» (*Nhịp sống doanh nghiệp*. 12.11.2020). В данном заголовке присутствует военный термин «chiến trường» – театр военных действий, поле боя. При использовании этого термина в газетном заголовке политического характера в качестве определения к слову «штат» происходит изменение семантического значения военного термина, и он приобретает значение «штаты, в которых идет борьба».

‘Đội quân’ luật sư của đảng Cộng hòa và Dân chủ sẵn sàng cho tranh chấp pháp lý. – «Армия юристов республиканской и демократической партий готовы к судебным спорам» (*Báo tin tức*. 12.11.2020). Термин «армия» приобретает новое значение и используется для обозначения «большого количества чего-либо, кого-либо».

В данном контексте следует выделить класс лексики вьетнамского языка, своего рода перифраз, описательно или метафорически обозначающих предметы и явления. Такая лексика не относится к военным терминам, но она тесно связана с военной сферой и армией. Речь идет о разговорных словах и выражениях, которые применяются в повседневной жизни, вооруженных силах, статьях газет, журналов. Наиболее яркими примерами в этой области являются слова *pháo đài bay*, *xe tăng bay*, *chiến mã*, *đơn vị “chân đồng, vai sắt”*, *lính quân hàm xanh*, *dép rọ*, *ba lô con cóc*.

Pháo đài bay – *досл.* 'летающая крепость', стратегический бомбардировщик Б-52 ВВС США, широко применялся в годы войны во Вьетнаме.

Xe tăng bay – *досл.* 'летающий танк', образцы летательных аппаратов, имеющие высокую огневую мощь и повышенную броневую защиту, такие как МИ-8, СУ-25.

Chiến mã – *досл.* 'боевой конь', вид боевой техники, активно применяющийся в бою, чаще «танк».

Đơn vị “chân đồng, vai sắt” – *досл.* 'части с бронзовыми ногами и стальными плечами', так называют части и подразделения войск артиллерии.

Lính quân hàm xanh – *досл.* 'боец с воинским званием зеленого цвета', так называют военнослужащих пограничных войск во Вьетнаме, в связи с просветами характерного зеленого цвета на погонах.

Dép rọ – *досл.* 'шлепанцы в сетку', сандалии коричневого цвета, элемент формы одежды вьетнамских военнослужащих.

Va lô con cóc – *досл.* 'рюкзак-жаба', вещмешок в ВНА, заплечная сумка вьетнамских военнослужащих, внешне напоминающий жабу.

Mũ nồi xanh – *досл.* 'голубые береты' – так называют военнослужащих миротворческих войск, по характерному элементу одежды «голубому берету».

Заключение

В данном исследовании были рассмотрены основные семантические способы пополнения военно-терминологической системы на материале вьетнамского языка, что позволило сделать следующие выводы:

1. В военно-терминологической системе терминообразование происходит по нескольким направлениям: специализация значения общеупотребительного слова (терминологизация); расширение семантического значения (метафоризация); межсистемное заимствование лексем.

2. В военной терминологии вьетнамского языка доля терминов, образованных посредством терминологизации, очень мала. Данный способ не может обеспечить универсальность терминообразования.

3. Особенностью военной терминологии как системы является ее междисциплинарный характер, помимо собственно военных терминов военная терминология включает большое количество терминов, заимствованных из других областей науки и техники.

4. В области военной терминологии осуществляется межсистемное заимствование военной лексики в повседневной жизни с помощью метафорического переноса. В данном контексте следует выделить класс лексики вьетнамского языка также образованных по

принципу метафоризации, не являющейся терминологией, но связанной с военной сферой и армией.

В этой связи представляется целесообразным проводить отдельные, углубленные исследования по каждому способу семантического терминообразования. Кроме того, необходимо продолжить изучение данного явления в других терминологиях с целью определения роли семантических процессов терминообразования во вьетнамском языке и в других изолирующих языках.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Косова М. В.* Терминологизация как лексико-семантический процесс // Вестник ОГУ. 2004. № 2. С. 42–48. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/terminologizatsiya-kak-leksiko-semanticheskij-protsess>
2. Trung tâm từ điển bách khoa quân sự – Bộ Quốc phòng, Từ điển thuật ngữ quân sự = Словарь военных терминов. 2007, NXB Quân đội nhân dân, Hà Nội.
3. *Лейчик В. М.* Терминоведение: предмет, методы и структура терминоведения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 1989.
4. *Гринев С. В.* Введение в терминоведение. Москва: Московский Лицей. 1993.
5. Новый большой вьетнамско-русский словарь. Т. 1. М. : Восточная литература, 2012.
6. *Vũ Quang Hào.* Hệ thuật ngữ quân sự tiếng Việt: đặc điểm và cấu tạo thuật ngữ = Ву Куанг Хао, Военно-терминологическая система вьетнамского языка: особенности и терминообразование. Hà Nội, Trường đại học tổng hợp Hà Nội, 1991.
7. *Васильев Н. М.* Операция военная // Большая российская энциклопедия. 2016. URL: https://bigenc.ru/military_science/text/2690689
8. Малый академический словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотип. Москва: Русский язык : Полиграфресурсы, 1999. URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/o/операция>
9. *Авербух К. Я.* Общая теория термина. Иваново: Ивановский гос. университет, 2004.
10. *Лейчик В. М.* Терминоведение: предмет, методы и структура. 3-е изд. Москва: ЛКИ, 2007.

REFERENCES

1. Kosova, M. V. (2004). Terminologisation as a lexical-semantic process. Vestnik OGU, 2(2), 42–48. <https://cyberleninka.ru/article/n/terminologizatsiya-kak-leksiko-semanticheskij-protsess> (In Russ.).

2. Dictionary of Military Terms. (2007). (In Vietnamese)
3. Leichik, V. M. (1989). Terminovedenie: predmet, metody i struktura terminovedeniya = Terminology: Subject, Methods, Structure: abstract of Senior Doctorate in Philology. Moscow. (In Russ.)
4. Grinev, S. V. (1993). Vvedenie v terminovedenie = Introduction to terminology. Moscow: Moskovskii Litsei (In Russ.)
5. Novyi bol'shoi v'etnamsko-russkii slovar'. (2012). = A New Large Vietnamese-Russian Dictionary. Moscow: Vostochnaya literatura. (In Russ.)
6. Vietnamese military terminology: characteristics and term formation (1991). (In Vietnamese)
7. Vasil'ev, N. M. (2016). Operatsiya voennaya. Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya. https://bigenc.ru/military_science/text/2690689 (In Russ.)
8. Maliy akademicheskii slovar' russkogo yazyka: 4 Volms. (1999) = Small academic dictionary of Russian / RAN, In-t lingvistikh. Issledovaniy. <https://lexicography.online/explanatory/mas/o/операция> (In Russ.)
9. Averbukh, K. Ya. (2004). Obshchaya teoriya termina = The general theory of the term. Ivanovo: Ivanovskii gos. universitet (In Russ.)
10. Leichik, V. M. (2007). Terminovedenie: predmet, metody i struktura = Terminology: Subject, Methods, Structure. Vol. 3. Moscow: LKI. (In Russ.)

Информация об авторе

Сербин В. А. – преподаватель кафедры дальневосточных языков Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

Information about the author

Serbin V.A. – Lectuer at the Department of Far-Eastern Languages, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию 03.06.2021; одобрена после рецензирования 02.07.2021; принята к публикации 05.07.2021

The article was submitted 03.06.2021; approved after reviewing 02.07.2021; accepted for publication 05.07.2021

Научная статья

УДК 811.41.21

DOI 10.52070/2542-2197_2021_10_852_163

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ НЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ АРАБСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Л. С. Тюрева

Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия, tyurewa@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена современным тенденциям в развитии словаря арабского литературного языка, в частности способам заполнения терминологического вакуума. Анализ возникших за последний период времени неологизмов демонстрирует активное использование языком традиционных способы пополнения словаря путем расширения семантики слова, образования слов по аналогии, иностранных заимствований. Наряду с этим отмечены некоторые новые тенденции в области словообразования, например, образование глаголов от именных форм с префиксами.

Ключевые слова: пополнение словаря, расширение семантики, аналогия, заимствование, деноминативы

Для цитирования: Тюрева Л. С. Способы образования неологизмов в современном арабском литературном языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 10 (852). С. 163–181. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_10_852_163

Original article

MEANS OF FORMATION OF NEOLOGISMS IN MODERN ARABIC LITERARY LANGUAGE

L. S. Tyureva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, tyurewa@yandex.ru

Abstract. The article examines contemporary trends in the vocabulary development of Modern Arabic Literary language, in particular, means of filling the void in terminology. The analysis of recent neologisms demonstrate active use of traditional ways of vocabulary enrichment by semantic broadening, analogical word-formation, borrowings. At the same time it indicates some new trends in word-formation, e. g. formation of verbs from nominal forms with prefixes.

Key words: vocabulary enrichment, semantic broadening, analogy, borrowing, denominatives

For citation: Tyureva, L. S. (2021). Means of formation of neologisms in modern Arabic literary language. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(852), 163–181. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_10_852_163

Введение

Мы живем в эпоху бурно развивающегося и изменяющегося мира, развития информационных технологий, которые внедряются в повседневную жизнь людей, создавая новую среду обитания, наполняя ее новым предметным и понятийным содержанием. Кроме того, пандемия ковид-19 оказала существенное влияние на жизнь людей, привела к появлению в их лексиконе таких слов и словосочетаний, как «виртуальная встреча», «встреча в режиме видеоконференции», «самоизоляция», «антитела» и многих других.

Цель исследования – выявить способы образования неологизмов, в том числе терминов, и пополнения словаря современного арабского литературного языка (далее – АЛЯ), выделить наиболее продуктивные способы и определить тенденции в области образования неологизмов.

1. Традиционные способы пополнения словаря

Терминирование лексики общего словаря заключается в использовании нетерминологических слов в качестве терминов. Использование слов общего словаря основано на поисках ассоциации, сходства между тем, что уже есть, и тем, что должно получить наименование. Приведем несколько примеров.

Таблица 1

Арабское слово, словосочетание	Словарные значения	Русский термин
قرصنة	пиратство	хакерство
قرصان (قراصنة)	пират	хакер
منسلل	(незаметно) проникающий	хакер
حساب	исчисление, счет, расчет	аккаунт
موقع	место, местоположение	сайт
ملف	папка, досье	файл

Арабское слово, словосочетание	Словарные значения	Русский термин
محتوى	содержание	контент
مزودون	снабжающие	провайдеры
حوار تفاعلي	диалог, характеризующийся воздействием друг на друга	интерактивный диалог
تحويل (تحول) رقمي	цифровое преобразование	цифровизация
مستفيد	извлекающий пользу	бенефициар
خادم (خوادم)	служащий, обслуживающий	сервер
شفافية	прозрачность, ясность	транспарентность
حمل، نزل	нагружать, грузить	загружать, скачивать
زرع	сеять, сажать	имплантировать
التراضي	согласие, соглашение, договоренность	консенсус
إفادة، إحاطة	извещение, уведомление	брифинг
وحدة الإنعاش	отделение восстановления	реанимация
وحدة العناية المركزة	отделение концентрированного ухода	отделение интенсивной терапии
شامل	всеобъемлющий; полный	инклюзивный
فاعل	1) действующий; 2) рабочий, исполнитель; 3) фактор	актор
تقنية المعلومات	технология информации	информационные технологии

Таблица наглядно демонстрирует использование словаря общей лексики в качестве терминов. Многие из этих терминов приходят в арабский язык практически синхронно с другими языками, не вызывая затруднений в их восприятии.

В последнем примере мы видим заимствованное существительное تقنية «техника» (прилагательное تقني «технический»). Как это часто происходит с иностранными словами, имеющими простую основу; данное слово подверглось процессу ассимиляции, т. е. получило форму арабского слова, на которое распространяются все положения арабской грамматики. Затем заимствованное слово расширило свою семантику и стало использоваться наряду с другим заимствованным

словом تكنولوجيا в значении «технология», сохранив при этом и значение «техника». В словосочетании «информационные технологии» используется слово تقنية. Предпочтение отдается более лаконичному варианту.

Большинство терминологических словосочетаний, состоящих из двух и более компонентов, образованы методом **калькирования** заимствованных из английского языка терминов. В процессе калькирования происходит замена составных частей словосочетания исходного языка (морфемы, лексемы) их прямыми лексическими соответствиями переводящего языка. При этом могут иметь место замена частей речи, изменение порядка следования калькируемых элементов и другие трансформации ввиду различия грамматического строя двух языков, норм лексической сочетаемости и т. д.

Таблица 2

Арабский калькированный термин	Русский термин
صديق للبيئة (англ. environmentally friendly)	экологически чистый, безопасный
أجسام مضادة	антитела
أمن إلكتروني	кибербезопасность
تباعد إجتماعي	социальное дистанцирование
عمليات تسلل إلكتروني	хакерские операции
هجمات تسلل إلكتروني	хакерские атаки
إختراق أجهزة كمبيوتر	взлом компьютеров
مقدمو الإستضافة	хостинг-провайдеры
الطباعة الثلاثية الأبعاد	3D-печать
شارك المعلومات مع	делиться информацией с...
مصعد إجتماعي	социальный лифт
وزراء ظل	теневые министры
سياسة الأمر الواقع	де-факто политика

Прямое заимствование терминов способом *транслитерации* тоже не утратило своего значения, причем многие термины, заимствованные таким способом, подвергаются процессу ассимиляции и получают форму арабского слова. Примеры:

Таблица 3

Арабский термин	Русский термин
سيبراني	кибернетический
فيديو كنفرنس	видеоконференция
التقنيات النانوية	нанотехнологии
تكنوقراطي	технократ

Приводимая ниже таблица показывает, что в ряде случаев термины-кальки содержат как арабские лексические единицы, так и термины, заимствованные посредством транслитерации и подвергшиеся процессу ассимиляции, т. е. получившие форму арабского слова. При этом элемент терминологического словосочетания, который позволяет использовать арабские лексемы или словообразовательные модели АЛЯ для образования слов, будет арабским. Это простые по смыслу слова. Более сложные элементы такого сочетания заимствуются путем транслитерации.

Таблица 4

Арабский калькированный термин	Русский термин
أمن إلكتروني	кибербезопасность
عمليات سيبرانية	кибероперации
إعتداءات سيبرانية	кибератаки
شريحة كومبيوتر	компьютерный чип
مقطع فيديو	видеоклип
الفضاء السيبراني	киберпространство

Довольно типичной ситуацией является наличие терминов-дуплетов.

Таблица 5

Арабские термины-дуплеты	Русский термин
قرصان، متسلل	хакер
مشتركون، متابعون	подписчики (в Интернете)
شارك، تقاسم	обмениваться (контентом)
أجسام مضادة، مضادات الأجسام	антитела
تجارب سريرية، أبحاث إكلينيكية	клинические испытания клинические исследования
تباعد إجتماعي، الأناي بالنفس	социальное дистанцирование; дистанцирование

Однако при калькировании значение всего лексического образования может «потеряться». По словам Л. С. Бархударова, «сложные и составные слова и устойчивые словосочетания, при переводе которых калькирование используется чаще всего, нередко имеют значение, не равное сумме значений их компонентов, а поскольку при калькировании используются эквиваленты именно этих компонентов, значение всего лексического образования в целом может остаться нераскрытым» [Бархударов, 1975, с. 99]. В этом случае язык перевода может использовать свои средства для точной передачи заимствованного термина. В такой ситуации речь идет не о *слове-заимствовании*, а о *значении-заимствовании*. При этом не всегда наблюдается тождество заимствованного арабского термина соответствующему русско-му термину, тоже непосредственно связанному с английским (латинским, греческим) термином. Рассмотрим несколько примеров.

Таблица 6

Арабский термин	Перевод	Русский термин
شبكة التواصل الإجتماعي	сеть социальной взаимосвязи	социальная сеть
وسائل التواصل الإجتماعي	средства социальной взаимосвязи	социальные медиа
مواقع التواصل الإجتماعي	сайты социальной взаимосвязи	социальные сайты

Термин «социальная сеть» по-арабски شبكة التواصل الإجتماعي. Изучая семантическую структуру соответствующего английского термина *social network*, находим, что он означает «совокупность **взаимосвязанных** объектов или лиц». Значение «взаимосвязи» и легло в основу арабского термина. Причем элемент التواصل является главенствующим в терминологическом словосочетании. Об этом свидетельствует тот факт, что слово شبكة «сеть» часто опускается (эллиптируется), и термин используется в сокращенном виде التواصل الإجتماعي. В таком же виде он входит в термины «социальные медиа» и «социальные сайты». Рассмотрим еще ряд терминов:

Таблица 7

Арабский термин	Перевод	Русский термин
تطبيق	применение	приложение
مصفوفة	расположенная в ряд (рядами)	матрица
الغازات المسببة للإحتباس الحراري	газы, вызывающие удержание тепла	парниковые газы

Примеры словосочетаний с данными терминами:

Таблица 8

تطبيق التواصل الاجتماعي	<i>приложение</i> для социальных сетей
مصفوفة البيانات الإلكترونية	электронная <i>матрица</i> данных
إنبعاثات الغازات المسببة للإحتباس الحراري	выбросы <i>парниковых газов</i>

Арабский термин تطبيق «приложение», на первый взгляд, не соответствует его буквальному переводу. Однако анализируя соответствующий английский термин «application», находим в его семантической структуре такие значения, как *прикладная программа* и *практическое применение*. Таким образом, арабский термин семантически вполне соответствует исходному английскому термину.

Термин مصفوفة «матрица» используется и в полиграфии, и в математике. В основу арабского термина положено не содержание данного явления, а его внешний признак – расположенность цифр (знаков) рядами.

Что касается терминологического словосочетания *المسببة للإحتباس الحراري* «парниковые газы» (букв. 'газы, вызывающие удержание тепла'), то язык нашел его не сразу. Сначала в литературе стали появляться термины-кальки, такие, например, как *مفعول البيت الزجاجي* «парниковый эффект», но термины, основанные на образе *البيت الزجاجي* «стеклянный дом», не прижились. Что касается словосочетания *الغازات المسببة للإحتباس الحراري* «удержание тепла», то оно включает в себя элемент *الإحتباس الحراري* «удержание тепла», который стал использоваться в качестве самостоятельного термина, соответствующего русскому термину «глобальное потепление». Наряду с термином *الغازات المسببة للإحتباس الحراري* в литературе встречается и термин *غازات الدفيئة* (букв. 'газы парника').

Еще одним способом образования неологизмов, в том числе и терминов, является *расширение семантики слова* за счет нового значения. Результаты семантических сдвигов проявляются в различных значениях одной и той же лексемы в разных исторических периодах развития языка. Такие семантические процессы происходят под влиянием различных исторических, социальных, экономических, технологических и других изменений в жизни людей, которые порождают необходимость в новых наименованиях. Таким образом, лексические единицы приобретают новые значения в результате изменения предметно-понятийного содержания слова, т. е. когда перенос слова как названия с одного предмета на другой представляет собой простую смену предмета, о чем писал советский арабист В. М. Белкин [Белкин, 1975]. Употребление слов в новых условиях общения приводит к обогащению семантической структуры слова и его отдельных значений.

Среди типов семантических изменений отмечают расширение лексического значения, сужение лексического значения, перенос значения, в том числе, метафора и метонимия. Изменения исходного объёма понятия указанными способами можно отметить в именах, а также в глаголах и глагольных формах (масдарах и причастиях). Примеры глаголов, получивших новое значение:

Таблица 9

Глагол	Словарные значения	Новые значения
<i>إحتوى على</i>	охватывать, содержать, заключать в себе	сдерживать, локализовать, купировать
<i>تراجع</i>	отступать, отходить назад; регрессировать	падать, снижаться, сокращаться (о ценах и др.)

Глагол	Словарные значения	Новые значения
سوق	сбывать, направлять на рынок	заниматься маркетингом
إخترق	пересекать, проникать, прорывать	взламывать
لوح	махать, размахивать; делать знаки	угрожать
حمل	заставлять нести, нагружать	загружать, скачивать (например, файл)

Фрагменты предложений с глаголами в новых значениях

Таблица 10

لَوَّحَتْ بكين برد صيني ما لم تتراجع الولايات المتحدة عن سلوكها	Пекин угрожал китайским ответом, если США не откажутся от своего поведения
البنك الدولي يحذّر من تباطؤ تنفيذ استراتيجيات احتواء الجائحة	Всемирный банк предостерегает относительно замедления темпов реализации стратегий сдерживания пандемии
يمكن للمستخدمين تحميل الإصدار التجريبي الجديد	Пользователи могут скачать новую пилотную версию

Способ переноса наименования с одного предмета или явления на другой (метонимия) сводится к ассоциации по смежности, общности некоторых признаков, создающих определенное сходство. При этом слово, обозначающее какое-либо явление, предмет, обозначает смежное явление. **Метонимический перенос**, кроме имен существительных, свойствен также прилагательным и глаголам.

Пример с глаголом إحتوى иллюстрирует явление увеличения семантического объёма за счет нового значения на основе закона ассоциативных связей, а именно – ассоциации по смежности.

Глаголы تراجع و سوق получили новые значения путем сужения исходного значения. Глаголы إخترق, حمل و لوح получили новые значения «взламывать», «скачивать» и «угрожать» в результате **метафорического переноса**.

Арабский словарь постоянно пополняется неологизмами, образованными указанными способами. Например:

Таблица 11

Имя, масдар	Словарные значения	Новое значение
إفتراضى	предположительный, гипотетический	виртуальный
رابط (روابط)	1) связывающий, соединяющий; 2) связь	ссылка (комп.)
مروحة	1) веер; 2) вентилятор; 3) пропеллер; 4) ветролет	переносн.: спектр; многообразиие, диапазон

Примеры фрагментов предложений и словосочетаний с данными терминами:

Таблица 12

في لقاء إفتراضى على الإنترنت	во время <i>виртуальной</i> (онлайн) встречи в Интернете
إفادة إفتراضية	<i>онлайн</i> -брифинг
روابط ضارة	вредоносные <i>ссылки</i>
توسيع مروحة لقاءاتهم	делать свои встречи более разнообразными (букв. 'расширение <i>диапазона</i> их встреч')

Неологизм «إفادة» «брифинг» иллюстрирует способ замены слов с более широким значением («извещение, уведомление») словами с более узким значением. Термины إفتراضى и رابط образованы на основе ассоциации по смежности, а неологизм مروحة является результатом метафорического переноса.

Метафорический перенос происходит на основании наличия между предметами, явлениями какого-либо общего признака, сходства. Интересным примером метафорического смещения значения слова является имя существительное هامش (هوامش), которое, согласно араборусскому словарю Х. К. Баранова [Баранов, 2007], имеет значения «поле (книги)», «окраина, опушка». В современном языке слово стало использоваться метафорически, утратив свое исходное «материальное» значение. Например, على هامش المؤتمر «на полях конференции». Существовавшее ранее прилагательное هامشى «написанный на полях», «окраинный», «побочный, дополнительный» получило новые

значения «маргинальный», «мелкий, незначительный» (المنتج الهامشي «мелкий производитель»). Стал использоваться глагол II породы همش «вытеснять на обочину, маргинализировать» и термин с масдаром этого глагола تهمة إجتماعي إقتصادي «социально-экономическая маргинализация». Форма множественного числа هوامش используется как экономический термин «маржа». Во фрагменте предложения لا يتجاوز هامش الخطأ «Он не превышает пределы погрешности» слово هامش используется в значении «пределы», иллюстрируя продолжающийся процесс семантических изменений.

Образование слов по аналогии служит важным средством для пополнения словаря путем использования известных словообразовательных моделей. По мнению В. М. Белкина, это вытекает из сущности арабского словообразования, где легко допускается образование новых слов по существующим моделям и даже отдельным образцам [Белкин, 1975]. Речь идет о создании новых производных слов по образцу уже существующих. По мнению ученого, исторически словообразовательная аналогия играет всевозрастающую роль.

Таблица 13

Неологизмы (глагол и масдар)	Перевод
عولم – عولمة (عالم) (От عالم)	глобализировать – глобализация
خوصص – خصوصة (خاص) (От خاص)	приватизировать – приватизация
حوكم – حوكمة (حكم) (От حكم)	проводить вычисления – вычисления
حوكم – حوكمة (حكم) (От حكم)	управлять – управление

Данная таблица иллюстрирует образование новых лексических единиц по аналогии. По логике словообразовательных моделей, для образования терминов «глобализация» и «приватизация» от имен عالم «мир» и خاص «частный, собственный» следовало бы использовать модели масдаров каузативной II породы. Ранее таким образом появился, например, термин تأميم «национализация» от слова أمة «нация». Но оба слова تعليم и تخصيص уже имеют свои устоявшиеся значения. В поисках решения этой проблемы язык нашел другую модель عوّل، которую Б. М. Гранде рассматривает как параллельную или аналогичную модели II породы при отыменном образовании

глаголов [Гранде, 1963]. Следует заметить, что данная модель четырехбуквенная.

Термин *عولمة* (от глагола *عولم*) «глобализация» сразу безальтернативно занял свое место в словаре, а что касается термина «приватизация» *خصوصة*, то в литературе можно встретить и другие варианты этого термина: *تخاصية*, *تخصصة* (и редко вариант *تخصيص*), хотя преобладает вариант *خصوصة*. Вариант термина *تخاصية* представляет собой имя абстрактное, образованное от масдара глагола VI породы глагола *تخاص* «приватизировать (массовое действие)», который не приводится в словаре. От словоформы, образованной по модели *عَوَّلَ*, широко используется масдар *حوسبة* «вычисления», например, в составе термина *حوسبة سحابية* «облачные вычисления». От глагола *عولم* довольно часто используют причастие *معولم* «глобализированный».

2. Новые тенденции в словообразовании

Число производных неологизмов возрастает, главным образом, за счет именной лексики, неологизмы-глаголы более редки [Белкин, 1975]. Среди неологизмов-глаголов всё большее значение приобретают деноминативы. В этой связи следует выделить явление, которое находит всё большее распространение в словообразовании, а именно: образование глаголов от именных форм с префиксом *مَ* или *حَ*. Эти глаголы тоже образуются по четырехбуквенной модели. Примеры:

Таблица 14

Исходное слово	Перевод	Четырехбуквенная модель (глагол и масдар)	Перевод
مِحْوَرٌ	ось, стержень	تَمَحْوَرٌ – تَمَحْوَرُ	вращаться вокруг (<i>переносн.</i>)
مَرَكَزٌ	центр	تَمَرَكَزٌ – تَمَرَكَزُ	централизоваться, концентрироваться
مَوْضِعٌ	место, положение	تَمَوْضِعٌ – تَمَوْضِعُ	размещаться, располагаться
مَظْهَرٌ	проявление	تَمَظْهَرٌ – تَمَظْهَرُ	проявляться

Наряду с этими глаголами используются и их масдары, в том числе субстантивированные, и причастия. Например:

Таблица 15

الإخوان يسعون لإقصاء تظاهرات الثقافة الغربية	«Братья мусульмане» стремятся устранить <i>проявления</i> западной культуры
نقل الإرهابيين من سوريا إلى ليبيا لا ينهي التهديد الذي تمثله هذه العناصر على أمن روسيا والمنطقة من وجهة النظر الروسية ولكن يعيد تموضعه	Переброска террористов из Сирии в Ливию не устраняет угрозу, которую эти боевики представляют для безопасности России и этого региона с точки зрения России, а, скорее, <i>перемещает</i> ее источник

Почему образуются подобные словоформы? Мы искали ответ на этот вопрос на примере нового слова *تَمَطَّهْرٌ – تَمَطَّهْرٌ*. Если сравнить значения привычного слова *مظهر (مظاهر)* «явление, проявление, внешность, вид» и неологизма *تظاهرات* в первом из приведенных в таблице примеров, то обращает на себя внимание то обстоятельство, что новое слово, в отличие от привычного *مظاهر*, воспринимается не как некие абстрактные «проявления», а как «набор определенных элементов культуры». Следовательно, использование подобных неологизмов связано с непрерывно продолжающимся процессом поиска лингвистически более точных лексических единиц.

В последнее время арабский язык стал более «либеральным» в плане образования *относительных прилагательных* при помощи суффикса *-يّ* и *абстрактных имен* существительных с суффиксом *-ية*. Появилось много новых имен, образованных по этим типам, причем основой нового прилагательного довольно часто является форма множественного числа существительного и даже причастие или прилагательное. Случаи образования относительных прилагательных от причастий раньше не отмечались. Наблюдается и другое «нарушение правил» образования относительных прилагательных, а именно – правило опущения суффикса *ة*. Так появились следующие прилагательные:

Таблица 16

Имя существительное, причастие, прилагательное	Относительное прилагательное	Значение
حياة	حياتي	жизненный
مؤسسات	مؤسستي или مؤسساتي	институциональный

Имя существительное, причастие, прилагательное	Относительное прилагательное	Значение
مناطق	مناطقي	региональный
دولة	دولتي	государственный

Иногда новые относительные прилагательные, образованные не по правилам, являются «параллелью» уже существующих прилагательных, образованных от того же существительного с соблюдением правил. Так, прилагательное *حياتي* «жизненный (имеющий отношение к жизни)» возникло с нарушением грамматической нормы в связи с тем, что за уже существующим прилагательным *حيوي* прочно закрепилось значение «жизненно важный». От слова *دولة* (дол) существует прилагательное *دولي* «международный», а понятие «государственный» обычно передается прилагательными *عام* (например, *القطاع العام* «государственный сектор») или *حكومي* (например, *القطاع العام* «государственный университет»). Но в словосочетании «государственная система» ни то, ни другое прилагательное не передают смысл высказывания. Существует еще способ использования идафы *نظام الدولة*, но автор предпочел использовать новое прилагательное.

Таблица 17

...تتسم بفوضى كلية ويسقوط النظام الدولي	...характеризуется тотальным хаосом и крахом государственной системы
---	---

Прилагательное *مناطقي* «региональный» появилось в ответ на потребность использовать данное прилагательное в более абстрактном значении, без увязки с отдельными привычными географическими понятиями типа «منطقة الشرق الأوسط», «منطقة الشرق الأقصى» и т. п. Но вслед за этим язык нашел другой вариант передачи понятий «региональный» *جهوي* (от имени *جهة* «сторона»), «регионализация» *جهوية*. Например:

Таблица 18

جهوية الإقتصاد العالمي	регионализация мировой экономики
------------------------	----------------------------------

Еще несколько примеров относительных прилагательных, которые стали использоваться в последнее время:

Таблица 19

مجتمعي	общественный, социальный
إسعافي	чрезвычайный
معرفي	когнитивный
خدمي	связанный с обслуживанием

На основе относительных прилагательных-неологизмов образуются имена абстрактные. Например:

Таблица 20

Относительное прилагательное	Значение	Имя абстрактное	Значение
جهوي	региональный	جهوية	регионализация
تفاعلي	интерактивный	تفاعلية	интерактивность
خصوصي	частный, личный, собственный	خصوصية	1) частная жизнь 2) конфиденциальность

Примеры использования неологизма: خصوصية

Таблица 21

حماية خصوصية المستخدمين	защита конфиденциальности пользователей
...تنتهك الحقوق الشخصية وحقوق	... нарушает личные права и права на неприкосновенность частной жизни
الخصوصية	неприкосновенность частной жизни

В последнее время наметилась тенденция образования имени абстрактного от масдара для лингвистически более точной передачи характеристики или качества, присущего какому-либо явлению. Ведь функция масдара – называть действие, т. е. заменять глагол. Довольно часто можно встретить следующие имена, образованные от масдаров:

Таблица 22

Масдар	Значение	Имя абстрактное	Значение
إحتمال	возможность, вероятность	إحتمال	вероятность, возможность
حضور	присутствие	حضورية	посещаемость
تشاؤم	пессимизм	تشاؤمية	пессимистичность

Отдельного упоминания заслуживают словоформы, образованные на основе имени, имеющего пятисогласную основу (برنامج) «программа». Такие имена при образовании множественного числа теряют один из согласных корня, в данном случае «носовой» согласный **п**. Оставшиеся согласные «участвуют» в словообразовательном процессе по типу четырехбуквенных корней. В результате процесса образования слов по аналогии выстроился следующий словообразовательный ряд:

Таблица 23

بَرْمَجَّ	программировать
مُبرِّمَجَّ	программист
بَرْمَجَّةٌ	программирование
بَرْمَجِّيَّةٌ	программное обеспечение

Арабский термин **بَرْمَجِّيَّةٌ**, образованный как имя абстрактное, как и русский термин «программное обеспечение», не являются кальками английского термина *software*, но вполне передают значение термина как «совокупность всех программ, которые обеспечивают управление компьютером». В соответствии с правилами образования относительных прилагательных для компенсации опускаемой хамзы или недостающего третьего корневого согласного добавляется согласный **и** (سنوي , صحراوي) . Прием добавления согласного **и** стал использоваться для придания определенной коннотации существующим лексическим единицам. Примеры:

Таблица 24

إسلامي	исламский	إسلاموي	исламистский, исламист
إسلامية	мусульманство; ислам	إسلاموية	исламизм
شعبي	популярный	شعبي	популист
شعبية	популярность	شعبوية	популизм

В последнее время наметилась тенденция использования *суффикса* **نة** при образовании неологизмов. Например:

Таблица 25

شخص	персона, лицо	شخصنة	персонализация
سوريا	Сирия	سورنة	сиризация
شرعي	легальный	شرعنة	легализация

Таблица 26

أعربت باريس عن تخوفها من "سورنة" ليبيا	Париж выразил свои опасения по поводу <i>сиризации</i> Ливии.
--	---

Продолжается процесс образования *сложных слов*, т.е. имен, созданных посредством сложения основ разных слов.

Одним из способов арабского словосложения можно считать использование частицы отрицания **لا** в качестве префикса с прилагательными и существительными. Примеры:

Таблица 27

نقطة اللاعودة	точка невозврата
اللاتركيز الإداري	административная децентрализация

Довольно часто слова, образованные путем сложения двух основ, аффиксируются суффиксом **ي**.

Примеры прилагательных-композигов:

القوات الجوفضائية الروسية	воздушно-космические силы РФ
الأسلحة الفوق صوتية	сверхзвуковое оружие
أسلحة فرط صوتية	гиперзвуковое оружие

Заключение

В последнее время наблюдается бурный процесс пополнения словаря АЛЯ. Анализ новых лексических единиц, выявленных за последнее время, показывает, что наибольшее количество неологизмов, в том числе однокомпонентных терминов, приходят в арабский язык путем терминологического заимствования лексики общего словаря. Что касается терминологических словосочетаний, то они часто являются кальками иноязычных терминов. Пополнение словаря, в том числе и терминами, происходит также в результате семантических сдвигов, которые придают словам новые значения для обозначения новых явлений и понятий. Активно идет также процесс образования слов по аналогии путем использования словообразовательных моделей АЛЯ. Язык стал более «либеральным», допуская нарушение некоторых правил при образовании, например относительных прилагательных и имен абстрактных.

Таким образом, арабский язык чутко реагирует на изменения в быстро развивающемся мире, создавая адекватные средства, чтобы соответствовать новой среде обитания с новым предметным и понятийным содержанием.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975.
2. Белкин В. М. Арабская лексикология. М.: Изд-во Московского университета, 1975.
3. Баранов Х. К. Арабско-русский словарь. М.: Издатель Валерий Костин, 2007.
4. Гранде Б. М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М.: Издательство восточной литературы, 1963.

REFERENCES

1. Barhudarov, L. S. (1975). Jazyk i perevod = Language and translation. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija. (In Russ.)
2. Belkin, V. M. (1975). Arabskaja leksikologija = Arabic lexicology. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta. (In Russ.)
3. Baranov, H. K. (2007). Arabsko-russkij slovar' = Arabic-Russian Dictionary. Moscow: Izdatel' Valerij Kostin. (In Russ.)
4. Grande, B. M. (1963). Kurs arabskoj grammatiki v sravnitel'no-istoricheskom osveshhenii = Arabic grammar course in comparative-historical coverage. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury. (In Russ.)

Информация об авторе

Тюрева Л. С. – старший преподаватель, заслуженный профессор Московского государственного лингвистического университета, кафедра восточных языков переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Tyureva L. S. – Senior Lectuer, Honorary Professor of Moscow State Linguistic University, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 03.06.2021; одобрена после рецензирования 02.07.2021; принята к публикации 05.07.2021

The article was submitted 03.06.2021; approved after reviewing 02.07.2021; accepted for publication 05.07.2021

Научная статья

УДК 81.11

DOI 10.52070/2542-2197_2021_10_852_182

**ВТОРИЧНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ
ПЕРЕНОСНЫХ ЗНАЧЕНИЙ**

А. Г. Юлдашев

Узбекский государственный университет мировых языков,
Ташкент, Республика Узбекистан, akmal1909@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению слов с переносными значениями английского и узбекского языков как результатов вторичной интерпретации. Субъективность вторичной интерпретации проявляется в том, что формирование нового смысла, передаваемого словами с переносными значениями, может предполагать выбор или определенного исходного концептуального содержания, передаваемого языковой единицей, называющей объект, с которым осуществляется сравнение, или разных концептуальных характеристик привлекаемого концептуального содержания.

Ключевые слова: первичная и вторичная интерпретация, переносное значение, языковая картина мира

Для цитирования: Юлдашев А. Г. Вторичная интерпретация как фактор формирования семантической природы переносных значений // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 10 (852). С. 182–194. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_10_852_182

Original article

**SECONDARY INTERPRETATION
AS A FACTOR IN THE FORMATION OF THE SEMANTIC NATURE
OF FIGURATIVE MEANING**

A. G. Yuldashev

Uzbek State University of World Languages,
Tashkent, The Republic of Uzbekistan, akmal1909@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the words with figurative meanings of the English and Uzbek languages as a result of secondary interpretation. The subjectivity of the secondary interpretation is manifested in the fact that the formation of a new meaning conveyed by words with figurative meanings may imply

a choice either of a certain initial conceptual content transmitted by a linguistic unit that names an object with which a comparison is made, or different conceptual characteristics of the involved conceptual content.

Key words: primary secondary interpretation, figurative meanings, language view of the world

For citation: Yuldashev, A. G. (2021). Secondary interpretation as a factor in the formation of the semantic nature of figurative meaning. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(852), 182 – 194. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_10_852_182

Введение

Антропоцентризм как научная парадигма открыл дорогу к пониманию того, что науку нельзя делить на эмпирическую и рациональную, менталистическую и механическую и т. д. Ментализм, которого почти не было в школах и направлениях структурной лингвистики XX века, стал необходимой составной частью лингвистических исследований.

Начиная с конца XX века, преодолев схематизм, формализм, антиментализм и анахронизм, которые были ведущими идеями лингвистических исследований, ментализм прочно утверждается в начале XXI века. В настоящее время когнитивная лингвистика тесно сотрудничает с философией сознания, психологией, нейробиологией, психо-семантикой, искусственным интеллектом, культурной антропологией, включившись в число важнейших из когнитивных наук. И уже давно никого не удивляет, что ее представители говорят о ментальных единицах и процессах, психических представлениях, понятиях и концептах, о структурной организации человеческого знания и когнитивных структурах типа схемы, фрейма, скрипта, сценария, семантических и концептуальных моделях мира, о языке мысли и т. п. [Интерпретация мира в языке, 2017].

Языковая картина мира, как известно, представляет языковой опыт, взаимодействие с миром и освоение знаний о нем в когнитивной системе человека. Люди отличаются друг от друга. Эти различия зависят от разных факторов: места проживания, вероисповедания, различий в культуре и т. п. Все эти причины влияют на то, какая языковая картина сформировалась у того или иного народа. Языковая картина мира передает специфику восприятия человеком объектов и явлений, человек «конструирует», а не отражает мир в своем сознании, что

является главным отличием взгляда на языковую картину мира между старыми, традиционными, и новым взглядом на проблему.

Исходя из сказанного, можно констатировать, что языковая картина мира – это определенная его интерпретация и интерпретация знаний о мире в сознании человека и их вербализация в языке. В работе предпринята попытка проанализировать значений английских и узбекских слов с точки зрения теории вторичной интерпретации знаний о мире в языке.

Основная часть

Эмпирическая наука не может полагаться на такую методiku исследования, которая сводится к тому, что люди производят наблюдения в своих умах, причем каждый в своем собственном. Если иметь в виду, что при лингвистической интерпретации проводится огромная эмпирическая работа для исследования слов со всеми их значениями, как словарными, так и контекстуальными, то вряд ли можно согласиться с тем, что многоступенчатый детальный анализ авторитетных толковых словарей английского и других языков следует считать чисто субъективным подсчетом разных контекстуальных употреблений слов.

Значение слова полнее раскрывается в дискурсе. Как показывают результаты языковой интерпретации с помощью концептуального анализа, обращение как к вербальному контексту, так и к знаниям носителя языка о мире, к своему собственному опыту позволяет уточнить лексические значения.

Как отмечает Н. Н. Болдырев, язык, незримо присутствуя в нашей сфере ценностей и системе жизненных установок, подсказывает тот или иной способ интерпретации окружающего нас мира. Автор выделяет два типа интерпретации – первичную, результатом которой выступают категоризации естественных объектов; и вторичную, результатом которой являются новые знания о мире, связанные с процессами вторичной концептуализации и категоризации [Интерпретация мира в языке, 2017].

Вторичная интерпретация индивидуальна по своей сути и представляет собой интерпретацию коллективных знаний и коллективных когнитивных схем в индивидуальной концептуальной

системе конкретного человека [Болдырев, 2019]. Результатом вторичной интерпретации является вторичная концептуализация и категоризация, которые предполагают вторичное осмысление знаков в процессах классифицирующей и оценочной интерпретации и реинтерпретации вербализованных знаний о мире. Уместно сказать, что в каждом языке вторичная интерпретация ярко отражается в идиоматике, фразеологических единицах, поговорках, пословицах и в переносных значениях языковых единиц [Юлдашев, 2015; Yuldashev, 2016; Юлдашев, 2020]. Это обеспечивает уникальную способность языка, с одной стороны, порождать своими средствами бесконечное множество новых смыслов и, с другой – создавать новые формы репрезентации этих смыслов в том же языке [Болдырев, 2012].

Проанализируем природу вторичной интерпретации на примере английского и узбекского языков.

Многие думают, что все люди, говорящие на одном языке, понимают значение слова с одинаково равным числом оттенков. Но это вовсе не так. Разные люди могут представлять по-разному различные понятия и оттенки значения, когда они слышат слово. Так, например, для синоптика слово *дождь* является термином и его интересуют парадигматические, синтагматические и комбинаторные особенности семантической структуры этого слова. Такие понятия, как *конденсация*, *испарение* *типы облаков*, а также их влияние на формирования дождя на входят в сферу интересов лингвиста. Лингвиста интересует референт слова *дождь*, т.е. атмосферное явление, которое обладает разной степенью интенсивности в зависимости от климатических условий региона. А эти факты носят сугубо экстралингвистический характер, поэтому не являются предметом исследования языковеда. Слово *дождь* может быть причиной возникновения различных ассоциаций у людей в зависимости от реакции и воспоминания людей, связанных с дождем. Эти ассоциации могут быть положительными в регионах с сухим климатом и отрицательным в регионах, где наблюдается обильный дождь в течение всего года. Все эти ассоциации влияют на появление разных оттенков в значении слова *дождь*.

По словарному значению, *rain* в английском языке характеризуется следующим образом:

в английском языке	в узбекском языке
1) water falling in separate drops from the clouds; the fall of these drops; 2) a fall of rain of the stated type; 3) a thick fall [Longma Dictionary of English Language and Culture 2006, с. 1138]	Ёмғир – булутлардан сув томчилари холида тушадиган, ёгадиган ёгин [Ўзбек тилининг изоҳли луғати 2006, II. 36].

В первом определении *rain* характеризуется как вода, падающая с неба в виде отдельных капель с облака; а также падение этих капель. Здесь также выражается еще одно – степень интенсивности этих падений. В русском языке соответствующее слово подвергает антропоморфизации значение глагола *rain*, и в результате мы имеем сочетание *идет дождь*.

В данном случае узбекский язык оказывается в более выгодном положении, так как имеет специальные глаголы для репрезентации действия, совершаемого с объектом нашего наблюдения *rain*. В узбекском *ёмғир ёгаяпти*, в английском же языке для выражения этой идеи производится транспозиция, т. е. существительное занимает позицию глагола. *It is raining*.

В узбекском языке глагол *ёзмоқ (идти, падать)* может употребляться только метафорически, но не в этом предложении, а в другом. Например: *Унинг бошига лаънатлар ёгилди* (на его голову падали проклятия).

Выбор метода зависит от концепции школы или направления, к которому относится лингвист. Но каким бы методом лингвист ни пользовался, итоговый результат исследования и итоговое знание должны носить системный характер. Эта мысль была отчетливо сформирована А. А. Потебней еще в конце XIX в.: «Очевидно, языкознание, не уклоняясь от достижения своих целей, рассматривает значение слов только чувственного предела. Так как говорится о всевозможных вещах, то без упомянутого ограничения языкознание заключало бы в себе, кроме своего неоспоримого содержания, о котором не судит никакая другая наука, еще содержание всех прочих наук. Например, говоря о значении слова *дерево* мы должны бы перейти в область ботаники, а по поводу слова *причина* или причинного

союза – трактовать о причинности в мире. Но дело в том, что под значением слова вообще понимаются две различные вещи, из которых одну, подлежащую ведению языкознания, назовем *ближайшим*, другую, составляющую предмет других наук – *дальнейшим* значением слова» [Потебня, 2012, с. 395].

Правомерно рассматривать язык как силу, создающую действительность, а не являющуюся отражением действительности. О. С. Ахманова подчеркивала это положение таким сравнением: «Трудно было бы утверждать, что если в языке какого-то народа имеется много терминов, относящихся к рыбной ловле, то в результате этого у данного народа может развиться склонность к рыболовству и усиленное занятие этим видом деятельности. Положение дел, совершенно очевидно, обратное: в языке тех, кто занимается рыболовством, появляется соответствующая лексика» [Ахманова, 1957, с. 163].

Язык – не автономная область духа, которая выходит за рамки общих законов, управляющих действительностью, и которую можно выделить из этой действительности в качестве независимой области.

Общение является понятийным синтезом мыслительной операции, не связанной с принадлежностью говорящего индивида к определенной среде.

Интерпретация языковых форм состоит в том, что лингвист, стоя в стороне от мира, передающего знак и адресат знака, старается понять, как акт передачи языкового сообщения зависит от намерения передающего и от намерения воспринимающего и не может рассматривать содержание в отрыве от этих намерений. Если бы захотел это сделать, он был бы вынужден рассматривать содержание сообщения, сформулированного его собственными словами, которые остаются всегда словами, хотя и употребленными им индивидуально, но обремененными балластом общественного содержания как условным рефлексом на знак-раздражитель, общий для всех участников данной языковой среды. Язык интересует нас не только как источник знания о человеке как собрание необыкновенно ценных, иногда ничем незаменимых документов его истории, но и как фактор, способный решительным образом влиять на его судьбу. От того, как человек видит и понимает мир, зависят его поведение, его деятельность в данном мире. А на то, как человек видит и понимает мир, огромное влияние оказывает язык.

Этот аспект позволяет установить иерархию важности исследуемых фактов в соответствии с тем, в каком отношении они находятся, с одной стороны, к языку в его познавательной функции и также как к инструменту сенсуальной и рациональной интерпретации мира, с другой – к языку и его функции [Дорошевский, 1973].

О необходимости и важности связи между знаками в семиотических системах, хотя в других терминах, писал еще Аристотель. Отдельные части тела фигурируют только в своей взаимосвязи – рука, отделенная от тела, – рука только по названию. Собственно, можно было бы сказать, что *рука*, когда она отрезана, когда она перестала быть чьей-то рукой, не выполняет функции руки, становится *бывшей рукой*, перестает быть десигнатом названия *hand*, которое устраивает в этом случае свою мотивацию.

Общая и главная задача языкознания состоит в изучении того, каким образом языковое сознание расчленяет действительность на частности. Процессы этого расчленения необыкновенно сложны. Они формируются своеобразно, и в различных языках они различные.

Рассмотрим примеры английского и узбекского языков с переносными значениями.

1. В своем первоначальном словарном значении слово *abyss* – *deep bottomless hole* [Longman Dictionary of English, 2006, с. 6] означает пропасть, очень широкое глубокое пространство или дыру, при этом кажется, что дна нет, т. е. нет конца. Возникшее переносное значение естественно сохраняет некоторые признаки первого основного значения: *abyss of ignorance / despair / loneliness*, т. е. пропасть тупости, бездна одиночества и т. д. Это означает: человеку кажется, что тот, о котором идет речь, чрезвычайно глуп, глуп до такой степени, что даже невозможно определить степень, предел его глупости, либо очень одинок, и невозможно измерить степень его одиночества и т. д. С другой стороны, одиночество – это такое состояние, которое невозможно градуировать. Нельзя сказать: *он немного одинок*. Одиноким может человек быть или же вовсе не быть, это тот случай, когда чуть-чуть не считается.

У вторичной интерпретации свои законы. В этом случае и здравый смысл, и логика иногда отходят на задний план. *The country is stepping back from the edge of an abyss*, – Страна делает шаг назад от края пропасти. Это предложение замечательно тем, что здесь во

вторичной интерпретации мы встречаем еще один случай фигуральности. Так, например, глагол *to step* требует, чтобы в качестве субъекта употреблялось одушевленное лицо или животное. Существительное *country* логически не может осуществлять действие *to step*, а мы видим, что *страна делает шаги*. Этот случай в когнитивной грамматике называется *антропоморфизмом*, когда действиям других объектов присваиваются человеческие признаки и свойства. Это допускается только во вторичной интерпретации.

Применительно к нашим примерам можно сказать, что раз есть пропасть, то она должна иметь свои края, без края пропасть существовать не может. Это означает, что, когда человеческий глаз не способен видеть неделимый отрезок пространства, он его просто называет бескрайним. Поэтому что можно называть краем пропасти для государства? Естественно, это распад государства, а это тоже не очень редкое явление для конца XX столетия, когда время показало распад многих государств и образование новых.

Можно сделать вывод о том, что *edge of the abyss* не так далек от границы любого государства, как многие люди думают.

Пример со словом *ache* – *to have or suffer a continuous, but not violent pain* [Longman Dictionary of English, 2006, с. 9] также показывает, что в большинстве случаев вторичная интерпретация идет поэтапно, по направлению от конкретного существительного к абстрактному, и от них к действию с их участием. Далее физическая боль перерастает в эмоциональную боль, чувственную боль. Результат можно определить так: 1) причину физической боли можно обнаружить и излечить; 2) причину чувственной боли невозможно определить, неизвестно, от чего и почему страдает субъект. Всё это отражается в названии и группировке разных оттенков значения и зависит от коммуникативной интенции говорящего и слушающего; 3) слово может иметь одно или несколько переносных значений У слова *adrift* – *not fastened, and driven about by by the sea or wind* [там же, с. 16] три переносных значения. Само слово означает *унести*, когда лодку или что-либо уносит волна, когда она плохо привязана к берегу. Это значение выражается словом *adrift*. Проанализируем случаи вторичной интерпретации глагола *adrift*.

- a. I nearly suffocated when the pipe in my breathing apparatus came adrift.

В данном случае отсутствуют лодка, причал, нет никакого упоминания о ветре или силе волн. Здесь описывается случай поломки акваланга, части предмета от целого.

б. She had been at adrift from everything she had known.

Здесь в роли лодки выступает *она*, а в роли берега выступает всё, что она знала до этого момента, связь между ними внезапно утеряна.

Если в первом примере часть потеряла связь, т. е. отделилась от целого, то здесь два равнозначных элемента отделились друг от друга: *она* и ее *память*.

в. Without language human beings are adrift.

Здесь отношения между составляющими этого множества несколько меняются, если в первом примере часть отделилась от целого, во втором примере – одна половина от второй половины, а в третьем предложении между элементами состава множества теряется связь, которая их объединяла. Они становятся бесконтрольными.

Только вторичная интерпретация может раскрыть суть таких явлений, и какую функцию язык выполняет в познании мира.

В узбекском языке *бекат* – қадимда йўлларда қарвонлар ва йўловчилар тўхтаб дам оладиган махсус жой, манзил [Ўзбек тилининг изоҳли луғати, 2006, I, с. 214] (остановка, место или пункт остановки транспорта в дороге) как первичная интерпретация коллективного знания мира означает особое место, пункт, где караваны и путники останавливались на дорогах или ждали средства передвижения. В переносном смысле данное слово означает определенный этап, веху в жизни человека. Тот факт, что человек получает образование в общеобразовательной средней школе, а затем в университете в течение своей жизни, характеризуется тем, что человек достигает определенных целей и делит их на определенные периоды времени. Существует даже произведение известного узбекского писателя Ш. Холмирзаева «Сўнги бекат» («Последняя остановка»), в котором это слово означает конец человеческой жизни. Данное явление может быть ярким примером вторичной интерпретации.

Бешик – чақалокни белаб ва тебратиб ухлатиш учун тол ёки тут ёғочидан ясалган йўрға оёқли махсус мослама; тебратма беланчак [там же, I, с. 245] означает колыбель (деревянная колыбель). Специальное приспособление из ивы или тутового дерева со своеобразным выступом снизу для укачивания младенца; колыбель, люлька, зыбка. Вообще

у тюркских народов при укладывании новорожденного в эту колыбель принято проводить различные обряды, например, колыбельное празднество. Но эта лексема в переносном смысле представлена как Родина, то есть место рождения, местность, источник чего-либо, какого-то события. Это также знаменует начало человеческой жизни. «*Бешикдан қабргача илм изла*» (*Ищите знания от колыбели до могилы*) означает, что человек ищет знания от начала до конца своей жизни.

Дошқозон – катта йиғинларда, тўй ва маъракаларда кўпчиликка овқат пишириладиган улкан қозон [Ўзбек тилининг изоҳли луғати, 2006, I, с. 650] (большой чугунный котел). Огромный котел, в котором готовят еду для большого количества людей на больших собраниях, свадьбах и торжествах. Известно, что во время проведения этих мероприятий узбеки готовят плов в котлах вместимостью не менее 20 кг риса и затем раздают родственникам. Кроме того, он используется при приготовлении таких национальных узбекских блюд, как *сумалаяк*, *халим* и т. д. В переносном смысле означает общее, обобщенное имущество.

Жигар – ички аъзолардан бири, одам ва хайвонларнинг ўт (сафро) ишлаб чиқарадиган, организмда моддалар алмашинувини таъминлайдиган ички аъзоси [ЎТИЛ, 2006, II, с. 81] (печень) – внутренний орган человека и животных, вырабатывающий желчь и обеспечивающий обмен веществ в организме, при этом в переносном смысле это самый близкий человек у тюркских народов, близкий родственник по рождению; часто это значение относится к ребенку. Кроме того, как эталонная формула обращения между родственниками представляет собой близкие, теплые отношения.

В некоторых случаях при второй интерпретации используются методы нахождения общих или схожих мест у людей. А люди, как известно, ведут очень различный образ жизни, например, один не всегда может служить примером для другого. Но этот прием трансформации позволит нам дать точную характеристику образа действия героев повествования. Например:

1. *the guerrillas ambushed them near the bridge* (прямое употребление: *партизаны устроили им засаду у моста*);
2. *she was ambushed by reporters* (переносное употребление: *она попала в засаду репортеров*).

Во втором примере неожиданное появление репортеров схоже с действиями партизан возле моста.

Заключение

В результате проведенного исследования явлений вторичной интерпретации на материале узбекского и английского языков можно сделать следующие выводы.

1. В настоящее время проблемы семантики приобрели первостепенное значение в связи с необходимостью обоснования закономерностей функционирования языковых единиц в процессе познания мира.

2. Представители различных школ и течений осуществили описание языка на поверхностном уровне их представления с использованием рациональной логики, а также формализованными, структуралистскими, функциональными, семантическими методами моделирования лексического значения слов с привлечением всех их значений с целью определения информативно-когнитивной ценности языковых единиц.

3. В настоящее время наука требует определенного переосмысления фактов, накопленных в истории лингвистических исследований, пересмотра взглядов на природу языковых значений, поиска оптимальных подходов к проблемам репрезентации концепта при интерпретации мира, перцепта, лингвокультуры, фреймовой структуры и т. д.

В качестве обобщения можно сказать, что интерпретация знаний о мире в языковых единицах состоит в том, что лингвист, стоя в стороне от передающего знак и адресата знака, старается понять, как происходит акт передачи языкового сообщения и акт восприятия этого сообщения, т. е. он не может отделить содержание сообщения ни от намерения передающего, ни от намерения воспринимающего и не может рассматривать это содержание в отрыве от своих намерений. Если бы он захотел это сделать, он был бы вынужден рассматривать содержание сообщения, сформулированное его собственными словами, которые остаются всегда словами, хотя и употребленными им индивидуально, но обремененными балластом общественного содержания, как условным рефлексом на знак-раздражитель, общий для всех участников данной языковой среды.

Расчленение действительности на элементы осознаваемых ощущений, синтезирование этих элементов в отдельности как соответствующие словам предметы, мысли, оперирование словами как знаками этих предметов, осознание отношения слов к десигнатам,

владение словами, защита от «словесного фетишизма», образуют теоретические горизонты лексикологии.

Причина системности знания заключается в том, что интеллектуальное богатство, знания человека распределены в его концептуальной сфере в определенном порядке, как книги в библиотеке. Это система знаний как результат прошлого опыта является не мертвой и застывшей, а динамичной системой, в которой «рядом» с аналитическим процессом умножения объектов мысли идет обратный синтетический процесс сочетания тысяч и миллионов схожих индивидуальных особенностей в единичные термины и знаки, рядом с дроблением идет сортировка осколков в этих группах и воссоздание из них сначала частей раздробленных предметов, а затем и самих предметов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Интерпретация мира в языке: коллективная монография / Л. В. Бабина [и др.]; науч. ред. Н. Н. Болдырев / Министерство образования и науки РФ; Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2017.
2. *Болдырев Н. Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. М.: ЯСК, 2019.
3. *Юлдашев А. Г.* Культурная коннотация в семантике идиоматичных сложных слов в разносистемных языках // Вестник Московского государственного университета. 2015. № 25. С. 69–76.
4. *Yuldashev A. G.* Metaphtonymy as the main cognitive mechanism in the formation of idiomatic compound words. *Anglisticum a multi-disciplinary research journal Telova*. 2016. Issue. 7. Vol. 5. P. 30–35.
5. *Юлдашев А. Г.* Идиоматичность узбекской языковой картины мира // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 1. С. 130–135.
6. *Болдырев Н. Н.* К вопросу об интегративной теории репрезентации знаний в языке // Когнитивные исследования языка. 2012. Вып. XII. С. 33–43.
7. LONGMAN Dictionary of the English Language and Culture. London, 2006.
8. Ўзбек тилининг изоҳли луғати. 5-томлик. Тошкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси нашриёти, 2006–2008.
9. *Потебня А. А.* Мысль и язык. Москва: Директ-Медиа, 2012.
10. *Ахманова О. С.* Очерки по общей и русской лексикологии. М.: Учпедгиз, 1957.
11. *Дорошевский В.* Элементы лексикологии и семиотики. М.: Прогресс, 1973.

REFERENCES

1. Boldyrev, N. N. (Ed.). (2017). World interpretation in language: monograph / L. V. Babina [etc.]; Science editor ; ministry of education and science of the Russian Federation, Tambov State University named after G. R. Derzhavin. Tambov: Publishing House of TSU named after G. R. Derzhavin. (In Russ.)
2. Boldyrev, N. N. (2019). Language and the system of knowledge. A cognitive theory of language. 2nd ed. Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.)
3. Yuldashev, A. G. (2015). Cultural connotation in the semantics of idiomatic compounds of nonrelated languages. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 25 (736), 69–76. (In Russ.)
4. Yuldashev, A. G. (2016). Metaphonymy as the main cognitive mechanism in the formation of idiomatic compound words. Anglisticum a multi-disciplinary research journal Telova. Vol. 5. Issue. 7. P. 30–35.
5. Yuldashev, A. G. (2020). Idiomaticity of the Uzbek linguistic worldview. Voprosy kognitivnoy lingvistiki, 1, 130–135. (In Russ.)
6. Boldyrev, N. N. (2012). On the integrative theory of linguistic representation of knowledge. Kognitivnye issledovaniya yazyka, XII, 33–43. (In Russ.)
7. LONGMAN Dictionary of the English language and culture. London, 2006.
8. Explanatory Dictionary of the Uzbek Language (2006–2008), 5 Volumes. Tashkent; Uzbekistan national encyclopedic. (In Uzb.)
9. Potebnya, A. A. (2012). Thought and language. Moscow: Direkt-Media. (In Russ.)
10. Akhmanova, O. S. (1957). Essays on general and Russian lexicology. Moscow: Uchpedgiz. (In Russ.)
11. Doroshewski, W. (1973). Elements of lexicology and semiotics. Moscow: Progress. (In Russ.)

Информация об авторе

Юлдашев А. Г. – доктор философии по филологическим наукам (PhD), доцент, декан факультета английского языка № 1 Узбекского государственного университета мировых языков

Information about the author

Yuldashev A. G. – PhD (Philology) Associate Professor, Dean of the English faculty # 1 Uzbekistan State University of World Languages

Статья поступила в редакцию 03.06.2021; одобрена после рецензирования 02.07.2021; принята к публикации 05.07.2021

The article was submitted 03.06.2021; approved after reviewing 02.07.2021; accepted for publication 05.07.2021

Научная статья

УДК 821.512.154

DOI 10.52070/2542-2197_2021_10_852_195

ВКЛАД ПУБЛИЦИСТА Ч. АЙТМАТОВА В ФОРМИРОВАНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ИМИДЖА КИРГИЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

А. А. Асанова

Бишкекский государственный университет им. К. Карасаева,
Бишкек, Киргизская Республика, aasanova@bhu.kg

Аннотация. Данная статья посвящена анализу коммуникационных аспектов категорий «мягкая сила», «имидж известных личностей», «имидж страны», «менталитет», «культура», «духовные ценности», а также роли публициста Чингиза Айтматова в формировании демократического имиджа Киргизии. На основании анализа публицистических выступлений Ч. Айтматова отмечается, что он одним из первых киргизских публицистов выдвинул концепцию планетарного мышления, символизирующего «мягкую силу» для позиционирования имиджа страны.

Ключевые слова: имидж страны, лидеры мнений, «жесткая сила», «мягкая сила», культура, духовные ценности, публицист, публицистика, журналистика, коммуникация

Для цитирования: Асанова А. А. Вклад публициста Ч. Айтматова в формирование демократического имиджа Киргизской Республики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 10 (852). С. 195–205. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_10_852_195

Original article

THE CONTRIBUTION OF PUBLICIST CH. AITMATOV TO THE FORMATION OF THE DEMOCRATIC IMAGE OF KYRGYZSTAN

A. A. Asanova

Bishkek State University n. after K. Karasaev, Bishkek, Kyrgyzstan, aasanova@bhu.kg

Abstract. This article analyzes the communication aspects of the categories of “soft power”, “image of famous personalities”, “image of the country”, “mentality”, “culture”,

“spiritual values”, as well as the role of publicist Chyngyz Aitmatov in the formation of the democratic image of Kyrgyzstan. Based on the analysis of publicistic speeches of Ch. Aitmatov, it is noted that he was one of the first Kyrgyz publicists to put forward the concept of planetary thinking, symbolizing soft power for positioning the country’s image.

Key words: country image, opinion leadership, hard power, soft power, culture, spiritual values, publicist, publicism, journalism, communication

For citation: Asanova, A. A. (2021). The contribution of publicist Ch. Aitmatov to the formation of the democratic image of Kyrgyzstan. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10 (852), 195–205. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_10_852_195

Введение

Сегодня позитивный имидж для Киргизской Республики имеет огромное стратегическое значение. Необходимость формирования собственного имиджа является важным условием достижения целей, соответствующих национальным интересам страны. Во-первых, это стабильная политическая ситуация, благоприятный инвестиционный климат, привлекательный туризм, экономическая интеграция, участие в международных проектах социального и научно-гуманитарного сотрудничества. Во-вторых, признание высокого авторитета страны на международной арене.

Следует отметить, что на протяжении всей истории человеческого общества имидж играл важную роль в его развитии. Принято считать, что понятие «имидж» ввели в обиход австрийский психоаналитик Зигмунд Фрейд и американский экономист Кеннет Юарт Боулдинг. З. Фрейд в 1930-е гг. издавал журнал с одноименным названием, в результате понятие «имидж» перестало быть исключительно термином психологии. Но широкую известность этот термин не получил.

Другая версия происхождения понятия «имидж» говорит о том, что в 1960-е гг. американский экономист Кеннет Боулдинг ввел это понятие в деловой оборот. Термин «имидж» начали использовать в коммерческой рекламе для дифференциации товаров. Как утверждают специалисты, только «с разработкой новых методов организации избирательных кампаний в начале 1960-х гг. в США это понятие стали широко применять для классификации общественных лидеров» [Лисовский, 2000]. В настоящее время «имидж» рассматривается как мнение рационального или эмоционального характера, возникшие в психике людей в результате восприятия тех или иных характеристик.

Выделяют следующие виды имиджа: *внутренний* – восприятие образа страны ее гражданами; *международный* – восприятие образа страны другими государствами.

Имидж страны формируется прежде всего средствами массовой информации. Крупнейшие медиахолдинги, пресса, радио, телекомпания, информационные агентства, пресс-службы и новейшие технологии цифровой коммуникации стали основным каналом трансляции информации и формирования общественного мнения. В формирование позитивного имиджа страны наряду со СМИ большую лепту вносят также лидеры мнений, т. е. известные личности сферы образования, науки, культуры, искусства, спорта и политики, чьи позиции интересны мировой общественности. В современных условиях демократического развития государств их влияние на формирование имиджа возрастает.

Таким образом, актуальность темы исследования обусловлена усилением значимости роли известных личностей в формировании имиджа страны.

Это также связано с тем, что цифровое общество кардинально изменило природу политической власти. Традиционная «жесткая сила», основанная на экономических санкциях, угрозах и информационных войнах уступила первенство «мягкой силе» культуры. Сегодня успех каждой страны зависит прежде всего от профессионального использования ресурсов «мягкой силы» – привлекательности культурных достижений, символов, духовных ценностей и образа жизни. И в этом направлении большая роль принадлежит Ч. Айтматову как символу Киргизской Республики, чье творчество является мировым достоянием. Его взгляды и воззрения, публицистические выступления внесли большой вклад в формирование демократического имиджа Киргизской Республики в глазах мировой общественности.

Для современной Киргизии духовные ценности человечества, получившие отражение в публицистике Ч. Айтматова, служат гибким инструментом «мягкой власти» и влияют на формирование позитивного имиджа страны.

Междисциплинарный характер данной статьи потребовал обращения к широкой базе теоретических источников, в которую вошли исследования по имиджелогии, коммуникации, журналистике, публицистике, филологии, социологии, политологии, философии и культурологии.

В статье использованы исследования российских ученых, связанные с раскрытием особенностей формирования имиджа страны. В их числе: Е. Б. Шестопал, Т. Б. Бокова, В. А. Адилов, О. В. Зайченко и др.

В. А. Адилов, который исследовал образ России в Казахстане считает, что образ страны, существующий в массовом сознании, далеко не всегда соответствует реальному положению дел, возможностям определенного государства. Для систематизации характера представлений о себе и о своем месте в мире представляется оправданным отделить «внешние» условия, которые воздействуют на формирование и деятельность страны, от ее «внутренних» характеристик [Адилов, 2009].

Данную позицию детально раскрывает О. В. Зайченко. В своем исследовании она пишет, что научной литературе давно разработана претендующая на универсальность общая схема действия механизма формирования внешнеполитического образа. Его исходная точка – исторический опыт двусторонних контактов. Во-вторых, сильнейшее влияние на восприятие другого народа оказывает ситуация в стране, т. е. государственные и классовые интересы, экономическое положение, идеологические процессы, развивающиеся в социуме и т. д. В-третьих, ситуация за рубежом, международное положение во всем его многообразии [Зайченко, 2004].

Несмотря на то, что в последнее время возрос научный интерес к проблематике имиджа страны в других странах, в научных кругах Киргизской Республики данная проблематика не изучена, а потому отсутствуют комплексные исследования. Однако в настоящее время имеются фрагментарные исследования И. Ж. Бокошовой, К. Исаева, Б. Сейитбаева, Т. А. Супатаева.

Т. А. Супатаев обращает внимание на популяризацию имиджа Республики Киргизии как страны туризма.

Киргизия – страна переходной экономики с высоким потенциалом развития туризма. Прекрасные ландшафты, богатая фауна и флора, традиции кочевого народа и историко-культурная связь с Шелковым путем – все это отличная основа для природного, приключенческого и культурного туризма. Продавая свой туристический продукт и знакомя иностранных туристов со страной и ее людьми, у Киргизской Республики появляется возможность привлечения твердой валюты, создания рабочих мест и повышения дохода всего населения в целом [Супатаев, 2005]. Т. А. Супатаев правильно отмечает, что в числе

первоочередных задач государства в этих условиях является принятие соответствующих мер имиджа Киргизии по поддержанию гостеприимной, дружественной, спокойной и безопасной страны.

Относительно вклада публициста Ч. Айтматова в формирование демократического имиджа Киргизии до сих пор нет обстоятельного научного исследования и данная статья является первой попыткой в этом направлении. Общеизвестно, что научное направление «Айтматоведение», которое сложилось еще при жизни Ч. Айтматова, занимается только феноменом писательской деятельности.

Цель данной статьи – исследование специфики публицистических стратегий, используемых Ч. Айтматовым для формирования демократического имиджа Киргизской Республики.

Достижение цели диктует постановку следующих задач:

- обозначить место инструментов имиджологии в структуре публицистики Ч. Айтматова;
- доказать значение вклада публициста Ч. Айтматова в формировании имиджа Киргизской Республики;
- выявить влияние духовных общечеловеческих ценностей, культурного наследия, традиций, менталитета и образа жизни народа, освещаемых в публицистике Ч. Айтматова, на позиционирование позитивного имиджа Киргизской Республики.

Духовная культура народа как инструмент «мягкой силы» в публицистике Ч. Айтматова

Проблема духовной культуры народа – один из фундаментальных аспектов, занимавших творческую мысль Ч. Айтматова. Это проблема поднимается публицистом не в культурологическом, а в первую очередь, в философском значении.

В этом плане публициста волнует проблема памяти. Она рассматривается как высокая, непреходящая, ценность, означающая любовь человека к родной земле, языку, народу, близким людям, что в целом символизирует нерасторжимую связь времен. Например, в интервью «Пусть длится день», говоря о том, что у них в селе считалось обязательным знать своих предков до седьмого колена, Ч. Айтматов писал:

Старики на этот счет строги. Обычно они испытывали мальчишек: «Ну-ка, батыр¹, скажи, из какого ты рода, кто отец твоего отца? А его

¹ Батыр-храбрец, герой, форма ласкательно-уменьшительного обращения к младшему. – *Прим. авт.*

отец? А его? А какой он был человек, чем занимался, что говорят люди о нем?» И если окажется, что подросток не знает своей родословной, – продолжает автор, – то стыд падет на его родителей. Что, мол, это за отец без роду, без племени? Куда он смотрит, как может расти человек, не зная... предков? (Ч. Айтматов. *Профессионально-техническое образование. 1986*).

Так старшие утверждают своим стремлением сохранить родовую память о поколениях как непреложный закон народной этики и миропонимания. Поэтому личные наблюдения Ч. Айтматова над духовной жизнью народа сформировали мысль о том, что их культурный опыт является фундаментом памяти. С другой стороны, эти наблюдения позволили ему установить одну из причин отрицательных явлений в современном обществе.

В очерке, посвященном этой теме, публицист удачно провел параллель с сюжетом японской кинокартины, продемонстрированной на Московском фестивале. Проводя анализ, Айтматов отмечал:

...там тоже страстно и ярко вырисовывается... проблема отношений между поколениями: в фильме показано, как пожилых людей относят на какую-то гору, чтобы не мешали молодым и умирали вдали от них. Фильм... заставляет думать. Ведь это проблема нравственная... и она в той или иной форме присутствует и в нашей жизни (Ч. Айтматов. *Огонек. 1984*).

Высказывание Ч. Айтматова очень важно и актуально и сегодня. Известно, что современная молодежь более интеллектуальна, образована и информирована, нежели предыдущие поколения. Достижения цифровой технологии увеличивают возможности комплексного развития личности. Тем не менее среди некоторой части членов общества наблюдаются настроения иждивенчества, мещанства, вещизма, практицизма. А «охрана» чувств от «посторонних» переживаний и предпочтение душевного «комфорта», когда понятиям совести, любви, добра пытаются дать четкое математическое определение – это уже патология безнравственности. Отсюда негативный рационализм, который должен был касаться ежедневного распорядка и самодисциплины в организации труда и времени, превращается в философскую систему, в жизненную позицию.

В этой связи проблема памяти как духовная ценность истолковывается Ч. Айтматовым еще шире и глубже. Не осталось также

незамеченной не только ее оценочная, но и нормативная степень, которая находит свое выражение в категориях долга и уважения. На них базировались культурные ценности народной педагогики, где изначальные принципы воспитания исходили, прежде всего, из осознания старшими морального долга перед младшими. Данная ответственность диктовала им, с одной стороны, роль «проводника» в передаче духовного наследия народа, т. е. эпосов, легенд, сказок, традиций, обрядов, ритуалов, а с другой – образца и примера поведения. При этом, согласно родоплеменным понятиям, основная нагрузка воспитательного процесса отводилась не столько родителям, сколько людям старшего поколения – дедам, аксакалам и бабушкам. Это объясняется тем, что именно они решали все спорные вопросы семьи и общества, проявляя наблюдательность, житейскую мудрость, гибкость и осмотрительность. Их личный пример оказывал существенное влияние на формирование детей и, конечно, сопровождался ответной реакцией.

Почитание старших у киргизов культивировалось веками. И в нем нет ничего архаичного, патриархального, поскольку демократический характер народной педагогики предполагает равнозначность развития как индивидуального, так и социального опыта. Их соотношение содействует выработке, например, таких этических качеств, о которых Ч. Айтматов лаконично замечал:

Мы были терпимее к привычкам наших отцов... умели уважать их достоинства и недостатки. Я требую не ханжеского почтения, а внутренней скромности (*Московский комсомолец. 06.02.1968*).

Следует отметить, что Ч. Айтматов в своих публицистических выступлениях духовную культуру народа мастерски сумел использовать как инструмент «мягкой силы».

Демократический имидж страны в концепции планетарного мышления публициста Ч. Айтматова

Публицистику Ч. Айтматова последних десятилетий (1980–2008) отличает тяготение к глубоким обобщениям общечеловеческих проблем, умение ставить вопросы противоречивых взаимоотношений в современном мире. Решение проблемы «быть или не быть» зависит в настоящее время не от отдельной личности, а от человечества. Поэтому публицист подчеркивал:

«...если удастся выстоять перед лицом разрушающих сил бесчеловечности и безнравственности, сохранив и возвысив дух гуманизма, – только в этом случае человек оправдает... наименование мыслящего существа» (*Литературная газета*. 22.06.1977).

Именно отсюда начинается основная гуманистическая линия творчества Айтматова, его стремление к объединению и взаимопониманию сообщества людей, рожденных от единого человеческого «корня».

Общечеловеческое начало оказывается в самой глубине фундамента публицистического творчества Айтматова. Оно усиливает социальную значимость и политическую ноту его выступлений. С одной стороны, трагические события военного времени, страдания и беды, перенесенные народом и нашедшие отражение в мировоззрении Айтматова, естественно, подвели его к необходимости решения глобальной проблемы мирного сосуществования. С другой – публициста отличало глубокое понимание общечеловеческой морали.

«Я далек... от мысли убеждать кого-либо... в необходимости бороться за мир на земле – это аксиома. Разве существует какая-то альтернатива этому?» – спрашивал автор (*Литературная газета*. 22.06.1977).

Далее он убедительно аргументировал свои размышления о том, что конкретная форма борьбы за сохранение жизни на Земле – это разрядка международной напряженности.

Ч. Айтматов, говоря об общечеловеческих ценностях, выдвинул тезис об оздоровлении нравственного климата, т. е. выработке нового мышления. Поднявшись над политическими, социальными, национальными, языковыми, экономическими отличиями, это прежде всего, способность и умение мыслить на уровне прогрессивных идей, различать в сегодняшнем дне тенденции завтрашнего. Осознание подобной необходимости должно базироваться на чувствах, выстраданных «на протяжении тысячелетий его истории ... стремления к дружбе и братству между народами» (*Правда*. 16.10.1982). Иными словами, айтматовская концепция взаимозависимости современного мира, которая является фундаментальным укреплением отношений между государствами, основана на обязательном соблюдении в политике общечеловеческих норм морали. Во внешней политике любой страны «переплетены» сложнейшие межгосударственные отношения и интересы. Ее неперемнным и существенным элементом является то,

что можно назвать искусством переговоров, в процессе которых решение актуальных международных проблем переносится «на почву» живого общения.

Требованиям эпохи, веяниям нового времени полностью отвечало значительное повышение публицистической и организаторской активности Ч. Айтматова. Ярким доказательством тому служит Иссык-Кульский форум, получивший огромный резонанс у мировой общественности как эффективный инструмент «мягкой силы».

Как известно, в октябре 1986 г. в Киргизии состоялось беседа за «круглым столом», на которую съехались крупнейшие деятели культуры и науки многих стран. В их числе: Дж. Болдуин, писатель (США), Д. Болдуин, актер (США), Я. Кемаль, писатель (Турция), А. Кинг, президент Римского клуба (Великобритания), О. Э. Ливанели, композитор (Турция), Ф. Майор, общественный деятель (Испания), Н. Менон, композитор (Индия), А. Миллер, писатель (США), И. Миллер, фотограф-художница (США), Л. Отеро, писатель (Куба), К. Симон, писатель (Франция), А. Текле, художник (Эфиопия), О. Тоффлер, футуролог (США), Х. Тоффлер, философ (США), П. Устинов, писатель, актер и общественный деятель (Великобритания), А. Форти, член секретариата ЮНЕСКО (Италия).

Естественно, идея провести подобный форум не была случайной, а вынашивалась публицистом давно. Импульсом стали размышления об исторической памяти о горьких уроках Второй мировой войны. С другой стороны, именно лично растущее чувство «...по-новому осмыслить свое творческое предназначение...» [Айтматов, 1987, с. 33] и общей ответственности за судьбы мира перед нынешними и будущими поколениями явились мощным посылом для действия.

Следует особо отметить личностный характер международного неофициального и неправительственного сообщества, появившегося впервые по инициативе Ч. Айтматова. Он пригласил участников форума в качестве личных гостей на «шерне» – традиционное чаепитие «у очага Айтматова» и тем самым внес огромный вклад в формирование демократического имиджа Киргизской Республики.

Исключительно свободная обстановка Иссык-Кульской встречи, не ограниченная никакими регламентами, создала условия для откровенной дружеской беседы. Состоялся обмен мнений по широкому кругу актуальных проблем – от экологии до культуры, от политики до лингвистики, от личного до общечеловеческого.

Естественно, в ходе бесед участники форума не скрывали своих, порой противоположных, мировоззренческих ориентиров и политических позиций, что наглядно показывало трудности в преодолении стереотипов. В то же время Иссък-Кульская встреча продемонстрировала возможность договариваться, находить согласие в масштабах всего человечества. Поэтому, несмотря на различие идеологий, религий, принципов, участники форума сумели найти общую платформу взаимного понимания. Они пришли к единому мнению о возможности формирования нового политического мышления.

Органичное соединение их коллективной концепции нашло конкретное выражение в Заявлении Иссък-Кульского форума, в котором участники обратились ко всем деятелям мировой культуры с призывом присоединиться к их стремлениям. Они предлагали объединить усилия, которые могли бы способствовать улучшению нынешнего положения и предотвращению грозящей катастрофы.

Заключение

В ходе данного исследования, рассмотрены некоторые аспекты вклада публициста Ч. Айтматова в формирование демократического имиджа Кыргызстана. На основании публицистических выступлений Ч. Айтматова выявлено, что духовная культура кыргызского народа рассматривалась публицистом как инструмент «мягкой силы»; Иссък-Кульский форум, который получил большой резонанс у мировой общественности, внес огромный вклад в формирование демократического имиджа Киргизии. Более того, Иссък-Кульский форум, доказал необходимость развития нового политического мышления, которое должно базироваться на моральных посылах, аккумулирующих духовный опыт всего человечества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лисовский С. Ф. Политическая реклама. Москва : Маркетинг, 2000. Т. 1.
2. Адилев В. А. Образ России в Казахстане: опыт проектирования имиджа страны во внешней среде: дис. ... канд. социол. наук. Москва, 2009.
3. Зайченко О. В. Немецкая публицистика и формирование образа России в общественном мнении Германии в первой половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. URL: <https://www.disserscat.com/content/>

- nemetskaya-publitsistika-i-formirovanie-obraza-rossii-v-obshchestvennom-mnenii-germanii-v-pe (дата обращения: 14.09.2021).
4. *Супатаев Т. А.* Туристско-рекреационный комплекс Иссык-Кульской области, его использование и вопросы охраны природы: автореф. дис. ... канд. географ. наук. Бишкек, 2005.
 5. *Айтматов Ч.* Вступительное слово на открытии форума // Иссык-Кульский форум / сост. Н. А. Горшков, Е. И. Марченко. Фрунзе, 1987.

REFERENCES

1. Lisovskij, S. F. (2000). Politicheskaja reklama = Political advertisement. Moscow: Marketing. Vol. 1. (In Russ.)
2. Adilov, V. A. (2009). Obraz Rosii v Kazahstane: opyt proektirovaniya imidzha strany vo vneshnej srede = The image of Russia in Kazakhstan: the experience of projecting the country's image in the external environment: PhD in Sociology. Moscow. (In Russ.)
3. Zajchenko, O. V. (2004). Nemeckaja publicistika i formirovanie obraza Rossii v obshchestvennom mnenii Germanii v pervoj polovine XIX veka = German journalism and the formation of the image of Russia in German public opinion in the first half of the 19th century: thesis of PhD in History. Moscow. <https://www.dissercat.com/content/nemetskaya-publitsistika-i-formirovanie-obraza-rossii-v-obshchestvennom-mnenii-germanii-v-pe> (In Russ.)
4. Supataev, T. A. (2005). Turistsko-rekreacionnyj kompleks Issyk-Kul'skoj oblasti, ego ispol'zovanie i voprosy ohrany prirody = Tourist and recreational complex of the Issyk-Kul region, its use and nature protection issues: abstract of PhD in Geography. Bishkek. (In Russ.)
5. Ajtmatov, Ch. (1987). Vstupitel'noe slovo na otkrytii foruma = Opening address at the forum. Issyk-Kul'skij forum. In N. A. Gorshkov, E. I. Marchenko. Frunze. 1987. (In Russ.)

Информация об авторе

Асанова А. А. – кандидат филологических наук, доцент Бишкекского государственного университета им. К. Карасаева, декан факультета журналистики и информационных систем

Information about the author

Asanova A. A. – PhD (Philology) Associate Professor, Dean of the Faculty of Journalism and Information Systems, Bishkek State University named after K. Karasaev

Статья поступила в редакцию 03.06.2021; одобрена после рецензирования 02.07.2021; принята к публикации 05.07.2021

The article was submitted 03.06.2021; approved after reviewing 02.07.2021; accepted for publication 05.07.2021

Научная статья

УДК 821.531

DOI 10.52070/2542-2197_2021_10_852_206

**НОВЫЙ ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ
В КОРЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ НА РОДНОМ ЯЗЫКЕ
XVIII–XIX ВЕКОВ КАК ЭЛЕМЕНТ ПЕРЕХОДНОГО ЭТАПА
К СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

А. А. Гурьева

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, nastyagur@hotmail.com

Аннотация. Статья посвящена особенностям нового образа женщин в корейской поэзии на родном языке XVIII–XIX веков – периода, ознаменовавшего формирование предпосылок к переходу от традиционной литературы к современной. На это же время приходится активное включение женщин в число читателей и авторов поэтических текстов, расширение тематического диапазона жанров. На основе анализа оригинальных текстов в статье классифицируются тенденции в изображении женщин. Выделенные тенденции к созданию более активного, динамичного, образа в бытовом контексте, нередко при помощи «сниженной» стилистики сопровождаются комментарием в контексте изменения литературной традиции.

Ключевые слова: корейская литература, традиционная корейская поэзия, литература эпохи Чосон, женская поэзия, корейская любовная поэзия, новые образы женщин, поэтическая образность, переходный период в корейской литературе, сичжо, каса

Благодарности: Работа выполнена в рамках Программы поддержки корееведения в ведущих университетах, реализуемой Министерством образования Республики Корея и Центром развития корееведения при Академии корееведения (AKS-2016-OLU-2250002).

Для цитирования: Гурьева А. А. Новый образ женщины в корейской поэзии на родном языке XVIII–XIX веков как элемент переходного этапа к современной литературе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 10 (852). С. 206–223. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_10_852_206

Original article

NEW FEMALE IMAGES IN KOREAN VERNACULAR POETRY
OF THE 18th–19th CENTURIES AS AN ELEMENT
OF TRANSITION TO MODERN LITERATURE

A. A. Guryeva

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, nastyagur@hotmail.com

Abstract. The paper deals with specifics of new female images in Korean vernacular poetry of the 18th–19th centuries, marked by the formation of prerequisites to the transition from pre-modern to modern literature in Korea. In the same period women become actively involved in reading and creating texts, along with widening of the poetical genres thematic scope. Basing on the analysis of original texts, the paper traces tendencies in female representations. Such trends as drawing an active, dynamic image in an everyday context, often using “lowered” style are commented in the context of literary tradition transformation.

Key words: Korean literature, pre-modern Korean poetry, literature of Joseon, female literature, Korean love poetry, new female representations, poetical imagery, transition to modern Korean literature, sijo, gasa

Acknowledgments: This work was supported by the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of Korea and the Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS-2016-OLU-2250002).

For citation: Guryeva, A. A. (2021). New female images in Korean vernacular poetry of the 18th–19th centuries as an element of transition to modern literature. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 10(852), 206–223. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_10_852_206

Введение

Период XVIII–XIX веков занимает особое место в истории корейской литературы как время формирования предпосылок к переходу от традиционной литературы к современной. Именно в этот период наблюдается процесс жанровых трансформаций, явившихся предвестником принципиально новых тенденций в литературе¹.

¹ Ранее к «переходным» жанрам было принято относить такие типы произведений, как *창가* хоровая песня чханга [Иванова, 1987], однако исследования текстов периода XVIII–XIX веков показали, что именно в них сосредоточиваются особенности, которые свидетельствуют о постепенном переходе к принципиально новым формам [박애경, 2008; Гурьева, 2012].

Этот процесс охватил большинство форм, распространенных в эпоху Чосон (1392–1897), причем, как в литературе на родном языке, так и в некоторых типах произведений на *ханмуне* [Троцевич, 2004]. В поэзии на корейском языке характерными изменениями для этого процесса являются, в частности, отклонения от метрических норм жанра, употребление новых приемов, а также нетипичных для литературной традиции образов.

Важной составляющей этих изменений стали женские образы, отличающиеся от сложившейся традиции. Целью представленной статьи является рассмотрение новых женских образов, появляющихся в текстах XVII–XIX веков, в контексте характерных изменений в поэтических жанрах на родном языке. Эта тема позволяет обратиться к широкому пласту вопросов, связанных как с развитием корейской поэзии, так и с возрастающей ролью женской авторской и читательской аудитории. Между тем в российском и западном корееведении проблемы образности текстов указанного периода практически не изучались. Данная статья основывается преимущественно на анализе оригинальных текстов. Для глубинного анализа произведений мы опирались на труды отечественных исследователей корейской литературы (М. И. Никитиной, А. Ф. Троцевич). Для понимания контекста используются труды южнокорейских исследователей, посвященные особенностям литературы периода.

Большинство примеров оригинальных текстов взято из поэтической антологии 南薰太平歌 «Песни Великого спокойствия при южном ветре» (*Намхун тхэпхён-га*, 1863)¹. Она включает в себя наиболее популярные образцы поэзии на родном языке эпохи Чосон, многие из которых относятся к текстам нового типа. Именно эта антология и тексты, впервые опубликованные в ней, рассматриваются учеными как характерные образцы новых тенденций. Большая часть текстов относится к текстам нового типа, сформировавшимся в рамках классических жанров: это 장시조 «длинные *сичжо*» (или 사설시조 «повествовательные *сичжо*») и 가창가사 музыкальные *каса* – жанровые трансформации краткострочных *сичжо* и поэм-*каса* (репрезентативных жанров эпохи Чосон). Авторы всех рассматриваемых далее стихотворений неизвестны.

¹ Художественный перевод антологии см. в [Песни Великого спокойствия при южном ветре, 2019].

Женская лирика в жанрах сичжо и каса представляет собой достаточно новое явление для этой эпохи, связанное с расширением тематического диапазона жанров. К периоду XVI–XVII века относятся имена (и/или псевдонимы) поэтесс, творчество которых послужило формированию темы личной жизни в этих жанрах. Это и прославленные представительницы интеллектуальной элиты Син Саимдан (신사임당 1504–1551), Хо Нансорхон (허난설현 1563–1589), и знаменитые *кисэн* Хван Чжини (황진이 1506–1567), Керан (계랑 1513–1550). В их произведениях лирическая героиня чаще всего говорит о своей разлуке с возлюбленным, ожидании новой встречи¹. Личные взаимоотношения служат основной темой женской поэзии в первую очередь в жанрах на родном языке².

Последующий период, рассмотрению которого посвящена данная статья, оставил значительно больше текстов, написанных от имени женщин, но при этом существенно меньше имен. Это связано с общей тенденцией к распространению анонимной поэзии, составляющей одну из особенностей поэзии периода. В результате общего культурного подъема в XVII–XVIII веках, более активную роль в литературной жизни стали играть представители средних и низших слоев населения, в частности как читатели и как авторы поэтических текстов на родном языке. В их числе было много авторов-женщин, тексты которых касаются преимущественно темы личной жизни. Появляется также лирический герой мужчина, что нехарактерно для тестов, сочиненных мужчинами в более ранний период. В статье выделены тенденции в изображении женщины, которые объясняются в контексте видоизменения литературной традиции.

¹ В статье не рассматриваются образцы определенного вида поэзии: «воспевание любви к государю» 戀君. В таких произведениях чиновники в опале в поэтической форме выражают свои чувства от лица покинутой возлюбленной женщины.

² В женской поэзии на ханмуне темой может становиться также тоска по родному дому, который женщина покинула, выходя замуж, трагедия в семье [Троцевич, 2004]. В творчестве поэтесс встречается и пейзажная поэзия [Рисунки тушью. Корейская классическая поэзия на китайском языке, 2015].

Женщина как объект чувств лирического героя

Стихотворения, написанные от имени мужчины и посвященные женщине, составляют новую группу текстов в поэзии XVIII–XIX вв. Темой некоторых из этих текстов служит разлука с возлюбленной, при этом сама женщина часто не изображается. Ср:

Сян Юй пусть и выдающийся
Полководец Поднебесной,
Расставаясь с красавицей Юй,
Вздыхал и лил слезы.
А Мин Хуан пусть и выдающийся
Правитель, спасающий мир,
Расставшись с Ян гуйфэй
Возле станции Мавэй, плакал.
А уж что говорить
О других мужах! [박애경, 2008, № 184]¹.

Раскрытию смысла стихотворения служат имена из китайской истории. Получила известность история расставания правителя царства Чу Сян Юя (232–202 гг. до н. э) с его возлюбленной, наложницей, красавицей Юй, которая покончила с собой после его смерти. Известна и история любви Мин Хуана (712–755) (императора Сюань-цзуна), отношения которого с любимой наложницей Ян гуйфэй спровоцировали возвышение ее семьи, вследствие чего Ян гуйфэй погибла от рук убийцы у станции Мавэй².

Введение в текст имен знаменитых имен призвано акцентировать ситуацию разлуки, с которой не могли справиться даже выдающиеся исторические личности. Это стихотворение строится на традиционном приеме использования известного имени, которое выступает как знак определенной ситуации. Новое в данном случае – актуализация его значения в непривычном контексте: новая ситуация выявляет слабости фигуры, изначально являющейся символом мощи.

Рассмотрим стихотворения, в которых образ возлюбленной лирического героя описан более подробно. Тексты, посвященные любви мужчины к женщине, могут иметь сложную композицию и строиться на системе символов и литературных намеков.

¹ Зд. и далее перевод наш. – А. Г.

² Подробное изучение репрезентации этой истории в литературе [Сторожук, 2010].

Детальное описание женщины включено в поэму-каса 春眠曲 Чхун-мён-гок «Весенний сон», состоящую из двух основных частей (структурно не выделенных): первая посвящена обстоятельствам встречи лирического героя с девушкой и их любви, вторая – его тоске в разлуке.

В высоком доме с зеленой черепицей и красными перилами
 Некая красавица в зеленой кофте и красной юбке
 Приоткрыла окно, затянутое тонким шелком,
 И показала на миг свое нефритовое личико,
 Будто улыбаясь и хмурясь,
 Она заигрывает со мной,
 Взглядом посылает мне «осенние волны».
 Прижала цинь к зеленой кофточке,
 Ее исполнение мелодии чистым прекрасным голосом
 Вызвало во мне страсть [박애경, 2008].

Следует отметить, что детализация образа объекта страданий в разлуке и описание обстоятельств встречи характерны именно для стихотворений, написанных от имени мужчины, а «женские» стихотворения концентрируются на эмоциональной стороне ситуации [구리예마, 2013].

В каса «Весенний сон» описание возлюбленной соответствует литературной традиции и состоит из устойчивых выражений, большинство из которых заимствовано из китайской литературы (нефритовое личико 玉眼 – знак женской красоты, осенние волны 秋波 – метафора кокетства). Такие выражения употребляются в литературе на ханмуне, в прозе аналогичного периода [Троцевич, 1959], а также в классических каса, в которых женщина сетует на то, что в разлуке с милым ей некому дарить свою красоту. Пример – строки из каса 相思別曲 Санса-пёльгок «Тоска в разлуке» того же периода, которая считается образцом любовной поэзии на родном языке:

Дни и месяцы сами собой минуют равнодушно.
 Нефритовое личико и волосы-тучи стареют тщетно [박애경, 2008].

Примечательно, что в приведенных примерах не указывается причина разлуки между лирическим героем и его возлюбленной. В каса «Весенний сон» проявляется еще одна особенность «мужских любовных текстов»: лирический герой винит в ситуации разлуки

обстоятельства [Guryeva, 2012], что акцентируется в тексте посредством метафор [Гурьева, 2010].

Словно уточки-мандаринки, игравшие на чистой реке,
С криком [покинув друг друга] разлетелись.
Словно мотылек и пчела, испуганные буйным ветром,
Летели вместе, и вот их разметало [в разные стороны] [박애경, 2008].

Во многих других текстах рассматриваемого периода проявляется тенденция «снижения стиля», – одна из важнейших характеристик сичжо нового типа (длинных и повествовательных сичжо). Такая стилистика допускает непоэтичный тон обращения к женщине, передающий попытку выяснения отношений, как в следующем примере:

Когда бегущей лошади говоришь: «тпру»,
Она останавливается, подстегиваешь – идет.
И даже свирепый тигр, живущий в глубине гор,
Если увещевать его, уходит.
А ты, девица, чья же ты за дочь,
Что сердце надрываешь людям? [박애경, 2008, № 109].

Стихотворение строится на распространенном в сичжо приеме параллелизма, однако использованные в нем метафоры не являются распространенными: лошадь и тигр нетрадиционно не символизируют женщину. Сравнение с ними придает тексту характер бытового монолога, спонтанно уложенного в определенную метрическую картину.

Новые сичжо о женщине могут содержать также эротический подтекст, не свойственный сичжо классическим.

Села резко – узкая талия легкая и нежная.
Оправила красную юбку – прекрасна белоснежная кожа.
Села расставив ноги – приоткрывшийся красный пион
Овевается весенним ветром.
Вперед-вперед и опять назад-назад –
В горах, покрытых густым лесом,
Не звук ли круппорушки доносится? [[박애경, 2008, № 200].

В этом стихотворении содержатся образы, в которых подразумеваются половые органы [정병욱, 1962, с. 171]. Сближение их с образом весеннего ветра – символом мужского начала – выступает как метафора полового контакта, продублированная в следующей строке.

В последней строке фигурирует крупорушка – символ любовных свиданий¹.

Таким образом, в обоих текстах сичжо при описании женщины не используются традиционные устойчивые выражения, а стилистика обоих текстов отличается от стилистики классических сичжо. Употребление разговорных элементов и сравнений, не входящих в систему образности, принятую в художественном пространстве классических сичжо и каса, служит формированию произведений нового типа.

Женщина как динамический образ

В дальневосточной литературной традиции взаимоотношения между мужчиной и женщиной понимаются через призму взаимоотношений противоположностей *инь* и *ян*, на которых строится мироздание. Женщина соотносится со статикой, пассивностью, с замкнутым пространством, в то время как мужчина активен и динамично реализует свою активность во внешнем неограниченном пространстве.

Это понимание воплощают многие поэтические тексты, в частности, относящиеся к рассматриваемому периоду. Сама позиция женщины, находящейся в вынужденном ожидании мужчины и преимущественно ограниченной пространством дома, выражает данную ролевою модель. Этой модели соответствуют распространенные метафорические выражения и устойчивые формулы, в которых сосредоточены представления о месте женщины. Такой образ, как 路柳墻花 *норю чанхва* «ива у дороги и цветок у забора» (метафора *кисэн*, которую можно походя сломать, сорвать), передает идею пассивности, статики, зависимости. Сочетание «пустая комната, в которой я сплю в одиночестве» 獨宿空房 *токсук конбан* – часто обозначает женскую долю, соотнесенную с замкнутым пространством и одиночеством. Эти и другие выражения часто встречаются в сичжо и каса любовной тематики. Способом преодоления статичности в таких текстах могло выступать обращение к птице-вестнику. Чаще всего гусь (вестник в дальневосточной литературной традиции), способный преодолевать

¹ Отметим, что эта семантика крупорушки оказывается актуальной для корейской литературы начала XX века. Ср. рассказ На Дохяна (1902–1927) 물레방아 «Крупорушка», в котором мельница выступает как место свидания замужней героини с другим мужчиной.

большие расстояния, мог связать женщину с возлюбленным, передавая ему весточку. Протяжные крики гуся также акцентируют тоску лирической героини в разлуке и делают птицу собеседником, способным понять ее.

Эй, гусь, что, потеряв свою пару, летит с криком при луне
На рассвете, пронизанном инеем,
По пути передай милому, что, расставшись с ним,
Жить не могу от тоски.
Пока летишь,
Будь добр, передай, что подскажет тебе душа [박애경, 2008, № 39].

Однако в период XVIII–XIX вв. появляется новый образ женщины, характеризующийся динамичностью.

Даже ветер, передохнув, преодолевает его,
Даже облака, передохнув, преодолевают его.
Этот долгий перевал с длинной крепостной стеной,
С высокими скалами,
Даже горный ястреб, водяной ястреб и сизый сапсан,
Передохнув, преодолевают.
А я, если скажут мне, что милый идет,
Ни разу не передохнув, преодолею его [박애경, 2008, № 132].

Динамичность лирической героини передана при помощи приема сравнения, который позволяет обратить внимание на невозможность описываемой ситуации. Таким образом возвращение возлюбленного мыслится женщиной как событие, способное раскрыть в ней ирреальные возможности.

Аналогичным образом динамический образ женщины в следующем длинном сичжо появляется в особом контексте:

Поднявшись к горам и рекам, в которых нет воды,
Сломаю деревья и мост настелю,
Камни положу и покачу повозку с грохотом: трах-бабах,
Засыплю также и болота,
Сравню с землей зеленые горы в 10000 ступеней,
Опускающиеся волны изогнув – хватать – поймаю и оседлаю
И – цок-цок – поеду искать милого,

В лучах заходящего солнца над холодной водой
Ласточки туда-сюда снуют [박애경, 2008, № 80].

Действия лирической героини здесь сводятся к устранению преград между ней и ее возлюбленным, которые, в свою очередь обозначены выражениями, часто фигурирующими в любовной поэзии в качестве помехи для возвращения милого. Ср. строки из каса 相思別曲 «Тоска в разлуке»:

Но вот – я в глубине зеленых гор,
что десять тысяч ступеней образуют,
Разве станет меня искать мой милый?

Или

Отчего в горах есть перевалы?
Отчего в водах есть болота? [박애경, 2008]

Семантически существенно то, что, устраняя преграды, героиня сичжо тем самым создает переправу. Между тем переправа (водная) в архаичном слое корейской культуры часто символизирует любовную связь [Никитина, 1982, с. 71]. В этом отношении особенно важна семантика моста: в кругу мифологических представлений ступание по мосту соотносится с производительным актом [там же, с. 70–79]¹. Таким образом, идея преодоления разлуки развивается в тексте и на уровне содержания, и на глубинном уровне, но нереальные координаты: «горы и реки без воды» определяют нереальность всей ситуации, тщетность усилий женщины.

Обратим внимание на стилистику текста. Использование ономастопозитических выражений, передающих действия героини (трах-бабах, хват и т. д.) служит созданию активного и независимого образа

¹ Такие ассоциации могут быть подсознательными. В современной культуре прослеживаются элементы указанных представлений, однако, как правило, ее представители не могут объяснить, к чему они восходят. Примером может служить обычай студенток Университета Ихва (Сеул), связанный с располагавшимся у главных ворот Университета пешеходным мостом над железнодорожными путями. Когда под мостом проходил поезд, девушки бежали к мосту, и считалось, что девушку, ступившую на мост раньше остальных, ждут радостные события в личной жизни. (Записано автором статьи со слов преподавательницы Института корейского языка Университета Ёнсе (Сеул) Ли Кисон в 2000 г.).

лирической героини. При этом последняя строка данного *сичжо* – цитата из связанного с печалью о ситуации в стране стихотворения Чо Гванчжо (1482–1519) словно призвана возвращению читателя в реальный мир.

В рассматриваемом *сичжо* можно усмотреть также прием гиперболизации любовного чувства. Сила эмоций женщины, находящейся в разлуке с милым, выражается в масштабности ее действий, ее воображаемой способности воздействовать на основы мира – горы и воды.

Женщина как активное начало в отношениях между полами

Вместе с динамическим образом героини появляется образ женщины, которая выступает активным началом в отношениях с противоположным полом. Позиция ожидания милого сменяется независимым в эмоциональном плане положением женщины. Сравните:

Зачем ты пришел? Зачем ты пришел в комнату,
Где сплю в одиночестве?
Пришел, так пришел,
Но уйди так, чтоб следов не осталось <...> [박이경, 2008, № 186].

Обратим внимание на употребление в этом стихотворении пространственного выражения «комната, в которой я сплю в одиночестве». В новом контексте оно уже не связано с одиночеством как таковым: читатель понимает, что это пространство служит местом тайного свидания.

Нетипичная для любовных *сичжо* и *каса* тональность может служить выяснению отношений:

Даже в нефрите есть вкрапления-изъяны.
Если я с кем-то словом перемолвилась,
Разве это значит, что он стал мне мужем?
Не умею, вывернув наизнанку душу,
Показать другому человеку [что в ней] –
Где сыщется более грустная ситуация?
Пусть хоть десять человек скажут хоть сто слов,
Сам решай, что думать [박이경, 2008, № 15].

Хотя *сичжо* представляет собой слова оправдания, последняя строка написана в поучительном тоне, что служит созданию впечатления естественного диалога, в котором нет слабой стороны. Кроме

того, лирическая героиня сравнивает себя с нефритом – ценнейшим в восприятии корейцев минералом, иносказательно демонстрируя, что высоко ставит себя.

Наиболее нетипичным для традиционного развития темы взаимоотношения полов становится мотив выбора женщиной возлюбленного из числа мужчин, принадлежащих другим женщинам.

О, гусь и утка,
 Качающиеся на десяти тысячах синих [безбрежных] волн,
 О, утки-мандаринки,
 Дрофа и журавль,
 Знаете ли вы или не знаете глубину вод,
 Над которыми, качаясь, плаваете?
 И мы также, заводя отношения с чужим возлюбленным,
 Глубину разве знаем? [박애경, 2008, № 36].

Развитием этой темы может служить аллегорическое сравнение.

На ширме нарисована кошка с расколотым передним зубом,
 А перед ней – маленькая мускусная мышь.
 Эх, проворная эта кошка
 Собирается сцапать нарисованную мышь.
 И мы тоже не пытаемся ли чужого милого
 Так же сцапать? [박애경, 2008, № 212].

В первом тексте образ «десяти тысяч синих волн» метафора морского пространства указывает на сложность взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Во втором – образ кошки соответствует негативному отношению к этому животному, которое в прошлом наблюдалось в корейской культуре, особенно в народной среде [한국문화상징사전, 1995, с. 58]. Также возникновение параллели «кошка – женщина» возможно в связи с ассоциацией между кошкой и женским началом *инь* [Rutt, Pratt, 1999, с. 37].

Исследовательница текстов сичжо данного периода Чхве Кюсу пишет о том, что в сичжо, входящих в антологию «Песни Великого спокойствия при южном ветре», формируется новый, более активный и «дерзкий» женский образ, на фоне которого мужчина может восприниматься как «мелкая и незначительная личность» [최규수, 2006, с. 314].

Женщина как участница бытовой сцены

Одним из важных изменений в стихотворениях нового типа становится расширение картины мира текстов и включение в них бытовых сцен из жизни обычных людей, зарисовок с улиц и рынков.

Встречаются они и в литературе на *ханмуне* [허경진 2003]. Наибольшее распространение эти сюжеты получают в *чан-сичжо*. В таких текстах женщина нередко выступает участницей описываемой сцены.

Когда ехали охотиться на фазана
За горами да за облаками,
На ту лошадь, что медленно и тихо ползет,
Подобно дракону,
Я усадил свою любовь,
Чтоб той лошади дать половину нагрузки.
Подстегивая лошадь, оглянулся вокруг –
А в гуще облаков только половина луны,
Когда же все те облака разогнав,
Полную луну увижу? [박애경, 2008, № 57].

Стихотворение носит сугубо бытовой характер, и женщина выступает здесь как пассивная участница, по сути, элемент описываемой сцены. Примечательно, что лирический герой обозначает ее при помощи слова *사랑* *sarang* «любовь», которое традиционно не употреблялось в литературе, поскольку выражению чувств, как правило, служили устойчивые выражения и метафоры. Использование этого слова, тем не менее, не связано с эмоциональным фоном стихотворения, которое, по сути, вообще не относится к любовной тематике. Мужчина и женщина в таких текстах проводят время вместе, но их отношения не являются предметом описания.

В ряде *сичжо* женщина вовлечена в беседу на улице, на рынке. Таких стихотворений, начинающихся с обращения *덕들에* *тэктые* «Эй, женщины», немало, и в большинстве случаев, сам диалог женщины с продавцом или ремесленником становится основной темой стихотворения.

Некоторые тексты могут содержать и скрытый смысл.

- Эй, женщины, покупайте дрова!
- А почему вязанка твоих дров?
- За одну вязанку дров беру один маль риса,

За одну вязанку сухих дров – пять тве риса¹.
 Если сложить – будет маль и пять тве.
 Купите и попробуйте поджечь –
 [Мои дрова] хорошо разгораются.
 – Если и вправду так, буду приходиться почаще [박애경, 2008, № 142].

Южнокорейский исследователь Сон Мугён трактует слова продавца о жаре дров как указание на мужскую силу, усматривая здесь эротический намек: продавец иносказательно приглашает женщину на свидание².

Следует отметить, что использованная в этом тексте метафора нетипична для корейской поэзии на родном языке эпохи Чосон: традиционно знаком любовной связи служила вода или переправа (что восходит к архаичному слою корейской культуры) или же облака и дождь (как аллюзия китайскую легенду об Ушаньской фее). В то же время жар и огонь чаще всего фигурируют в качестве метафоры любовных страданий.

Разлука становится огнем,
 Разожжешь ее – печень разрывается.
 Хорошо бы, если бы слезы стали дождем,
 Да потушили горящий огонь,
 <...> [박애경, 2008, № 61].

Возвращаясь к анализируемому *сичжо*, обратим внимание на позицию женщины. Она активно вступает в диалог с продавцом дров, понимая намек, принимает приглашение и выражает намерение приходиться к нему регулярно.

Отметим, что в прозе активный образ женщины можно найти в произведениях более раннего периода. Так, в знаменитом романе Ким Манчжуна (1637–1689) 九雲夢 *Ку ун мон* «Облачный сон девяти», большинство женских персонажей весьма активны. Они «играют» с героем, устраивая розыгрыши, в частности обман с переодеваниями, притворяются, некоторые из них сами иницируют отношения с ним. Отметим, что нередко эта «игра» строится на знании литературных метафор, которые не были бы восприняты неначитанным персонажем

¹ *Маль* – мера веса (примерно 18 кг). *Тве* – мера измерения сыпучих материалов (примерно 1,8 литра).

² Автор благодарен профессору Сон Мугёну за консультации.

[구리예바, 2013]. Также и в рассматриваемых поэтических текстах метафора выступает важным элементом описания взаимоотношений между полами и выражения эмоций.

Заключение

Рассмотрев характерные примеры новых женских образов и новых контекстов, в которых они выступают, мы можем сказать, что их специфика соответствует общим особенностям литературы данного периода как переходного этапа к современным литературным формам. Снижение стиля, новые приемы, нетипичные образы и сравнения, нехарактерные для традиции сочетания, – это основные черты представленных выше примеров. Некоторые из этих элементов (метафоры физиологического характера, упрощенные образы и сниженный стиль) не соответствуют требованиям, традиционно предъявляемым в Корее к литературе.

Необходимо сделать акцент на том, что новые тексты помещались в сборники вместе с классическими текстами. Первым и репрезентативным сборником такого типа считается антология «Песни Великого спокойствия при южном ветре», из которой мы использовали примеры в статье. Кроме того, в одном и том же тексте могут сочетаться «высокие» литературные и «низкие» разговорные элементы, художественное и бытовое, изысканное и вульгарное. Это один из признаков постепенного выхода за рамки требований, которые прежде строго предъявлялись по отношению к классическим жанрам. Поэзия стала достоянием широких читательских и авторских слоев. Рассматриваемые тексты иллюстрируют важнейшее для истории корейской культуры явление: сдвиг в восприятии поэзии и литературы в целом. Переосмысление понятия литературы, в свою очередь, подготавливает почву для перехода к современной литературе. Изменения женских образов и новые тенденции в женской лирике сопряжены с определенными социокультурными основаниями для их возникновения. Изучение читательской культуры и творчества женщин – часть исследования широкой проблематики, имеющей междисциплинарный характер.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Троцевич А. Ф.* История корейской традиционной литературы (до XX в.). Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2004.
2. *Иванова В. И.* Новая проза Кореи. М.: Наука, 1987.
3. *박애경.* 한국고전 시가의 근대적 변천 과정연구. 서울, 2008. 320쪽

4. *Гурьева А. А.* Антология традиционной корейской поэзии «Намхун тхэпхён-га (Песни Великого спокойствия при южном ветре)» (по ксилографу из коллекции Института Восточных Рукописей РАН: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2012.
5. Песни Великого спокойствия при южном ветре: пер. с кор. А. А. Гурьевой. Санкт-Петербург : Гиперион, 2019.
6. Рисунки тушью. Корейская классическая поэзия на китайском языке : пер. с кит. А. А. Гурьевой, Л. В. Ждановой, Ю. Л. Кроля, Л. Н. Меньшикова, А. Ф. Троцевич. Санкт-Петербург: Гиперион, 2015.
7. 구리예바 А. А. (2013). 구운몽과 남훈태평가의 여성인물, 그 비교의 일면//문학과 해석. 서울: 문학과 해석사, 2013. 139–146.
8. *Сторожук А. Г.* Три учения и культура Китая: конфуцианство, буддизм и даосизм в художественном творчестве эпохи Тан. Санкт-Петербург: Береста, 2010.
9. *Троцевич А. Ф.* Особенности языка и стиля «Повести о Чхунхян» // Корейская литература: сб. статей. Москва: ИВЛ, 1959. С. 62–88.
10. *Guryeva A. A.* Korean Vernacular Poetry in the 18th and 19th Centuries: “Male” and “Female” Poems // St. Petersburg Annual of Asian and African Studies. St. Petersburg. 2012. Vol. 1. Pp. 129–145.
11. *Гурьева А. А.* О некоторых особенностях корейской любовной поэзии на родном языке второй половины эпохи Чосон (на примере поэм-каса «Тоска в разлуке» и «Весенний сон») // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 9. 2010. Вып. 4. С. 214–224.
12. 정병욱. 시조문학사전. 서울 (1962).
13. *Никитина М. И.* Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. Москва : Наука, 1982.
14. 한국문화상징사전 [Hanguk munhwa sangjing sajeon (1995) = Encyclopedia of Symbols of Korean Culture). Seoul: Dong-A.
15. *Rutt R., Pratt K.* Korea, a Historical and Cultural Dictionary // Curzon, University of Durham, 1999.
16. 최규수. (2006). 남훈태평가 소재 시조에 나타난 여성인물상의 특징적 경향과 의미 // 한국여성문학연구. 12. 290–317쪽.
17. 허경진. (2003). 조선후기 한문학에 나타난 상업문화 // 동방학지. № 120. 서울. 173–229쪽.

REFERENCES

1. Trotsevich, A. F. (2004). Istoriya koreiskoi traditsionnoi literatury (do XX v.) = History of Korean Traditional Literature (till 20th cenury). St. Petersburg: St. Petersburg State University Press. (In Russ.)

2. Ivanova, V. I. (1987). *Novaya proza Korei = New Prose of Korea*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
3. Park, Ae-kyuon (2008). *Hangukkojeon siga-eui geundaejeok byeongjeon gwajeonyeongu = A Study on the modern transformation of Korean classical songs and poetry*. Seoul: Seomyeong chulpan (In Korean)
4. Guryeva, A. A. (2012). *Antologiya traditsionnoi koreiskoi poezii "Namhun taepyeong-ga (Pesni Velikogo spokoistviya pri yuzhnom vetre)" (po ksilografu iz kollektzii Instituta Vostochnyh rukopisei RAN) = Anthology of Traditional Korean Poetry "Namhun taepyeong-ga (Songs of the Great Peace at South Wind)" (based on the block-print from the Institute of Oriental Manuscripts, RAS)*. PhD in Philology. St. Petersburg. (In Russ.)
5. *Pesni Velikogo spokoistviya pri yuzhnom vetre (2019)*. = *Songs of the Great Peace at South Wind*, transl. from Korean by A. A. Guryeva. St. Petersburg: Hyperion (In Russ.)
6. *Risunki tush'yu (2015)*. *Sketches in Ink* : transl. from Chinese by A. A. Guryeva, L. V. Zhdanova, Yu. L. Krol, L. N. Men'shikov, A. F. Trotsevich. St. Petersburg: Hyperion. (In Russ.)
7. Guryeva, A. A. (2013). *Ku Un Mong-gwa Namhun taepyeong-ga-eui yeoseong inmul, geu bigyo-eu ilmyeon = Female characters in Ku Un Mong novel and Namhun taepyeong-ga anthology: an attempt of comparison*. *Munheon-gwa haeseok* (pp. 139–146). Vol. 64. Seoul: Munheon-gwa haeseok-sa
8. Storozhuk, A. G. (2010). *Tri ucheniya i kul'tura Kitaya: konfutsianstvo, buddizm, daosizm v hudozestvennom tvorchestve epoi Tan = Three Teachings and Chinese Culture: Confucianism, Buddhism, Taoism in Artistic Works of Tang*. St. Petersburg: Typography Beresta. (In Russ.)
9. Trotsevich, A. F. (1959). *Osobennosti yazuka i stilya "Povesti o Ch'unhyang" = Features of Language and Style of the "Story of Chunhyang"*. *Koreiskaya literatura* (pp. 62–88). Moscow: IVL (In Russ.)
10. Guryeva A. A. *Korean Vernacular Poetry in the 18th and 19th Centuries: "Male" and "Female" Poems*. *St. Petersburg Annual of Asian and African Studies*. 2012. Vol.1. Pp. 129–145.
11. Guryeva, A. A. (2010). *O nekotoryh osobennostyakh koreiskoi lyubovnoi poezii na rodnom yazyk vtoroi poloviny epohi Choson (na primere poem kasa "Toska v razluke" i "Vesennii son") = On Some Features of Korean Love Poetry in Vernacular of Joseon Period (basing on the kasa-poems "Longing in Separation" and "Spring Sleep")*. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 9, 4*, 214–224. St. Petersburg: Saint Petersburg University Press. (In Russ.)
12. 정병욱. *시조문학사전*. 서울, 1962.
13. Nikitina, M. I. (1982). *Drevnyaya koreiskaya poeziya v svyazi s ritualom i mifom = Ancient Korean poetry in Relation with Ritual and Myth*. Moscow: Nauka. (In Russ.)

14. 한국문화상징사전 (1995).
15. Rutt Richard, Pratt Keith. Korea, a Historical and Cultural Dictionary. Curzon, University of Durham, 1999.
16. Choe, Gyusu. (2006). Namhun taepyeong-ga sojae sijo-e natanan yeoseong inmul-sang-eui teukjingjeok gyeonghyang-gwa eumi = Characteristic tendencies in representation of female characters in sijo of Namhun taepyeong-ga and their meaning. Hanguk yeoseong munhak yeongu (pp. 290–317). Vol. 12. Seoul. (In Korean)
17. Hur, Kyoung-jin (2003), Joseonhugi hanmunhak-e natanan sangeop munhwa = Commercial Culture in Chinese Classics during the Latter half of the Chosŏn Dynasty. The Dong Bang Hak Chi The Journal of Korean Studies, (pp. 173–229). Vol. 120. Seoul: Institute of Korean Studies, Yonsei University.

Информация об авторе

Гурьева А. А. – кандидат филологических наук, доцент кафедр корееведения Санкт-Петербургского государственного университета

Information about the author

Guryeva A. A. – PhD (Philology), Associate Professor, Saint-Petersburg State University

Статья поступила в редакцию 03.06.2021; одобрена после рецензирования 02.07.2021; принята к публикации 05.07.2021

The article was submitted 03.06.2021; approved after reviewing 02.07.2021; accepted for publication 05.07.2021

Научная статья

УДК 821.531

DOI 10.52070/2542-2197_2021_10_852_224

**ВОСПРИЯТИЕ ТВОРЧЕСТВА И. С. ТУРГЕНЕВА
В КОРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ**

Ро Чжи Юн

Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия, 750422@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос влияния творчества И. С. Тургенева на корейскую литературу Нового времени на примере творческой работы корейских литераторов 1910–1930-х годов. Рассматривается история переводов стихотворений в прозе И. С. Тургенева в Корею в 1910–1930-х годах. На основе сопоставительного анализа описывается многообразие восприятия различными переводчиками и литераторами творчества И. С. Тургенева и поиск истинного смысла его произведений.

Ключевые слова: И. С. Тургенев, корейская литература, корейская поэзия, стихотворение в прозе

Для цитирования: Ро Чжи Юн. Восприятие творчества И. С. Тургенева в корейской литературе Нового времени // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 10 (852). С. 224–235. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_10_852_224

Original article

**RECEPTION OF I. S. TURGENEV
IN MODERN KOREAN LITERATURE**

Rho Ji Yun

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, 750422@mail.ru

Abstract. The article examines the influence of I. S. Turgenev on the modern Korean literature on the example of the creative works of Korean writers of the 1910–1930s. The history of translations of poems in prose by I. S. Turgenev in Korea in the 1910–1930s is considered. On the basis of a comparative analysis, the author describes the diversity of perception by various translators and writers of the works of I. S. Turgenev and the search for the true meaning of his works.

Key words: I. S. Turgenev, Korean literature, Korean poetry, poem in prose

For citation: Rho Ji Yun. (2021). Reception of I. S. Turgenev in modern Korean literature. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10 (852), 224–235. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_10_852_224

Введение

Вероятно, можно сказать, что творчество И. С. Тургенева (1818–1883) сыграло значительную роль не только в восприятии русской литературы в Корее, но и в становлении корейской литературы Нового времени, в части современных форм корейской поэзии: свободного стиха («чаюси») и стихотворения в прозе («санмунси»).

Корейская литература Нового времени, испытывая на себе сильное западное влияние, прошла период собственно становления в 1910-е годы, период развития «вширь» в 1920-е годы и период зрелости в 1930-е годы [문석우 1994, с. 115]. Новые художественные направления западноевропейской литературы – романтизм, символизм, натурализм, модернизм и т. д. проникли в Корею в 1910–1920-е годы. Корейская молодежь, обучавшаяся в эти годы за границей, в первую очередь в Японии, знакомилась с произведениями западных, русских, японских писателей на японском языке или на языке оригинала, с новыми художественными направлениями и течениями. Эти молодые люди, вернувшись на родину, стали организаторами различных литературных кружков и литературно-художественных изданий в Корее.

После первого представления творчества И. С. Тургенева в Корее в 1914 году его стихотворения в прозе переводились чаще всего среди русских поэтов до середины 1930-х годов и по-разному воспринимались корейскими литераторами в зависимости от их интеллектуальных наклонностей. Примеры, отражающие его косвенное или непосредственное влияние, в данной статье взяты из следующих произведений корейской поэзии 1910–1930-х годов: «Моя маленькая птичка» Ким Ока (김억 «나의 적은 새야») и его же «Молитва» («기도»); «Истинное сочувствие» Пан Чонхвана (방정환 «참된 동정»); «Нищий» Ким Гёнчжэ (김경재 «걸인»); «Нищий» Ли Санхва (이상화 «거러지»); «Тургеневский холм» Юн Донджу (윤동주 «뚜르게네브의 언덕»).

Появление термина «стихотворение в прозе» в Корее

В Корее термин «散文詩» («санмунси») – «стихотворение в прозе» – впервые появляется в переводе Ка Ина (псевдоним Хон Мёнхи) стихотворения в прозе «Любовь» («사랑»), опубликованном в 20-м

номере журнала «Юношество» («소년») в августе 1910 года. Во вступительной части переводчик Хон Мёнхи, представляя новую форму вместе с термином «散文詩» («санмунси»), указал, что автором стихотворения в прозе «Любовь» (1896) является польский поэт Анджей Немоевский, и признался, что он вторично перевел на корейский с японского перевода, сделанного Фтабатэй Симэй (二葉亭四迷, настоящее имя Хасэгава Тацуноскэ) в 1908 году. Оказывается, что сам термин был заимствован из японского перевода. После этого в разных журналах встречаются произведения, которые обозначены иероглифами «散文詩» («санмунси»), например, переводы произведений И. С. Тургенева.

Переводы стихотворений в прозе И. С. Тургенева в Корее

Стихотворение в прозе И. С. Тургенева «Порог» (1883) впервые было переведено в Японии в 1883 году. Затем в Корее оно было переведено и опубликовано в 1914 году в первом выпуске ежемесячного журнала «Молодость» («청춘») с корейским названием «Муногу» («문어구», 1.10.1914), автор перевода которого неизвестен, но предполагается, что это перевел редактор этого журнала Чхве Намсон, или Хон Мёнхи, или переводчик русской литературы Чин Хакмун.

В 1915 году корейским читателям было представлено стихотворение в прозе И. С. Тургенева «Нищий» (1878), опубликованное в 4-м номере журнала «Свет учения» («학지광») в феврале 1915 года. Это стихотворение с корейским названием «Кольсик» («걸식», 28.2.1915) было переведено Чин Хакмуном, который печатался в журнале под псевдонимом Монмон (夢夢). В этом переводе также было указано имя автора оригинала и обозначено иероглифами «散文詩» («санмунси»), которые переводятся как «стихотворение в прозе».

В Корее большой известностью пользовалось именно стихотворение в прозе «Нищий». В 1910–1930-е годы его повторно переводили разные авторы, в том числе Ким Ок, На Дохян, Чин Хакмун, Сон Джинтэ, Хам Дэхун и др., как минимум 12 раз [김진영, 2017, с. 229], с разными вариантами корейского названия «Кольсик» («걸식»), «Пиронбани» («비렁방이»), «Пирёнбани» («비렁방이»), «Коджи» («거지»), «Коллин» («걸인»), которые переводятся как «нищий». Переводы, которые были опубликованы в разных журналах и газетах, свидетельствуют об интересе корейских литераторов к творчеству И. С. Тургенева.

В то время большинство корейских переводчиков переводили стихотворения в прозе И. С. Тургенева с японского или английского перевода на корейский, поэтому вторичные переводы часто приводили к искажению смысла.

Известный поэт и переводчик Ким Ок (1896–?), который взял себе псевдонимы, такие как Ансо, Ансосен, Оксен, активно переводил произведения И. С. Тургенева, в том числе рассказы, стихотворения в прозе и публицистики. В 4-м номере еженедельного литературно-художественного журнала «Вестник западной литературы и искусства» («태서문예신보», 26.10.1918), который издавался для знакомства читателей с западноевропейскими, русскими, японскими и современными корейскими произведениями и способствовал популяризации зарубежной литературы, в предисловии к переводу стихотворений И. С. Тургенева под названием «Известный русский поэт и основные произведения XIX века» Ким Ок писал: «из многих русских поэтов никто не может сравниться с Иваном Тургеневым в плане очарования искусства и выдающихся впечатлений. Стихотворения в прозе, которые я хочу представить, – это произведения, написанные им в 1882 году, и это прекрасная философия и идеология, зажатая между тревогами более поздних лет и мыслями молодости, которые еще не исчезли. Есть много известных его работ XIX века». Позже в своей заметке «Человек, оказавший влияние на меня, и его произведения» («Тона ильбо» – «동아일보», 28.3.1932) Ким Ок отмечал, что прочитал почти все произведения Тургенева и влюбился в них, и что Тургенев оказал самое большое влияние на его мысли и эмоции.

Следует обратить внимание, что Ким Ок четыре раза перевел на корейский одно и то же стихотворение «Нищий», перерабатывая и переиздавая его переводы с названием «Пиронбани» («비렁방이», 2.11.1918), «Пирёнбани» («비렁방이», 27.1.1921), «Коджи» («거지», 15.3.1931; 1959).

Первый вариант перевода Ким Ока «Пиронбани» («비렁방이») был опубликован в 5-м номере журнала «Вестник западной литературы и искусства» («태서문예신보», 2.11.1918). Из одиннадцати стихотворений в прозе И. С. Тургенева, переведенных Ким Оком, шесть стихотворений в прозе «Завтра! Завтра!» («명일! 명일!»), «Что я буду думать?» («무엇을 내가 생각하겠나»), «Собака» («개»), «Нищий» («비렁방이»), «Старик» («늙은이»), «Н. Н.» («N. N.») опубликованы

в 4-м, 5-м, 7-м номерах «Вестника западной литературы и искусства» в 1918 году. В 1921 году в 8-м номере журнала «Творчество» («창조») в переводах Ким Ока были опубликованы одни и те же шесть стихотворений в прозе И. С. Тургенева. Здесь также встречаются иероглифы «散文詩» («санмунси»). Журнал «Творчество», как и предыдущие издания, продолжал знакомить читателей с новейшими художественными течениями зарубежной литературы и критикой.

В 1920–1930-е годы в Корее стихотворения И. С. Тургенева переводились интенсивнее и чаще всех среди поэтических произведений других русских авторов. В 1920-х годах были переведены на корейский язык проза А. Чехова (11 произведений), Л. Толстого (10 произведений), М. Горького (восемь произведений), И. Тургенева (пять произведений), а стихотворения И. Тургенева (33 произведения), В. Ерошенко (два произведения), А. Пушкина (два произведения), М. Лермонтова (одно произведение) [문석우, 1994, с. 117]. Таким образом, в 1920-х годах И. С. Тургенев занимал четвертое место среди русских писателей по количеству переведенных прозаических работ и первое место по количеству переведенных стихотворений [Ли Чжи Ен, 2018, с. 27].

Творческая работа корейских литераторов под влиянием И. С. Тургенева

После знакомства с творчеством И. С. Тургенева корейские литераторы под его косвенным или непосредственным влиянием написали свои произведения, экспериментируя с новой формой.

Стихотворение в прозе Ким Ока «Моя маленькая птичка» («나의 작은 새야»), опубликованное в 5-м номере журнала «Свет учения» («학지광»), изданного в 1915 году, имеет сходство в своей разговорной форме со стихотворением в прозе И. С. Тургенева «Порог» (1883). Стихотворение «Порог» построено в форме диалога «глухого голоса» и «девушки». «Глухой голос» спрашивает, а девушка отвечает. Ее ответы лаконичны, в них слышится готовность к избранной миссии. Стихотворение Ким Ока «Моя маленькая птичка» также построено в форме диалога «маленькой птички» и «лирического героя». Маленькая птичка хочет идти на далекий берег, несмотря на то, что надо пройти через врата печали и слез:

Нет тебя – если ты есть, то ты на небе? На земле? На ветке? – Куда ты, бездомная?

Нет! Мне надо идти, пройдя через врата печали и слез. Я хочу идти на далекий берег. Он меня ждет.
Ах, моя птичка! Товарищ мой!

В твоём доме после твоего ухода будет тишина,
Звуков твоих, которые были музыкой в моих ушах, тоже не будет.
Я буду посреди печали и тишины бесконечного одиночества – Мое сердце пришло с твоим утешением – Ты бросишь меня и уйдешь одна?
Приходи! Почему ты уходишь? Почему?
Почему? Потому что мне нужно очистить свое тело и душу. Я хочу идти. Далекий берег меня ждет. Я пойду¹.

В 1921 г. Ким Ок перевел стихотворение в прозе И. С. Тургенева «Молитва» (1881), перевод которого был опубликован в 9-м номере журнала «Творчество» («창조») за 1921 год. Через два года он написал стихотворение под тем же названием «Молитва» («기도») (1923), вероятно, под влиянием Тургенева:

Автор «Вселенной», который не может не дать, если мы просим,
Всемогущий, Вы делаете, чтобы восьмижды восемь было восемьдесят восемь,

Вчера этот грешник пошел на рынок и купил чудовище по имени «дружба» одной чашкой вина и сделал его своим,
Но сегодня потерял его, потому что не было денег для одной чашки вина.

Как грешник почувствует себя печально и грустно!

Искренне я молюсь, найдите потерявшееся чудовище по имени «дружба».

Пожалуйста, найдите снова и сделайте, чтобы оно принадлежало грешнику.

Вы – автор «Вселенной», который не может не дать, если мы просим.

Это стихотворение Ким Ока «Молитва» («기도»), 1.3.1923), опубликованное в первом в Корее сборнике стихотворений «Песни медузы» («해파리의 노래»), считается среди его стихотворений самым сходным по тематике и по форме со стихотворением в прозе И. С. Тургенева «Молитва» (1881) [권영민 외, 2016, с. 83]. Оба стихотворения говорят о чуде и истине. Но для Тургенева человек «молится о чуде.

¹ Зд. и далее переводы стихотворений выполнены автором, за исключением случаев, оговоренных особо.

Всякая молитва сводится к следующей: «Великий Боже, сделай, чтобы дважды два не было четыре!», а для Ким Ока бог – «автор Вселенной» и «Всемогущий», который делает, «чтобы восьмижды восемь было восемьдесят восемь». В таком нелогичном и иррациональном мире лирический герой корейского поэта молится всемогущему с просьбой изменить свою отчаянную судьбу, так что данное произведение интерпретируется корейским исследователем как почти полное подражание стихотворению в прозе Тургенева «Молитва» [문석우, 1994, с. 131].

Кроме Ким Ока стихотворение в прозе Пан Чонхвана «Истинное сочувствие» («참된 동정», 8.1920), стихотворение Ким Гёнчэ «Нищий» («걸인», 20.9.1922), стихотворение Ли Санхва «Нищий» («거러지», 1.5.1925), стихотворение в прозе Юн Донджу «Тургеневский холм» («뚜르케네브의 언덕», 9.1939) и др., считаются подражанием или пародией на стихотворение в прозе И. С. Тургенева «Нищий».

Пан Чонхван (1899–1931), который известен как детский писатель и борец за права детей, в ранний период своего творчества написал стихотворение в прозе под названием «Истинное сочувствие» («참된 동정», 8.1920), напечатанное в 3-м номере журнала «Новая молодежь» («신청년») в августе 1920 года:

Однажды на базаре в Париже три девушки встретили бедного маленького нищего. Нищий печально попросил у трех девушек милостыню.

С жалостью посмотрев на него, одна девушка подарила ему 10 монет. Другая девушка подарила ему 20 монет.

Однако у последней девушки не было ни гроша, но сочувствие было больше, чем у двух других девушек. Девушка подошла к нищему и поцеловала его в щеку.

Нищий был глубоко тронут и недолго постоял столбом, а вскоре он позвал мимо проходившую цветочницу, отдал все деньги, 10 и 20 монет, полученные от двух девушек, купил розу и вежливо подарил ее этой девушке.

Его произведение «Истинное сочувствие» подвергалось критике за то, что оно – продукт ненормального и нереалистичного воображения, и критик называл автора «романтиком, выбравшим цветы вместо риса», указывая, что «Пан Чонхван заставил маленького нищего, голодавшего и дрожащего от холода, купить цветы вместо

риса. Неужели он действительно знал значение одной пиалы риса?» [이재복, 1995, с. 16].

Но, с другой стороны, исследователем данное произведение считается переработанным стихотворением в прозе И. С. Тургенева «Нищий» [원종찬, 2019, с. 11], и что корейский писатель также подчеркивает, как и в оригинале, равенство и братство и упоминает права человека социально уязвимых слоев населения. Следует напомнить, что произведения И. С. Тургенева в сочетании с добрым взглядом на жизнь и пронизательным взглядом на реальность оказали значительное влияние на корейских писателей в тяжелые и бедные времена [там же].

После того, как стихотворение И. С. Тургенева «Нищий» было переведено четыре раза в Корею, Ким Гёнчэ (1899–?) написал свое стихотворение «Нищий» («걸인»), которое было опубликовано в «Независимой газете» («독립신문») 20 сентября 1922 года. В этом стихотворении корейский поэт спрашивает «Чья вина в бедности?», раскрывая историю нищего:

Однажды в очень жаркий день
Я пошел в парк
Чтобы искоренить все виды страданий.

В лохмотья и в слезах,
Нищий, у которого в доме семидесятилетняя старая мама,
Мольбу плачущего от голода ребенка
Он не смог это слушать
Он просил у меня милостыню.

Он раньше работал наемным работником на фабрике,
На это жила вся семья,
Но беда беду родит.
В машине была повреждена его рука, и из-за этого стало невозможным работать.

Невозможно в это поверить. Современный капиталист,
ради которого он так старался, обливаясь потом,
Как только он стал ранен, выбросил его как старую поношенную обувь.
Невозможно в это поверить. Невозможно жить в системе современного общества!

Выяснилось, что «современный капиталист» выбросил его как старую поношенную обувь после того, как его рука была ранена

в машине во время наемной работы на фабрике, и что такое падение было неизбежной судьбой рабочих «в системе современного общества». Эта часть, которой не было в оригинале, вызывает всеобщее возмущение и сопротивление.

Ли Санхва (1901–1943) известен как национальный поэт и писал стихи на основе национальной печали колониального периода и тенденций к сопротивлению японскому колониализму. Он написал стихотворение под названием «Нищий» («거러지», 1.5.1925), которое входит в цикл стихотворений «Уличные виды» («가상»), опубликованное в 59-м номере журнала «Сотворение мира» («개벽») за 1925 год. В этот период Ли Санхва отошел от идей романтизма и принял участие в создании новой организации, занимающейся пролетарской литературой.

В этом стихотворении Ли Санхва «Нищий» выделяется агитационным настроением, о чем свидетельствует повтор в конце строфы слова «Выходи». Корейский поэт, заимствуя мотив «нищего», поднимает голос сопротивления и свободы:

Нищий, ты появляешься только утром и вечером!
Мир, который стал таким жестоким,
Не стоит еще больше жалеть, выходи.

Нищий, ты – запись грехов сыновей Бога!
Они не знают твои намерения быть спрятанным в погребке в полдень,
жалая их, заслуживших удар молнии,
Выходи.

В 1939 году Юн Донджу написал стихотворение в прозе под названием «Тургеневский холм» («뚜르케네브의 언덕», 9.1939), которое интерпретируется корейскими учеными как пародия на тургеневский идеализм и гуманизм [Ли Чжи Ён, 2018, с. 31; 송우혜, 2004, с. 265]. В этом стихотворении корейским поэтом напрямую упомянуто имя Тургенева и написано в форме стихотворения в прозе И. С. Тургенева «Нищий», а также есть много сходства как в плане структуры, так и в плане описания образа:

Я шел через холм <...>. Мимо меня прошагали трое нищих мальчишек.
Первый мальчишка нес на плече корзину, полную хлама: бутылок из-под сидра, консервных банок, железок, старых непарных носков.
То же второй мальчишка.
То же третий.

Спутанные волосы, воспаленные, слезливые глаза на черных лицах, блеклые посиневшие губы, шершавые лохмотья, разодранные босые ноги.

О, как безобразно обглодала бедность этих юных мальчишек!

Моя жалостливая душа дрогнула.

Я стал шарить у себя во всех карманах. Туго набитый кошелек, часы, платок... Чего я только ни взял с собою!

Но мне не хватало решимости отдать свои вещи. Я стоял и перебирал их.

Я крикнул: «Мальчишки!» – надумав хотя бы побеседовать с ними по душам.

Первый мальчишка лишь искоса посмотрел на меня воспаленными глазами.

То же второй мальчишка.

То же третий.

Тихо переговариваясь между собой, мол, не твое это дело, они ушли за холм.

И на холме никого не осталось.

Сгущались сумерки.

пер. М. В. Солдатовой, Ро Чжи Юн
[Измученное сердце, 2020, с. 93]

Но при сравнении этих двух стихотворений в прозе мы можем заметить некоторые изменения. В тексте И. С. Тургенева автор – «проходил по улице» и встретился с «нищим, дряхлым стариком», но в тексте Юн Донджу он – «шел через холм» и встретился с «тремя нищими мальчишками». Тургеневский герой, обнаружив, что у него в карманах нет «ни кошелька, ни часов, ни даже платка...», смущается, но «крепко пожал грязную, трепетную руку» нищего и называет нищего братом. Этот его жест рукопожатия показывает равенство людей, несмотря на их состояние и положение в обществе. В ответ на его рукопожатие нищий называет «это тоже подающим». А встреча героя корейского поэта с тремя мальчишками совсем по-другому развивалась. Обнаружив, что у него в карманах «туго набитый кошелек, часы, платок...», автор всё же понимает, что ему «не хватало решимости отдать свои вещи», и он просто «стоял и перебирал их». Он крикнул им, «надумав хотя бы побеседовать с ними по душам», но они, игнорируя его, «ушли за холм». На холме только автор один остался. Это

показывает вечное одиночество и бездействие поэта, из-за чего он до самой смерти испытывал стыд.

Заклучение

Представленный материал позволяет сделать вывод, что в итоге усердной работы переводчиков 1910–1930-х годов творчество И. С. Тургенева глубоко проникло в сердце представителей корейских литературных кругов. Результаты проведенного сопоставительного анализа свидетельствуют о том, что косвенное или непосредственное влияние И. С. Тургенева, обусловленное индивидуальностью впечатлений переводчиков, сказалось на творческой работе корейских литераторов 1910–1930-х годов как в плане тематики, так и в плане формы, что способствовало становлению современных форм корейской поэзии и всё вместе оказало неопределимое влияние на творчество корейских литераторов того времени.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. 문석우. (1994). 한국 근대문학에 끼친 푸르케네프의 영향: 시인 김억을 중심으로 // 조선대 외국문화연구. Vol. 17. № 1. P. 115–138.
2. 김진영. (2017). 시베리아의 향수: 근대 한국과 러시아 문학, 1896–1946. 이숲.
3. Ли Чжи Ён. Влияние стихотворений в прозе И. Тургенева на формирование современного корейского свободного стиха // Сибирский филологический форум. 2018. № 1 (1). С. 25–34.
4. 권영민 외. (2016). 한국 근대문학의 러시아 문학 수용. 서울대학교출판문화원.
5. 이재복. (1995). 우리 동화 바로 읽기. 한길사. 328 p.
6. 원종찬. (2019). 방정환의 <참된 동정>에 나타난 ‘빵과 장미’의 상상력 // 한국학연구. 2019. № 55. P. 9–39.
7. 송우혜. (2004). 윤동주 평전. 푸른역. 564 p.
8. Изумленное сердце: Сто стихотворений корейских поэтов XX века: пер. с корейск. А. Гурьевой, М. Солдатовой, Ро Чжи Юн, Е. Похолокковой. Москва : Текст, 2020.

REFERENCES

1. 문석우. 한국 근대문학에 끼친 푸르케네프의 영향: 시인 김억을 중심으로 // 조선대 외국문화연구. Vol. 17. 1994. № 1. P. 115–138.

2. 김진영. (2017). 시베리아의 향수: 근대 한국과 러시아 문학, 1896–1946. 이숲.
3. Li Chzhi Jon. (2018). Vlijanie stihotvorenij v proze I. Turgeneva na formirovanie sovremennogo korejskogo svobodnogo stiha = The influence of poems in Turgenev's prose on the formation of the modern Korean free verse. Sibirskij filologičeskij forum, 1 (1). 25–34. (In Russ.)
4. 권영민 외. (2016). 한국 근대문학의 러시아 문학 수용. 서울대학교출판문화원.
5. 이재복. (1995). 우리 동화 바로 읽기. 한길사. 328 p.
6. 원종찬. (2019). 방정환의 <참된 동정>에 나타난 ‘빵과 장미’의 상상력 // 한국학연구. № 55. P. 9–39.
7. 송우혜. (2004). 윤동주 평전. 푸른역사. 564 p.
8. Izumlennoe serdce: Sto stihotvorenij korejskih pojetov HH veka (2020). = Amazed Heart: One Hundred Poems by 20th Century Korean Poets): per. s korejsk. A. Gur'evoj, M. Soldatovoj, Ro Chzhi Jun, E. Poholkovoj. Moscow: Tekst. (In Russ.).

Информация об авторе

Ро Чжи Юн – старший преподаватель кафедры восточных языков переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Rho Ji Yun – Senior Lecturer at the Oriental Languages Department, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 03.06.2021; одобрена после рецензирования 02.07.2021; принята к публикации 05.07.2021

The article was submitted 03.06.2021; approved after reviewing 02.07.2021; accepted for publication 05.07.2021

Научная статья

УДК 008 (1-6)

DOI 10.52070/2542-2197_2021_10_852_236

РОМАН В. М. ДОРОШЕВИЧА «МУ-СЯН» КАК ШИНУАЗРИ

Е. А. Осьминина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, eleosminins@mail.ru

Аннотация. В статье выделяются характерные особенности стиля шинуазри, которые проявляются как в пространственных, так и во временных видах искусств. На основе положений О. Л. Фишман, М. Е. Неглинской доказывается, что роман В. М. Дорошевича «Му-Сян» является ярким примером шинуазри. Используется метод типологизации, структурный анализ. Выделены следующие черты стиля: игровой, развлекательный характер; опора не на китайские, а на европейские первоисточники; наличие неточностей; повторяющиеся мотивы и образы (стереотипы).

Ключевые слова: стиль шинуазри, образ Китая, массовая культура, стереотип в культуре, В. М. Дорошевич «Му-Сян»

Для цитирования: Осьминина Е. А. Роман В. М. Дорошевича «Му-Сян» как шинуазри // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 10 (852). С. 236–243.
DOI: 10.52070/2542-2197_2021_10_852_236

Original article

THE NOVEL «MU-SYAN» OF V. M. DOROSHEVICH AS A CHINOISERIE

E. A. Osminina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, eleosminins@mail.ru

Abstract. The article highlights characteristic features of the chinoiserie style, which are manifested in both spatial and temporal types of art. Based on the provisions of O. L. Fishman and M. E. Neglinskaya, it is proved that Doroshevich's novel «Mu-Xiang» is a representative example of chinoiserie. In the article the method of typologization and structural analysis is used. The following features of the style are highlighted:

game, entertainment character; reliance not on Chinese, but on European primary sources; the presence of inaccuracies; the repetitive motifs and images (stereotypes).

Key words: chinoiserie style, the image of China, mass culture, a stereotype in culture, V. M. Doroshevich «Mu-Xiang»

For citation: Osminina, E. A. (2021). The novel «Mu-Syan» of V. M. Doroshevich as a chinoiserie. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10 (852), 236–243. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_10_852_238

Введение

Стиль – одна из важнейших категорий культурологии. О. Шпенглер сравнивал их с волнами или ударами пульса, указывая «стили искусств, религий, мыслей, или стиль самой жизни» [Шпенглер, 1993, с. 373]. Возможны различные классификации стилей: по географическому, хронологическому, тематическому принципу.

Предмет настоящего исследования – шинуазри, который может рассматриваться и как подстиль рококо в XVIII в., и как предтеча исторического стиля конца XIX в. Исторический стиль – это подражание, имитация ранее существовавших стилей, в нем выделяется неоготика, неоренессанс, неоклассицизм и др. В этом смысле шинуазри – «китайщина», имитация произведений искусства, созданных в Китае. Наиболее ярко он проявился в европейском декоративно-прикладном искусстве XVIII в., но выразился и в архитектуре, и в живописи, и в литературе.

Цель данного исследования – выделение черт шинуазри в «китайском романе» В. М. Дорошевича «Му-Сян». В качестве представительного примера стиля этот роман еще не рассматривался.

Понятие термина «шинуазри»

Искусствоведческий термин «шинуазри» по отношению к литературе использовал еще академик В. М. Алексеев. В лекционном курсе «Китайская поэзия» он привел в качестве примера «Яшмовую книгу» Ж. Готье и «Фарфоровый павильон» Н. С. Гумилева, говоря об «экзотике китайщины (chinoiserie)» [Алексеев, 2002, с. 255]. Затем понятие употребила О. Л. Фишман, обозначая им европейские подражания китайским произведениям декоративно-прикладного искусства, литературы, а также «произведения европейской литературы, в которых фигурировал экзотизированный Китай» [Фишман, 2003, с. 398].

Основные признаки шинуазри

Л. Фишман, М. Е. Неглинская в своих трудах выделили ряд признаков «шинуазри»; они отличают и роман «короля фельетонистов» – В. М. Дорошевича.

Первый из них – игровой, развлекательный, характер произведения шинуазри. О. Л. Фишман пишет о соответствии «дальневосточной эстетики» и «эстетики рококо», с его театрализацией жизни. М. Е. Неглинская указывает, что европейская интерпретация Востока XVII–XVIII веков представляет собой «фантазию, играющую декоративными мотивами и вещами» [Неглинская, 2015, с. 194].

«Му-Сян», с подзаголовком «Китайский роман», был напечатан в иллюстрированных приложениях к газете «Одесский листок», к номерам 276, 283, 290, 296 (16, 23, 29 ноября, 6 декабря) 1897 года. В первом из номеров был помещен большой портрет В. М. Дорошевича, текст глав романа подписан его псевдонимом «Дядя Влас». Это откровенно «бульварный», любовный развлекательный роман, рассчитанный на непритязательного «массового» читателя: с завораживающей интригой, «ужасами» и преувеличенными страстями.

С первых строк романа слышится насмешка автора: в указании на «парадное» имя героя, с перечислением предков, должностей и подвигов, которое должно занять «четыре бумаги, каждый длиною в две сажени» [Дорошевич, 1901, с. 3]. И далее – в том же тоне непринужденного рассказчика, неторопливо ведущего забавное повествование. Например: «Как тонкие и хорошо воспитанные китайцы, они, конечно, ни словом не обмолвились о том, что их интересовало, и перевели разговор на более возвышенные темы» [там же, с. 15].

Комический эффект создает несовпадение названия главы и ее содержания. Например, из первой главы «Взаимная любовь» следует, что герои еще не видели друг друга, когда их матери уже сговорились о свадьбе. Во второй главе «Соединение двух любящих сердец» рассказывается о пире, который отец невесты устроил для родственников жениха и т. д. Добродушная насмешка слышится и в отдельных замечаниях и ремарках автора, вводных словах и проч.

По ходу повествования этот насмешливый тон уходит и сменяется мелодраматическим; но развлекательным произведение остается.

Вторая особенность «шинуазри» – ошибки и несоответствия в стилизации. И Фишман, и Неглинская указывают причины этих ошибок:

артефакты создавались на основе рисунков и мемуаров европейских путешественников и миссионеров. С подлинными произведениями искусства, аутентичными текстами Поднебесной Европа была знакома мало, язык знали единицы. Отсюда – грубые ошибки в выводах о характере китайской литературы или живописи, которые допускал даже Гегель.

Делает их и В. М. Дорошевич; причем его «синологические» источники еще нуждаются в уточнении. С. Букчин, современный биограф В. Дорошевича, пишет, что сам фельетонист посетил Шанхай во время своего кругосветного путешествия в конце XIX века. По публикациям в газете можно восстановить «хронотоп» путешествия. 20 февраля 1897 года В. М. Дорошевич как корреспондент «Одесского листка» отправился на Сахалин на пароходе «Ярославль», сопровождая партию арестантов (которые ехали в трюме). Материалы под общим названием «На Сахалин» появлялись в газете раз в несколько дней: сначала Дорошевич описывал исключительно быт и нравы арестантов. Начиная с 13(25) апреля, в газете стали публиковаться и этнографические материалы с мест, которые он проезжал: изображения Стамбула, Порт-Саида, Суэца, Адена, Коломбо, Цейлона. Больше всего «этнографических» очерков посвящено Индии; материалов о Китае нет вообще. В конце путешествия Дорошевич вернулся к описанию арестантов; последний материал с обозначением «Пароход “Ярославль”» был напечатан в «Одесском листке» 10 (28) июля 1897 года (понятно, что дата публикации не совпадает со временем написания). Из очерка «Морские катастрофы» следует, что из Сахалина во Владивосток Дорошевич шел на японском угольном пароходе «Яеяма-Маро»; из очерков об Америке – что 12 июля 1897 года он уже был в Сан-Франциско. После этого кругосветного путешествия Дорошевич и написал «Му-Сян». Впоследствии он возвращался к китайской теме в периоды интереса русской публики к Поднебесной: в 1898 году (период реформ в Китае), в 1900 году (восстание ихэтуаней), в 1904 году (Русско-японская война). В одном из очерков он обронил: «В Китае я не был, но бог путешественников помог мне» [Дорошевич, 1905, с. 176]. Так или иначе, но текст «Му-Сян» изобилует неточностями и пропусками важнейших деталей в описании этнографических реалий.

С первых глав речь идет о свадьбе героя; но нигде не говорится о будущих детях (в них китайцы и видят смысл брака). Нет такого компонента обряда сватовства, как на-цай, выяснения даты рождения.

Для описания рук героини, возможно, использовалась книга П. Пясецкого «Из путешествия по Китаю» (1877), на что указывает М. Ю. Никишина [Никишина, 2011, с. 127]. Му-Сян не могла сама завязать ленты на платье, так длинны были ее ногти на указательном пальце и мизинце; стежок, сделанный ею на одежде в подарок жениху, был «неверный» [Дорошевич, 1901, с. 11–12]. П. Пясецкий пишет о длинных наперстках, которые женщины носили на четвертом пальце и на мизинце для сохранения ногтей. Это было признаком аристократизма: работать с такими ногтями невозможно. Вместе с тем описание шитья в подарок жениху расходится с исследованиями отечественных китаистов: невеста, посылая такой подарок, должна была продемонстрировать мастерство рукодельницы. Это называлось *пу фан* – «оборудовать комнату» [Крюков и др., 1993, с. 173–174].

В описании свадебной церемонии неточность наслаивается на неточность: «Бонза гнусаво пел молитвы Конфуция, все сидели в пагоде на корточках перед алтарями держали тлевшие благовонные палочки, когда мальчик, стоявший на страже, вбежал и закричал:

– Луна! Луна!

Все возблагодарили дракона, возвратившего луну, и отправились за новобрачными» [Дорошевич, 1901, с. 18].

Пагода – это буддийский реликварий, там могут храниться сутры, мощи святых и другие священные реликвии.

Молитвы во время свадебной церемонии приносятся на алтаре для поклонения богам «Неба и Земли» в доме или во дворе жениха. Алтарь представляет из себя жертвенный столик со свечами и благовониями. Жених возжигает их и кланяется «духам Неба и Земли, Солнцу и Луне, “государям и стихиям воды и земли” и, наконец, родителям» [Крюков и др., 1993, с. 18]. Нам известно о молитвах Конфуцию, основоположнику конфуцианства, но не о молитвах, написанных самим Конфуцием. «Алчность незримого чудовищного животного» [Георгиевский, 1892, с. 30] является причиной лунных затмений, но не смены дня и ночи.

Отсутствие глубоких синологических знаний приводило к смешению китайских и других дальневосточных реалий и образов. М. Е. Неглинская указывает, что в основе шинуазри лежало западное увлечение

не только Китаем, но и другими «экзотическими» культурами Ближнего Востока, Индии, Японии [Неглинская, 2015, с. 194].

В «Му-Сян» среди деревьев сада героини растет явно японский клен с микроскопическими листочками [Дорошевич, 1901, с. 25]. Обманутый муж героини, созвав всех родственников, распарывает себе живот. Это харакири, японский обычай, непринятый в Китае. Му-Сян, потерявшей мужа, чернят зубы – это японский обычай (для сохранения эмали замужней женщины).

И, наконец, для шинуазри характерны определенные повторяющиеся мотивы и образы.

Стереотипные мотивы: сыновняя почтительность, мудрость, уважение к знанию, верность традициям, консерватизм, обилие ритуалов в повседневной жизни («китайские церемонии»), жестокость. Дорошевич добавляет сюда любовь к поэзии. Герои сочиняют стихотворение «ши». *Ши, гэлүйши* – уставный, регулярный стих с определенным количеством иероглифов-слогов, строгим чередованием тонов и строгой рифмой. Будущий муж героини сочиняет стихотворение, которое Дорошевич представляет как аутентичное, «переведенное для меня на Востоке одним старожилом, хорошо знающим китайский язык» [там же, с. 19], Кузен героини, как указывает писатель, переводит на китайский стихотворение В. Гюго.

Стереотипные образы: прежде всего, прекрасная китаянка («Chinoiserie – название стихотворения Т. Готье, посвященного китаянке), здание из фарфора, пагода, сад, луна, дракон, шелк, чай. Все они присутствуют в романе В. М. Дорошевича. Прекрасная китаянка – сама Му-Сян. Она живет в фарфоровом доме, «все стены которого были облицованы фарфоровыми плитами, раскрашенными в пестрые цвета» [там же, с. 24]. Постройка из фарфора также описывается в сатирической сказке Дорошевича «Мандарин Ах-Тих-Тех-Тор и его чудесный домик, или Как в Китае строятся общественные здания» (1898).

Прототип подобного здания (дома, павильона, пагоды) – Фарфоровый Трианон, построенный в Версальском парке в XVII веке, по приказу Людовика XIV. Углы и карнизы его были облицованы фаянсовыми плитками; крышу украшали поливные изразцы с изображением ангелочков, животных, птиц, ваз с цветами. Как указывает

М. Е. Неглинская, идея павильона, возможно, была подсказана фарфоровой пагодой Нанкина, описанной в отчете Ньюхофа о визите голландского посольства в Китай (визит 1655 года, издание 1656 года).

Изображается и сад, и парадный ужин с большим количеством экзотических блюд и т. д.

Заключение

Таким образом, роман Дорошевича «Му-Сян» является характерным примером литературного шинуазри XIX века, признанного развлечь европейского читателя и поразить его экзотикой. Стилизация доходит здесь до стереотипизации, что, как представляется, предопределено самим жанром. Бульварный роман является образчиком массовой литературы, массовой культуры, которой стереотипы свойственны в высшей степени. Роман «Му-Сян» и отражает и формирует стереотипный образ Китая в сознании массового российского читателя конца XIX века.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Москва : Мысль, 1993. Т. 1.
2. Алексеев В. М. Темы танской поэзии // Труды по китайской литературе: в 2 кн. Москва : Восточная литература, 2002. Кн.1. С. 251–276.
3. Фишман О. Л. Китай в Европе: миф и реальность (XIII–XVIII вв.). Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2003.
4. Неглинская М. Е. Шинуазри в Китае: цинский стиль в китайском искусстве периода трех великих правлений (1662–1795). Москва : Институт востоковедения РАН, 2015.
5. Дорошевич В. М. Му-Сян. Китайский роман. М.: Типография Товарищества И. Д. Сытина. 1901.
6. Дорошевич В. М. Восток и война. Москва : Издание Т-ва И. Д. Сытина, 1905.
7. Никишина М. Ю. Образ традиционного Китая в романе В. М. Дорошевича «Му-сян» // Традиционная культура. 2011. № 2. С. 122–132.
8. Крюков М. В. [и др.]. Этническая история китайцев в XIX – начале XX века. Москва : Наука, 1993.
9. Георгиевский С. М. Мифологические воззрения и мифы китайцев. Санкт-Петербург: Типография И. Н. Скорохода, 1892.

REFERENCES

1. Shpengler, O. (1993). Zakat Evropy. Oчерki morfologii mirovoj istorii = The Decline of Europe. Essays on the morphology of world history. Vol. 1. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
2. Alekseev, V. M. (2002) Temy tanskoi poezii = The themes of Tang poetry. Trudy po kitaiskoi literature = The works on Chinese literature. In 2 b. B.1. (pp. 251–276). Moscow: Vostochnaja literatura. (In Russ.)
3. Fishman, O. L. (2003). Kitaj v Evrope: mifireal'nost' (XIII–XVIII vv.) = China in Europe: myth and reality (13th–18th centuries). St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. (In Russ.)
4. Neglinskaja, M. E. (2015). Shinuazri v Kitae: cinskijstil' v kitajskom iskusstve perioda treh velikih pravlenij (1662–1795) = Chinoiserie in China: the Qing style in Chinese art during the three great reigns (1662–1795). Moscow: Institut vostokovedenija RAN. (In Russ.)
5. Doroshevich, V. M. (1901). Mu-Sjan. Kitajskij roman = Mu-Xiang. The Chinese novel. Moscow: Tipografija Tovarishhestva I. D. Sytina. (In Russ.)
6. Doroshevich, V. M. (1905). Vostokivojna = East and the war. Moscow: Izdanie T-va I. D. Sytina. (In Russ.)
7. Nishina, M. Ju. (2011). Obraz tradicionnogo Kitaja v romane V.M. Doroshevicha «Mu-sjan» = The image of traditional China in V. M. Doroshevich's novel «Mu-Xiang». Tradicionnaja kul'tura, 2, 122–132. (In Russ.)
8. Krjukov, M. V. et al. (1993). Jetnicheskaja istorija kitajcev v XIX – nachale XX veka = Ethnic history of the Chinese in the 19th – early 20th century. Moscow: Nauka. (In Russ.)
9. Georgievskij, S. M. (1892). Mifologicheskie vozzrenija I mify kitajcev = Mythological views and the myths of the Chinese. St. Petersburg: Tipografija I. N. Skorohoda. (In Russ.)

Информация об авторе

Осьминина Е. А. – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры мировой культуры Института гуманитарных и прикладных наук Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Osmnina E. A. – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of world culture, Faculty of the Humanities, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 03.06.2021; одобрена после рецензирования 02.07.2021; принята к публикации 05.07.2021

The article was submitted 03.06.2021; approved after reviewing 02.07.2021; accepted for publication 05.07.2021

Научная статья

УДК 008

DOI 10.52070/2542-2197_2021_10_852_244

ВОСТОЧНЫЕ ЯЗЫКИ В МГЛУ: 30 ЛЕТ

Л. Ш. Рахимбекова

Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия, l.rahimbekova@linguanet.ru

Аннотация. Статья посвящена 30-летию преподавания восточных языков в Московском государственном лингвистическом университете. В работе кратко излагается история создания и направления развития кафедры восточных языков переводческого факультета; роль преподавателей восточных языков и восточной литературы в образовательной деятельности университета, их вклад в дело подготовки квалифицированных специалистов со знанием восточных языков (арабского, китайского, корейского, персидского, турецкого, японского, вьетнамского, монгольского).

Ключевые слова: восточные языки, Московский государственный лингвистический университет, преподавание восточных языков, 30 лет основания кафедры восточных языков

Для цитирования: Рахимбекова Л. Ш. Восточные языки в МГЛУ: 30 лет // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 10 (852). С. 244–252. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_10_852_244

Original article

ORIENTAL LANGUAGES

AT THE MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY: 30 YEARS

L. Sh. Rachimbekova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, l.rahimbekova@linguanet.ru

Abstract. The article is dedicated to the 30th anniversary of the teaching of oriental languages at Moscow State Linguistic University. The article briefly outlines the history of the creation and development of the Translation Faculty Oriental Languages Department, the role of teachers of oriental languages and oriental literature in the educational activities of the university, their contribution to the training of qualified specialists with knowledge of oriental languages (Arabic, Chinese, Japanese, Korean, Persian, Turkish, Vietnamese, Mongolian).

Key words: oriental languages, Moscow State Linguistic University, oriental languages' teaching, 30 years of foundation of the Department of Oriental Languages

For citation: Rachimbekova, L. Sh. (2021). Oriental languages at the Moscow State Linguistic University: 30 years. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10 (852), 244–252. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_10_852_244

Введение

В 2020 году Московский государственный лингвистический университет (далее – МГЛУ) отметил славный юбилей – 90 лет со дня основания. Для всех преподавателей, сотрудников, студентов МГЛУ это очень значимое событие. Однако для преподавателей восточных языков и студентов, изучающих восточные языки, это был вдвойне юбилейный год, так как в 2020 году исполнилось ровно 30 лет со дня основания в МГЛУ кафедры восточных языков переводческого факультета.

История преподавания восточных языков в МГЛУ началась в 1990 году, когда знаменитый Московский институт иностранных языков им. Мориса Тореза был переименован в Московский государственный лингвистический университет и впервые на I курс переводческого факультета были набраны одна группа с китайским и одна – с японским языками обучения, и на факультете появились первые преподаватели восточных языков – два преподавателя китайского и один преподаватель японского языков. Через год кафедра пополнилась арабским, затем корейским, турецким языками; через некоторое время на кафедре началось преподавание персидского языка, в 2017 году на кафедре также был создан сектор вьетнамского языка, а в 2019 году добавился монгольский язык. Китайский сектор кафедры недавно был выделен в отдельное структурное подразделение – кафедру китайского языка.

Следует добавить, что в 2000 году решением Глав правительств государств – участников СНГ Московскому государственному лингвистическому университету придан статус базовой организации по языкам и культуре государств – участников СНГ, и в университете началась подготовка специалистов со знанием восточных языков стран СНГ.

Данная статья посвящена восточным языкам так называемого дальнего зарубежья, обучение которым началось в университете в 1990 году на кафедре восточных языков переводческого факультета. Роли, которые эти восточные языки играют в образовательном процессе МГЛУ, и вклад преподавателей восточных языков и литературы стран Востока, который они вносят в общее дело университета – подготовку высококвалифицированных специалистов, в полной мере соответствуют требованиям современного рынка труда.

Восточные языки в МГЛУ

1990-е годы стали периодом становления кафедры восточных языков в МГЛУ. Если в первые годы восточные языки преподавались только будущим специалистам в области переводоведения, то впоследствии, с увеличением в 1990-е годы числа специальностей и направлений подготовки в университете, началось преподавание восточных языков и студентам таких специальностей и направлений подготовки в рамках специалитета и бакалавриата, как «Мировая экономика», «Международные отношения», «Зарубежное регионоведение», «Культурология», «Гостиничное дело», «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур», и уже в последние годы также студентам специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности» и по направлению подготовки «Информационная безопасность». В конечном итоге восточные языки в настоящее время на уровне бакалавриата и специалитета преподаются практически на всех факультетах и во всех институтах МГЛУ, а также на уровне магистратуры по направлениям подготовки «Теория и практика письменного и основы устного перевода», «Лингвистика, лингводидактика и межкультурная коммуникация», «Регионоведение, лингвистика и межкультурная коммуникация в государствах – членах ШОС (УШОС)» [Образовательные программы высшего образования, реализуемые в МГЛУ, URL]. Кроме того, преподаватели китайского, корейского и других восточных языков, начиная с 1990-х годов также ведут или проводили занятия в Предуниверситарии (ранее Лицее) при МГЛУ. Отметим, что вне зависимости от специализации обучающихся преподавателями восточных языков всегда делалось и делается всё для того, чтобы студенты и школьники смогли хорошо знать язык и культуру изучаемой восточной страны, досконально знали реалии стран Востока, были в курсе последних тенденций в развитии социально-политической и культурной жизни восточных обществ. Как указывал известный отечественный востоковед академик Н. И. Конрад, при обучении восточным языкам совершенно необходимо «обязательное соединение знания современного языка данной страны Востока с хорошим знанием самой этой страны – в ее современном состоянии» [Конрад, URL].

2000-е годы стали периодом активного развития восточного направления. На базе созданных на кафедре и приобретших уже четкое

оформление языковых отделений велась активная научно-исследовательская и учебно-методическая деятельность. Это были годы интенсивной разработки методики преподавания восточных языков студентам языковых и неязыковых специальностей в МГЛУ, годы активной публикации составленных преподавателями кафедры учебников и учебных пособий для обеспечения учебного процесса, годы разработки *рабочих программ* для всех учебных дисциплин. В отдельные годы число составленных кафедрой *рабочих программ* дисциплин по всем восточным языкам достигало цифры 180 (это рабочие программы дисциплин для всех направлений подготовки и специальностей, по которым велось и ведется преподавание восточных языков – для будущих переводчиков, регионоведов, культурологов, экономистов и т. д.), что можно назвать огромной цифрой для одной кафедры.

Научно-исследовательская и учебно-методическая работа преподавателями восточных языков всегда велась и ведется по нескольким основным направлениям: участие в научных конференциях и симпозиумах и организация научных конференций в стенах университета, публикация научных и учебно-методических трудов, художественных переводов, оппонирование диссертаций, рецензирование учебных пособий, научное редактирование, проведение практических и лекционных занятий, руководство курсовыми и дипломными работами студентов и магистрантов, научное руководство диссертационными работами аспирантов и соискателей, в том числе иностранных граждан.

В 2000-е годы с улучшением экономической ситуации в стране отечественные вузы получили возможность больше издавать учебной литературы, на регулярной основе стали проводиться научные конференции.

Старшее поколение преподавателей-восточников получили высшее образование в различных вузах Советского Союза, где преподавались восточные языки: МГУ им. М. В. Ломоносова, МГИМО, Военный университет МО, вузы Владивостока, Санкт-Петербурга и др. В их дипломах фигурируют разные специальности: востоковеды-лингвисты, референты-переводчики восточных языков, востоковеды-историки, специалисты по восточной литературе, военные переводчики, культурологи, экономисты с восточными языками. Столь же широк и круг научных интересов преподавателей восточных языков, поэтому эти преподаватели ежегодно принимали и продолжают принимать

участие в работе самых различных научных конференций и семинаров как в России, так и за рубежом – по методике преподавания восточных языков, по лингвистике, литературоведению, культурологии, страноведению, социальной проблематике и т. д.

Столь же широка и тематика научных публикаций преподавателей восточных языков. Если судить по годовым отчетам кафедры, общий объём научных публикаций кафедры восточных языков (не включая учебно-методические публикации) ежегодно достигал более 70–80 печатных листов. Особенно большой вклад в создание базы учебного материала практически всегда вносили преподаватели персидского сектора – светлая память К. Н. Хитрик, Д. Х. Дорри, С. Э. Талыбовой, а также руководитель персидского отделения в настоящее время А. И. Полищук, и преподаватели корейского сектора – нынешний декан переводческого факультета, а в свое время руководитель корейского отделения кафедры Е. А. Похолкова, М. В. Солдатова. Их многочисленные публикации ежегодно украшали годовые отчеты кафедры.

За 30 лет преподавателями восточных языков подготовлено и издано немалое количество учебников и учебных пособий, по многим из которых занимаются не только студенты различных факультетов и институтов МГЛУ, но и студенты других отечественных вузов. И многие из них были изданы именно в это десятилетие. Здесь можно назвать такие широко известные учебники, как базовые учебники по арабскому языку (Вводный, Нормативный и Основной курсы, авторы В. Г. Лебедев и Л. С. Тюрева), обеспечивающие учебный процесс по практике арабского языка на всех курсах специалитета (I–V курсы), которые пользуются спросом не только в вузах России, но и в странах СНГ. Это базовые учебники по персидскому языку, а также уникальное пособие «Когнитивные аспекты перевода (персидский язык)» (автор К. Н. Хитрик); это учебное пособие по экономическому дискурсу китайского языка для студентов экономической специальности (автор Н. А. Демина); учебники по персидской литературе (Д. Х. Дорри), по турецкой литературе (Т. Д. Меликов), учебник по устному переводу японского языка (М. А. Мишина) и многие-многие другие. В 2010-е годы преподавание восточных языков стало неотъемлемой и очень заметной частью образовательной деятельности университета.

Изданы или находятся в работе новые учебные пособия, в том числе учебные пособия, совместными авторами которых являются

преподаватели кафедры и преподаватели зарубежных вузов-партнеров (например, по персидскому, китайскому языкам). Преподаватели готовили учебные пособия не только для вузов, но и для школьного образования – по арабскому, корейскому, китайскому языкам, учебники китайского языка входили в утвержденный приказом Министерства просвещения федеральный перечень учебников, рекомендуемых к использованию в российских школах.

Необходимо отметить литературные переводы с восточных языков, выполняемые преподавателями кафедры. Прежде всего следует назвать имена Д. Х. Дорри (персидская поэзия и проза), А. И. Полищука (персидская проза), М. В. Солдатовой (корейская поэзия и проза) и М. С. Шарова, ставшего, возможно, основным российским переводчиком произведений всемирно известного турецкого писателя, нобелевского лауреата Орхана Памука. М. С. Шаров, выпускник переводческого факультета МГЛУ, сразу по окончании вуза пришел на кафедру и уже многие годы успешно сочетает преподавательскую деятельность с работой литературного переводчика.

Преподаватели восточных языков регулярно выполняли и выполняют письменные и устные переводы по запросам Министерства науки и высшего образования, Министерства обороны, Следственного комитета России и других ведомств; обеспечивают сопровождение и синхронный перевод (из последних примеров – синхрон с китайским языком на международных мероприятиях, проводимых Советом безопасности РФ) и др.

Преподаватели арабского отделения (В. Г. Лебедев, Л. С. Тюрева, В. Н. Болотов) были активно задействованы в крупном проекте при поддержке Администрации Президента РФ «Подготовка культурологов с углубленным изучением истории и культуры ислама», ими была подготовлена линейка учебников арабского языка для студентов этого направления подготовки с арабским языком как первым иностранным.

Преподавателями китайского отделения в 2015–2016 учебном году проделана работа над проектами «Разработка подходов к проведению Государственной итоговой аттестации по программам основного общего (ОГЭ) и среднего общего (ЕГЭ) образования по китайскому языку» и «Разработка модели экзаменационных заданий по китайскому языку», был разработан формат экзаменационных заданий, проведена первая апробация ЕГЭ / ОГЭ.

Также преподавателями китайского отделения была проведена подготовительная работа к пилотному проведению Всероссийской олимпиады школьников по китайскому языку (разработаны концепция, дескрипторы, рекомендации и образцы заданий), и в настоящее время преподаватели кафедры китайского языка являются членами Центральной предметно-методической комиссии по китайскому языку, принимают активное участие в проведении всех этапов ВсОШ по китайскому языку.

Особо отметим и участие преподавателей китайского языка в проекте предпрофессионального образования департамента образования и науки г. Москвы «Кадетский класс в московской школе».

На переводческом факультете были созданы и успешно функционируют Центр японского языка и культуры, Центр турецкого языка и культуры, Центр языка и культуры Ирана, Центр корейского языка и культуры. В 2011 году состоялось торжественное открытие Института Конфуция при МГЛУ. На базе этих Центров восточных языков и культур, возглавляемых преподавателями восточных языков, на регулярной основе проводятся встречи, семинары, «круглые столы» с преподавателями университетов, деятелями культуры, спортсменами, сотрудниками посольств, представителями СМИ, бизнесменами соответствующих восточных стран, выпускниками МГЛУ прежних лет, ныне работающими в соответствующих странах или по соответствующему направлению. Например, на базе Центра японского языка и культуры уже много лет при спонсорстве компании Мицубиси Корпорэйшн/Моторс проводятся семинары: «Работа в японской компании», «Трудоустройство в японской компании» и др. Институт Конфуция при МГЛУ стал крупнейшей площадкой в Европе по приему очень популярного в последнее время Международного квалификационного экзамена по китайскому языку.

Нельзя обойти вниманием и тот факт, что преподаватели восточных языков постоянно привлекаются в качестве экспертов для выступлений в СМИ (отечественных и зарубежных) – радио и телевидении, в различных общественных структурах, научных организациях.

Студенты-восточники принимают участие в научных конференциях, творческих мероприятиях, привлекаются к участию в различных мероприятиях по линии министерств – как для обеспечения сопровождения иностранных представителей, так и для осуществления перевода на различных форумах, выставках, других международных

мероприятиях, в том числе, например, на ставших такими популярными в военных кругах многих стран Армейских играх. Они успешно выступают на олимпиадах и в межвузовских конкурсах на владение восточными языками, по переводу и др., часто занимают призовые места, что очень радует их преподавателей.

Заключение

30 лет – это большой срок. Как нам кажется, мы можем констатировать, что «восточное направление» занимает всё более значимое место в образовательной деятельности университета и продолжает расширяться далее.

Конечно, кто-то из наших коллег-преподавателей восточных языков за эти годы сменил сферу деятельности – кто-то ушел работать в государственную или частную компанию, или решил работать в СМИ, или уехал работать за рубеж. Кто-то ушел на пенсию (как много лет возглавлявший турецкое отделение доктор филологических наук Т. Д. Меликов), а кого-то мы с грустью проводили в последний путь. Мы бесконечно гордимся тем, что на кафедре восточных языков с первых лет работали и преподавали восточные языки, читали теоретические курсы такие известные в отечественном и мировом востоковедении специалисты, как доктора наук, профессора Юрий Аронович Рубинчик, Нина Васильевна Солнцева, Александр Николаевич Баскаков, Евгений Викторович Маевский, Константин Никитич Хитрик, Джахангир Хабибулович Дорри, Анатолий Иванович Арсланбеков, Владимир Эдуардович Шагаль, Леонид Борисович Никольский и другие. Мы помним китаиста Нинель Андреевну Демину, стоявшую у самых истоков создания кафедры восточных языков в МГЛУ, Владимира Васильевича Кима, многие годы руководившего корейским отделением кафедры, Севиль Энверовну Талыбову, Галину Петровну Сафину, Тамару Игоревну Гасанбекову – ярких и талантливых преподавателей персидского, японского, арабского языков, оставивших о себе неизгладимую память у коллег и студентов. Мы, преподаватели восточных языков, работающие в МГЛУ 20–30 лет, помним их лица, их имена и с благодарностью отдаем должное их вкладу в дело становления восточного направления в нашем университете.

Мы также гордимся тем, что в настоящее время на кафедрах восточных и китайского языков переводческого факультета, языковых кафедрах других факультетов МГЛУ рядом со своими учителями,

преподавателями восточных языков, пришедшими в университет 20–30 лет тому назад, работают и представители молодого поколения преподавателей китайского, корейского, японского, арабского, персидского, турецкого (а скоро, надеемся, и вьетнамского) языков, выпускников переводческого и других факультетов МГЛУ, достойно, как нам кажется, продолжающих и развивающих сформированную за прошедшие 30 лет и уже утвердившую себя школу преподавания восточных языков в Московском государственном лингвистическом университете.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Конрад Н. И.* Об изучении восточных языков в наших высших учебных заведениях. URL: <https://survincity.ru/2016/01/n-i-konrad-ob-izuchenii-vostochnyh-jazykov-v/> (дата обращения 26.06.2020).
2. Образовательные программы высшего образования, реализуемые в ФГБОУ ВО МГЛУ. URL: <https://linguanet.ru/sveden/education/spvo/index.php> (дата обращения 21.06.2021).

REFERENCES

1. *Konrad N. I.* (2016). Ob izuchenii vostochny`x yazy`kov v nashix vy`sshix uchebny`x zavedeniyax = On the study of oriental languages in our higher educational institutions. <https://survincity.ru/2016/01/n-i-konrad-ob-izuchenii-vostochnyh-jazykov-v/> (in Russ.)
2. *Obrazovatel`ny`e programmy` vy`sshego obrazovaniya, realizuemy`e v FGBOU VO MGLU = Higher education programs at Moscow State Linguistic University.* <https://linguanet.ru/sveden/education/spvo/index.php> (in Russ.)

Информация об авторе

Рахимбекова Л. Ш. – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой китайского языка переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Rachimbekova L. Sh. – PhD Philology, Associate Professor, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 03.06.2021; одобрена после рецензирования 02.07.2021; принята к публикации 05.07.2021

The article was submitted 03.06.2021; approved after reviewing 02.07.2021; accepted for publication 05.07.2021

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК Московского государственного лингвистического университета Гуманитарные науки Выпуск 10 (852)	VESTNIK of Moscow State Linguistic University Humanities Issue 10 (852)
---	---

Над выпуском 10 (852) работали:
кандидат филологических наук доцент Л. Ш. Рахимбекова
кандидат филологических наук доцент Т. С. Мозоль

Редактор *Е. М. Евдокимова*
Верстка *Г. П. Лопатиной*
Дизайн обложки *А. Г. Проскуракова*

ФГБОУ ВО МГЛУ
Подписано в печать 26.11.2021
Усл. печ. л. 15,75. Формат 60х90/16
Заказ № 68/21

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и/или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2021

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Ссылка на издание обязательна